

№ 1 (22) 2003

Церковь и время

НАУЧНО-БОГОСЛОВСКИЙ И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

- *Митрополит Смоленский и Калининградский*
КИРИЛЛ
К ЭФФЕКТИВНОЙ И СПРАВЕДЛИВОЙ
ЭКОНОМИКЕ
- *Протоиерей ВСЕВОЛОД ЧАПЛИН*
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И "ГЛОБАЛИЗМ":
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ,
НОВЫЕ УГРОЗЫ
- *РАССЕЛ КИРК*
ЦИВИЛИЗАЦИЯ БЕЗ РЕЛИГИИ?
- *Епископ Подольский ИЛАРИОН*
ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ
КАК ШКОЛА
БОГОСЛОВИЯ И БОГОМЫСЛИЯ
- *Святитель ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ*
О СЕБЕ САМОМ
И О ЕПИСКОПАХ

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*

Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

№ 1 (22) 2003

**Журнал издается Отделом внешних церковных связей
Московского Патриархата**

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации

Свидетельство о регистрации № 922 от 13 июня 1991 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

Заместитель главного редактора:

Священник Александр Макаров

Члены редакционной коллегии:

Епископ Иларион (Алфеев)

Протопресвитер Виталий Боровой

Протоиерей Николай Балашов

Протоиерей Всеволод Чаплин

Священник Александр Абрамов

А. С. Бувеский

С. Н. Говорун

Ответственный секретарь:

М. В. Первушин

Выпускающий редактор:

И. В. Соловьев

Адрес редакции:

115191, РОССИЯ, Москва, Даниловский вал, 22

Отдел внешних церковных связей

Редакция журнала «Церковь и время»

Телефон +7-095-955-67-53

Телефакс +7-095-230-26-19

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнения авторов помещенных в журнале статей
не всегда совпадают с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл</i> К эффективной и справедливой экономике.....	5
<i>Протоиерей Всеволод Чаплин</i> Глобализация и «глобализм»: новые возможности, новые угрозы.....	11
<i>Расселл Кирк</i> Цивилизация без религии?.....	27
Послание участников совместной консультации по проблемам глобализации в Центральной и Восточной Европе: «Служить Богу, а не маммоне».....	38

МИССИЯ ЦЕРКВИ

<i>Архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн</i> Миссионерское служение Русской Православной Церкви и вызовы современного мира.....	49
--	----

БОГОСЛОВИЕ

<i>Епископ Подольский Иларион</i> Православное богослужение как школа богословия и богомыслия.....	60
<i>Священник Владимир Вукашинович</i> Актуальные проблемы литургического возрождения в Православной Церкви.....	83

ПАТРОЛОГИЯ

<i>Святитель Григорий Богослов</i> О себе самом и об епископах.....	106
--	-----

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

<i>Гаврилин А. В.</i> Латвийская Православная Церковь в тридцатых годах XX века.....	173
<i>Псарев А. В.</i> Русская Православная Церковь Заграницей и экуменическое движение 1920-1948 годов.....	182

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ

<i>Епископ Бачский и Нови-Садский Ириней</i> Роль религии в достижении мирного сосуществования в современном мире. Правовая ответственность как основа взаимного признания.....	203
--	-----

АРХИВ

Из переписки Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) с митрополитом Литовским и Виленским Елевферием (Бого- явленским), управляющим западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви, архиепископом быв. Сева- стопольским Вениамином (Федченковым), клириками и ми- рянами Русской Православной Церкви во Франции. Документы из архива Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.....	209
--	-----

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Митрополит Смоленский и Калининградский КИРИЛЛ

К ЭФФЕКТИВНОЙ И СПРАВЕДЛИВОЙ ЭКОНОМИКЕ*

Ваше Высокопреосвященства и Ваше Превосходительства,
дорогие участники Собора, отцы, братья и сестры!

Совершенно не случайно, что главной темой VII Всемирного Русского Народного Собора стала экономика. Любой человек, которого вы спросите на улице о причинах общественного неустойства в нашей стране, прежде всего назовет экономические проблемы. Действительно, материальная составляющая во многом определяет социальную, культурную и даже отчасти духовную сторону жизни человека. Совершенно очевидно, что бедность провоцирует пороки. Несправедливая система перераспределения материальных благ, которые накапливаются в результате трудовой деятельности членов общества, также может явиться причиной социального и политического напряжения и таким образом спровоцировать пороки как в частной, так и в общественной жизни.

Не следует считать экономику областью исключительно материальных интересов. Выдающийся русский философ Николай Александрович Бердяев таким образом обозначил две составляющих экономических отношений: «Хлеб для меня — это материальная забота, а хлеб для моего ближнего — забота духовная».

Русская Православная Церковь придает большое значение данной проблеме. В «Основах социальной концепции», представляющих собой социальное учение Церкви, теме труда и собственности посвящены две главы.

* Речь председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата на VII Всемирном Русском Народном Соборе. Москва, 16-17 декабря 2002 г.

Церковь свидетельствует о двух нравственно и религиозно оправданных побуждениях к труду. Первое из них — трудиться, дабы прокормить себя и своих близких, то есть получить материальные блага для поддержания собственного физического, социального и культурного бытия, для обеспечения достойного уровня жизни своей семьи. Второе — это труд на благо тех, кто нуждается.

Современная система ценностей, побуждающая человека к приложению все больших усилий для постоянного повышения уровня личного потребления материальных благ, является греховой и порочной. Церковь напоминает людям, что экономическая деятельность может быть нравственно и религиозно оправданной лишь в том случае, если человек трудится не только ради себя и своих близких, но и для того, чтобы помогать нуждающимся. Эту мотивацию к труду можно назвать духовным измерением экономики. Церковь побуждает человека трудиться настолько эффективно, чтобы получать максимальную отдачу и при этом передавать излишки тем, кто сам не в силах зарабатывать себе на жизнь или кто по роду своей общественно полезной деятельности не должен производить материальные ценности. Православная этика постулирует очень важный принцип: экономика должна быть эффективной и справедливой.

Возникает вопрос: может ли быть жизнеспособной экономика, построенная на этических принципах? Не является ли такая экономическая модель эфемерной? Убежден, что это не так. Было бы ошибкой считать, что единственным реальным стимулом к развитию технологий хозяйствования может быть стремление к получению все большего количества материальных благ. Россия в начале XX века являлась одной из наиболее динамично развивающихся стран. Двигателями экономической системы страны в то время были русские купцы, большинство из которых не только успешно предпринимательствовало, но и строго блюло церковные и народные обычаи, искренне и активно участвуя в жизни Церкви. Согласно традициям русской православной культуры, богатство подлежало оправданию только в том случае, если употреблялось для блага всех.

Подобное отношение к богатству, будучи этически обоснованным, представляет собой убедительную альтернативу принципам буржуазного взгляда на труд и экономику. Некоторые публицисты называют сегодня Православие причиной экономических проблем нашей страны и обвиняют Церковь в том, что она якобы воспитывает человека, неспособного эффективно действо-

вать в условиях свободной рыночной системы. Совершенно очевидно, что это не так. Православие поддерживает человека в стремлении к производительному труду, ибо плоды труда предназначены не только для его личного потребления, но и для поддержки других.

К сожалению, в течение многих десятилетий производственные отношения в нашей стране не предусматривали реализации первого религиозно оправданного побуждения к труду — личной заинтересованности работника в получении возможно большей прибыли. Трудиться было не выгодно. Думаю, что коллапс экономической системы страны в 1990-х годах во многом был предопределен отчуждением человека от результатов собственного труда.

Каким образом возможен сегодня переход к нравственно оправданным и эффективным экономическим отношениям? Огромную роль в этом процессе должно играть воспитание. Участие Церкви в учебном процессе поможет привить детям высокие идеалы православной трудовой этики. Одной из целей преподавания «Основ православной культуры и этики» является знакомство школьников с этическими нормами Православия, которые обнимают собой не только правила личной и семейной жизни, но и способны выработать нравственное отношение к участию в общественной жизни, включая политику и экономику.

Большую роль в деле перераспределения избыточных материальных ценностей играет благотворительность. Из истории дореволюционной России мы видим, сколь важное место занимали благотворительные организации в общественной жизни страны. Однако следует признать, что добиться справедливого перераспределения материальных благ для поддержки неимущих, обеспечения общественно значимых программ, оплаты труда тех, кто по роду своей деятельности не производит экономических ценностей, только путем благотворительности невозможно. Здесь особая роль принадлежит государству. Именно государство должно взять на себя ответственность за справедливое распределение результатов труда, то есть за реализацию духовного измерения экономики.

Особое место в этом процессе занимает налоговая и бюджетная политика, которая и призвана перераспределять общественные блага в пользу немощных и поддерживать те институты, которые необходимы обществу для нормального существования. Поэтому создание таковой политики является задачей не

только экономической, но нравственной и даже религиозной. Разрабатывая справедливое и эффективное законодательство, государственные мужи совершают дело богоугодное. В таком случае их деятельность становится служением Богу, она приобретает ярко выраженное духовное измерение.

Церковь призывает своих чад к законопослушанию, однако нельзя не признать, что сегодня добросовестное соблюдение всех законов, подзаконных актов и административных решений ставит предпринимателя на грань разорения. Церковь напоминает законодателям, что их долгом является создание такой системы законов, которые не налагали бы на людей «бремена неудобобосимые».

Приведу пример: несколько добрых людей решили учредить благотворительный фонд, чтобы помогать нуждающимся. Для этого они собирались положить в банк деньги, а на проценты с вклада осуществлять гуманитарные акции. Таким образом уже более ста лет действует Нобелевский комитет: премии лауреатам выплачиваются из процентов с суммы, завещанной Альфредом Нобелем. Однако аудитор, к которому пришли за советом организаторы фонда, предупредил, что в силу несовершенства законодательной системы нашего государства сохранить этот капитал можно будет только в том случае, если они научатся его скрывать от контролирующих органов. Такое происходит не только в области благотворительности. В настоящее время человек не может создавать избыточные материальные ценности, не нарушая существующих законов или подзаконных актов.

Однако если нынешнее законодательство подталкивает даже самых честных людей к обману государства, можно ли называть сложившуюся в России экономическую систему нравственной? Возможно ли применение этических категорий к современным экономическим отношениям? Сложившаяся ситуация не способствует формированию у российских предпринимателей представлений о деловой и хозяйственной этике. Если положение дел останется неизменным, через пять или десять лет трудно будет найти хотя бы одного предпринимателя, желающего вести дело открыто и честно.

Необходимы механизмы, позволяющие совершенствовать государственную систему сбора и распределения средств. К числу таких механизмов относятся общественный контроль, прозрачность бюджета и многое другое. Вызовами нравственному чувству являются также такие негативные явления нашей жизни, как уклонение от уплаты налогов, вывоз капиталов за пределы

России, особенно тех, что были получены от продажи природных ресурсов.

Обострение социальной напряженности в стране объясняется и некоторыми особенностями общественной психологии: избыточные материальные ценности, находящиеся в руках другого человека, у большинства наших сограждан вызывают недобрые чувства. Зависть была положена в основу почти всех революционных катаклизмов. Революционеры во все времена считали, что для достижения всеобщего счастья достаточно отнять ценности у богатых и раздать их бедным. Однако история свидетельствует, что перераспределение ценностей насильственным способом никогда не приводит к созданию справедливого общества.

Что же делать сегодня? Снова, как это было уже не раз в российской истории, насильственно перераспределять собственность в надежде на достижение справедливости? Или путем разумной и справедливой бюджетной и налоговой политики, путем ответственного участия государства, работодателей и трудящихся изменить характер экономических отношений, обеспечивая рост производства и справедливое распределение результатов труда? Если вернуться к теме вывоза капитала, — десятки миллиардов долларов исчезают ежегодно за рубежом, а экономика продолжает функционировать. Что же будет, если эти миллиарды останутся в нашей стране? Приходится говорить не столько о принципиальных недостатках экономической системы, сколько о необходимости срочного создания механизмов возврата капитала, о воспитании честного отношения к налоговым обязательствам, о совершенствовании налогового законодательства. И, может быть, этого будет достаточно для того, чтобы в рамках нынешней системы, без ее радикальных перемен, добиться становления эффективной и справедливой экономики.

Надо помнить, что с религиозной точки зрения единственным законным собственником всех земных благ является Бог — Творец мира, а мы лишь временно пользуемся ими. Не следует забывать, что, поскольку Бог дал нам эти блага, Он может их и забрать. Хорошо известна Евангельская притча: «У одного богатого человека был хороший урожай, и он рассуждал про себя: что мне делать?.. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то,

что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Мк. 12:16-21).

Экономика — зона повышенного этического и религиозного риска, ибо «не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6:24). Если человек главной целью своей жизни поставил получение материальных благ, он потерян для Царствия Божия. Богато обставленный дом, дорогие украшения и машины — все это лишь временно может приносить радость, и если человеку чужды иные, высшие ценности, он замыкается в тесном мирке материальных интересов и лишает себя полноты жизни.

Недавно я совершал богослужение в русской православном храме в Цюрихе. В тот день на Литургии читался отрывок из Евангелия, в котором содержались слова о том, то легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Небесное (Мф. 19:23). Прихожане этого храма — в большинстве своем обеспеченные люди, проживающие в богатом и благополучном государстве. Мне было бы очень трудно обратиться к ним с проповедью, если бы в завершение Евангельского чтения не прозвучали другие слова Спасителя: «Невозможное человеку возможно Богу» (Мф. 19:25). Да, действительно, только Бог может спасти и богатого, и бедного. Но богатый должен знать, что его путь ко Спасению непременно предполагает разделение с неимущим избытков своего состояния.

Церковь не предлагает конкретных методик или пропорций перераспределения избыточных материальных ресурсов. Какую долю плодов своего труда оставлять себе, а сколько отдавать нуждающимся согражданам и направлять на общественно значимые программы — дело совести каждого человека и вопрос общественного регулирования. Если общество сможет установить стандарты потребления исходя из нравственных норм, станет неприличным выставлять напоказ свое богатство.

В создании основ справедливой экономики должны принять участие все институты гражданского общества, в том числе профсоюзы, различные объединения граждан, а также деятели науки и культуры и, конечно, религиозные организации.

Уверен, что силой Божией и в ответ на наши общие усилия нестроения закончатся. Созидание всегда требует несравненно больших усилий, нежели разрушение, поэтому будущее России в огромной степени зависит от того, насколько мы готовы самоотверженно трудиться ради блага своей страны.

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И «ГЛОБАЛИЗМ»:
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ УГРОЗЫ**

Слово «глобализация» стремительно ворвалось в лексикон православных христиан с недавнего времени. Что стоит за этим термином? Как относиться к обозначаемой им мощной, грозной, многим непонятной реальности? Как реагировать? Прятаться? Противостоять? Пытаться жить по-прежнему? Использовать для миссии Православной Церкви?

Первоначально понятие «глобализация» возникло на Западе в связи с новым развитием мировой экономики. Этим термином обозначили коренные изменения, затронувшие сферу предпринимательства и торговли. В частности, речь идет о многократном облегчении перемещения через границы и океаны товаров и денег, об усилении влияния транснациональных корпораций — международных компаний, как правило, управляемых из одного центра на Западе, но имеющих предприятия в десятках стран мира, — а также о возникновении системы мирового финансового капитала, благодаря которой огромные деньги делаются не за счет производства, а за счет биржевых и иных подобных спекуляций, в том числе через электронные каналы. В рамках этой системы человек, сидящий за компьютером в Лондоне или Майами, может благодаря интуиции или удаче за один миг приобрести состояние, превышающее годовую зарплату тысяч рабочих, трудящихся на нижнетагильском заводе или на бразильских кофейных плантациях.

Новый тип мировой экономики породил целый ряд международных организаций, призванных регулировать «правила игры» и декларирующих заботу о свободе торговли. Это Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО), экономические структуры Европей-

ского Союза. В рамках данных организаций государства принимают решения, касающиеся экономических взаимоотношений друг с другом, условий экспорта и импорта, а также внутренней экономической политики, которая в силу нового характера мирового хозяйства практически неотделима от международных процессов.

Конечно, глобализация не ограничивается только областью экономики. Развитие транспорта и средств коммуникации — особенно телевидения и Интернета — существенно облегчило преодоление расстояний между странами и континентами. Перелететь из Москвы в Нью-Йорк (тем, у кого есть средства) сегодня гораздо быстрее и проще, чем доехать, скажем, до Вятки (тем, у кого денег немного). Миграция, особенно в преуспевающие западные страны, быстро меняет этнический и расовый состав населения. Миллионы людей общаются по Интернету с зарубежными собеседниками гораздо чаще, чем с соседями по лестничной площадке. Естественно, такое развитие событий облегчает взаимопроникновение различных культур, распространение идеологий и религиозных учений.

Наконец, глобализация имеет правовой и политический аспекты. За последние 50 лет в мире возникла разветвленная и сложная система межправительственных организаций, в рамках которых оформился комплекс международного права. Организация объединенных наций (ООН) и региональные межгосударственные структуры — такие как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совет Европы — принимают решения и правовые акты, обязательные для исполнения всеми странами-участницами. Несоблюдение договоренностей влечет за собой санкции — политические, экономические, военные, вплоть до вооруженной интервенции. Международное законодательство, как правило, имеет приоритет перед законами отдельных стран (это, в частности, закреплено в российской Конституции).

Сегодня можно с уверенностью сказать, что подавляющее большинство правительств мира передало весьма значительную часть своих прежних полномочий международным организациям. Способность страны защитить свои внутренние и внешние интересы нынче во многом зависит от того, какой вес она имеет в этих организациях, насколько представлена в коллективных органах, принимающих важнейшие решения. В 1940-1980-е годы Советскому Союзу удалось приобрести прочные позиции в ООН, ОБСЕ, некоторых других международных структурах, где СССР получил право вето и неизменно участвовал в выработке меж-

дународных правил и законов. Впрочем, в это время отечественная дипломатия делала упор главным образом на отстаивание чисто политических и военных интересов своей страны и «мировой социалистической системы», практически позволив Западу закладывать философские и мировоззренческие основы цивилизационного развития.

С началом 1990-х годов, после роспуска международных структур типа Совета экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора, Россия и другие страны Содружества Независимых Государств начали сближаться с организациями, сформированными под руководством исключительно западных держав — Советом Европы и Организацией Североатлантического договора (НАТО). Принципы и правила этих структур были выработаны без нашего участия. Несмотря на формальное равенство государств-членов, ведущие позиции там прочно закрепились за сильнейшими странами западного мира — США, Великобританией, Германией, Францией. При приеме, например, России в Совет Европы у нее не было ни малейшего шанса изменить стандарты и мировоззренческую основу этой организации — нашей стране лишь предлагали измениться самой, дабы не получить унизительного отказа. В НАТО, где каждое государство-участник имеет право вето, страны СНГ и Балтии (равно как и все православные страны, за исключением Греции) пока лишены какого-либо гарантированного доступа к механизмам принятия решений, что позволяет этой организации как бы «от имени всей Европы» предпринимать такие, мягко говоря, далекие от легитимности действия, как недавние бомбардировки Югославии.

Мощнейшим наднациональным образованием становится Европейский союз (ЕС), уже создавший единую валюту, а также обширный комплекс законов и экономических правил. Верховные структуры ЕС — Европейский парламент и Европейская комиссия — постепенно превращаются в единые органы законодательной и исполнительной власти для всех стран, входящих в Евросоюз. Реальность складывается так, что, например, правила трудоустройства или цены на хлеб, действующие в Португалии либо Польше, скоро будут определяться исключительно в Брюсселе — в штаб-квартире ЕС.

Евросоюз, претендующий на роль выразителя интересов всех народов Европы, пока даже не ставит вопрос о приеме России, Украины или Белоруссии в ряды своих членов. Мало того, многие небольшие страны, ожидающие принятия в ЕС через два-три года, не получают там ни права вето (которым пока обладают

все нынешние члены Евросоюза), ни достаточного количества влиятельных должностей для своих представителей. Станет возможной ситуация, при которой некоторые государства, особенно малые страны Центральной и Восточной Европы, будут вынуждены беспрекословно подчиняться решениям, принятым без их участия, особенно если это будет соответствовать позиции крупных держав — Англии, Франции, Германии, Италии, Польши.

Подытоживая, можно сказать, что в большинстве международных организаций, в рамках которых сосредоточена огромная власть, легитимизированная современным правом, Россия и единовременные нам страны Восточной Европы не обладают влиянием, соразмерным значению православной цивилизации. Впрочем, то же самое можно сказать о странах исламских и даже католических — основную роль в глобализационных процессах играет протестантский, вернее, постпротестантский мир.

На мировоззренческих аспектах глобализации остановимся позднее. Зададимся сначала другим вопросом, который сегодня ставят многие в Европе и мире: что такое глобализация на самом деле? Можно ли разделить в ней две вещи: с одной стороны — естественное расширение сотрудничества между странами и народами, а с другой — некий «глобальный проект», имеющий свою идеологию, свои цели и тайные пружины?

Так, достаточно очевидно, что современная экономика не может существовать без разветвленной и хорошо отлаженной системы международных связей. В мире наличествует обусловленное многими факторами разделение труда между странами: одни обладают природными ресурсами и могут качественно их перерабатывать, другие достигли успеха в производстве высокотехнологичных товаров, третьи имеют развитое сельское хозяйство, четвертые неплохо живут за счет туризма и «индустрии развлечений». Практически ни одно государство, даже такое мощное, как Соединенные Штаты, не может в одиночку произвести всего, что требуется для его жизни и развития — если такое и возможно технически, это будет крайне невыгодно. Естественно, международная торговля и экономическое сотрудничество нуждаются в регулировании: надо договариваться об условиях и объемах экспорта и импорта, ценах, таможенном режиме и т.д. Наличие централизованных мировых экономических организаций и соглашений сегодня является неизбежностью. Иначе сильный и богатый будет грубо попираť бедного и слабого.

Однако нынешняя глобальная экономическая система вряд ли может быть названа справедливой. Не случайно, согласно

статистике Международного спасательного комитета, 6% населения Земли владеют 59% мирового богатства, в то время как 70% людей мира не умеют читать, а 50% страдают от недоедания. Не случайно и то, что международные экономические организации — ВТО, ВБ, МВФ и другие — подвергаются жесткой критике со стороны религиозных объединений, профсоюзов, молодежных и научных ассоциаций по всему миру, не исключая Запад. Труд в странах «золотого миллиарда» — т.е. в Западной Европе, США, Японии и некоторых других государствах — оплачивается в десятки и сотни раз выше, чем во «втором» (нашем) и «третьем» мире. Основная прибыль получается не за счет производства товаров, а за счет их перемещения из страны в страну, с континента на континент. Мало того, деньги все более делают деньги: «виртуальная» экономика финансовых спекуляций становится самой доходной, наиболее заманчивой для дельцов, и некоторые из них уже утверждают, что экономика «реальная» — производство и торговля товарами — может особо не приниматься в расчет, поскольку слабо влияет на «большой бизнес».

Международные экономические организации во многом стали средством создания описанной системы. Навязывая десяткам стран свои рецепты реформирования экономики, подчас приводившие к краху национального хозяйства, они ни разу не посмели подвергнуть критике экономический уклад Англии или Германии, дабы побудить эти страны лучше оплачивать труд зарубежных граждан. Настаивая на открытости границ для американских компьютеров, они пока не помогли тамбовским крестьянам продать картофель в Нью-Йорке. Кстати, о компьютерах. Реальную «свободу» международной торговли прекрасно характеризует тот факт, что электронные машины нередко производятся, скажем, на Тайване, но приносят прибыль американским фирмам, в то время как сами тайваньцы продать конечный продукт в США не могут.

Итак, мировые центры экономической власти, перед которыми вроде бы равны все страны и народы, на деле подчас работают на укрепление могущества сильных и богатых государств, чье нынешнее благосостояние не смогло бы состояться без продолжающейся по сей день эксплуатации бывших колоний — своих и чужих. Незыблемыми остаются и позиции крупного бизнеса, прежде всего транснациональных корпораций. В тех же случаях, когда аппарат МВФ, ВБ и ВТО пытается стать на сторону обделенных (а такое бывает), решение практически не может быть принято без санкции США и ЕС — основных доноров

международных финансовых организаций. И, конечно, эти организации вряд ли осмелятся реально действовать против «жизненных» интересов стран «золотого миллиарда». Миллионы детей в Африке могут умирать от голода и СПИДа. Но никто не позволит МВФ и ВТО, даже если они того захотят, перераспределить доходы в мире так, чтобы на спасение этих детей пошла хотя бы пятая часть средств, которые жители стран Запада тратят на парфюмерные изделия и на корм для «домашних любимцев».

Возникновение современных коммуникационных средств многократно облегчило передачу информации, распространение различных учений и культур. Сейчас, чтобы донести Слово Божие до самых отдаленных уголков планеты, православному миссионеру не нужно отправляться в далекий путь — достаточно открыть страницу в Интернете, затратив на это минимум усилий и материальных средств. Скоро, наверное, упростится и доступ к телевидению. Когда картинка начнет качественно и повсеместно передаваться через тот же Интернет, создать свою — пусть примитивную — телепрограмму сможет практически любой, у кого есть компьютер и видеокамера.

Да, информационная глобализация открывает для Православия в мире новые возможности, которыми многие из нас уже активно пользуются. Но нельзя не видеть и того, что на мировом информационном поле доминируют силы, чуждые не только истинному христианству, но и вообще любой религии. Международные средства массовой информации, в первую очередь телекомпании, агентства и интернет-структуры, превратились в огромные корпорации с многомиллиардным капиталом и жесткими идеологическими установками. Собственно, они давно перестали быть «средствами», оформившись в самодовлеющие организмы.

Глобальные информационные структуры не случайно стараются вытеснить религию на периферию общества. В мировых СМИ почти невозможно говорить о вере как об основе жизни и мерило любых деяний. О религии вспоминают либо по большим праздникам — на Рождество, конец Рамадана, день рождения Будды, — либо в связи с конфликтами и скандалами, вроде христианско-мусульманской резни в Нигерии или «венчания» сектантом Муном католического архиепископа Милинго. Засвидетельствовать о своей вере серьезно и в полный голос через международные СМИ почти невозможно. При этом владельцы крупных медиа-компаний подчас именуют себя верующими людьми и не выступают против какой-либо религии. Но, если попросить их предоставить эфир для проповеди, они ответят: мы не можем

пропагандировать религиозные представления об истине, разделяемые не всеми. Вообще для этих людей и для их идеологии понятие «истина» вряд ли существует. В качестве «ценностей», приемлемых для всех, а значит, единственно достойных распространения и поддержки, они признают лишь приоритеты чисто земного, материально-душевного бытия: жизнь, здоровье и права человека, его возможности для самореализации в обществе и в профессиональной сфере, комфорт, достаток, доступ к развлечениям. Таким образом в качестве единственного «общепризнанного» идеала людям исподволь навязывается забота о временном благополучии. Нормой объявляется бытие, лишенное Неба и того высшего смысла, ради которого стоит изменить всю свою жизнь, а то и пожертвовать ею.

Известно, что мировые СМИ, особенно действующие в Интернете, в своем худшем варианте пропагандируют насилие, разврат, вседозволенность. Но и солидные глобальные информационные структуры, не допускающие даже тени порнографии или пропаганды войны, несут в себе определенное идеологическое послание, крайне чуждое христианству: абсолютной истины нет, любые религии и мировоззрения равны, а все, что мешает конструированию «царства Божия на земле», надо вынести за скобки. Прежде всего — Бога.

Информационная глобализация тесно связана с культурной, которая постепенно оборачивается превращением народов мира в однообразный «продукт», а многовековые национальные традиции — в достояние этнографических музеев. Одинаковая музыка, одинаковая одежда, одинаковые «передовые» художественные вкусы, одинаковый стиль жизни — все это активно навязывается нынешней массовой культурой жителям разных континентов и стран — от Исландии до Южной Африки и от Марокко до Кореи. Естественно, пропагандируются прежде всего западные культурные штампы (кроме тех, которые хоть как-то связаны с традиционным христианством).

Возникновение международных организаций и международного права также во многом обусловлено насущной необходимостью. Недавние события показали, например, что нельзя бороться с терроризмом в рамках только одной страны или группы стран. Лишь общие усилия разных государств и народов способны разрешить такие проблемы, как интернациональная преступность, глобальное потепление, региональные вооруженные конфликты, распространение средств массового уничтожения и т.д. Урегулирование международных споров, сотрудничество между

государствами — экономическое, политическое, военное и иное — требует установления правовых норм, которые одинаково соблюдались бы разными правительствами.

Впрочем, часто международные организации ничего не могут противопоставить существующей в мире несправедливости, а иногда и закрепляют ее. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви говорится: «Нельзя недооценивать опасности расхождения между волей народов и решениями международных организаций. Эти организации могут становиться средствами несправедливого доминирования стран сильных над слабыми, богатых над бедными, технологически и информационно развитых над остальными, практиковать двойные стандарты в области применения международного права в интересах наиболее влиятельных государств». Пример бомбардировок Югославии в 1999 году показывает, что государства, которые обладают превосходящей военной и политической силой, способны нарушить суверенитет более слабой страны вопреки нормам международного права. Не добившись согласия Совета безопасности ООН, которому принадлежит исключительное право санкционировать вооруженное вмешательство в дела суверенного государства, западные страны осуществили интервенцию на основе решения, принятого в НАТО — организации, где представлены только они сами и где никак не защищены интересы Югославии. Возникает вопрос: по какому праву группа государств грубо вмешалась во внутреннюю жизнь другой страны, стала определять, что для нее хорошо, а что плохо, даже не предоставив ей возможности принять участие в решении собственной судьбы, выразить волю своего правительства и своего народа? Почему мировое сообщество допустило ситуацию, когда сильные и богатые страны, не сумев убедить в своей правоте максимально представительный орган — ООН, в которой участвуют Югославия и ее союзники, — начали действовать в одностороннем порядке?

Тогдашние события подняли и еще одну, глубинную проблему. Боевые действия против Югославии Запад обосновывал тем, что в Косове совершались убийства этнических албанцев. Да, это было так. Югославские войска и полиция действительно уничтожили немало мирных людей. Но не надо забывать, что албанские сепаратисты, создавшие хорошо вооруженную армию, также убили множество сербов. Но главное даже не в этом: югославская армия и сербское население Косова пытались защитить нечто с их точки зрения более ценное, чем земная жизнь —

своя или чужая, — землю и святыни собственного народа. Кстати, международное право вполне признаёт, что государство имеет право защищать свою целостность любыми средствами, включая силовое подавление вооруженного мятежа. Однако в последнее время западные идеологи все чаще настаивают: нет и не может быть ничего более важного, чем человек, нет вообще никаких ценностей, ради которых стоит ограничивать его внешнюю свободу (единственное исключение — ценность жизни и свободы другой личности). Вера, земля, идеалы, чувство патриотизма, священные предметы и понятия — все это ничтожно по сравнению с временной («единственно реальной») жизнью, правами и удобствами грешного человека.

Международное законодательство во многом основано на идеологии секулярного гуманизма. Ее суть — «все во имя человека, все для блага человека» (естественно, имеется в виду благо материальное, душевное, но почти никогда — духовное). Эта идеология отдает безусловное предпочтение обустройству земного бытия перед стремлением к вечной жизни, перед религиозными и нравственными ценностями, которые могут «затруднять» движение к неограниченной свободе, комфорту и достатку. Религия в рамках данной идеологии воспринимается как сугубо частное дело граждан. С точки зрения гуманиста, человечество должно управляться исключительно на основе рационалистического, «объективного и научного» миропонимания, а религию как основу общественного устройства нужно отвергнуть.

До сих пор международные законы довольно осторожно вторгались в сферу веры, идеологии, человеческих убеждений. Во многом такое вторжение ограничивалось позицией мусульманских и католических стран, отстаивавших свои традиции (СССР и Россия обычно молчали). Однако иные международные нормы уже сейчас вступают в определенное противоречие с религиозными принципами многих народов. Так, греческий закон, запрещающий обращать православных в другую веру, не соответствует идеологии международного права и подвергается жесткой критике Совета Европы. То же самое можно сказать, например, о пакистанской правовой норме, карающей за кощунство, или о законах многих других исламских государств, не допускающих смены вероисповедания мусульманами.

Сегодня реальные творцы международного права — западные политики, чиновники международных организаций и влиятельные общественные деятели (в основном опять же западные) — готовы пойти еще дальше. Многие из них призывают

радикально, по французскому или советскому образцу, не только отделить религию от государства, но и вообще вытеснить ее в «добровольную» внутреннюю эмиграцию. Раздаются призывы сделать невозможным религиозное образование в общедоступных школах либо поставить его под жесткий идеологический контроль, а также признать «дискриминационными» и «разжигающими рознь» любые вероучения, утверждающие, что именно они и только они обладают абсолютной и единственной истиной.

Итак, мы подошли к одному из ключевых вопросов глобализации. Это *вопрос о ценностях*. Для православного человека главная цель земного бытия — спасение, стяжание жизни вечной. Все, чем живет «мир сей», — приобретение богатства и власти, достижение комфорта, забота о здоровье, даже само сохранение и продление земного бытия личности — для нас важно и нужно ровно постольку, поскольку все это не мешает духовной жизни. Держаться своей веры, единственно истинной и единственно спасительной, для православного христианина важнее всего на свете (вспомним мучеников первых веков христианства и нашего недавнего прошлого, которые с радостью шли на смерть и благословляли на нее близких, только чтобы не изменить Христу и Церкви). Если кто-либо побуждает или принуждает нас к вероотступничеству или иному смертному греху, лучше пойти в узы и на гибель, чем повиноваться стихиям мира.

Вера для истинного христианина — это не просто малозначительная особенность частной или семейной жизни. Это основа всего бытия. Именно ей, верой, нам следует прежде всего руководствоваться в каждом поступке. На ней мы основываем оценку действий власти и различных общественных организаций, нравственный смысл существования которых Православие видит в ограничении греха и поддержке добродетели. В идеале, православные духовно-нравственные принципы должны лежать в основе общественного устройства.

Однако многие современные идеологи пытаются учить нас иному. По их мнению, абсолютной истины не существует. Единственным мерилom всех вещей и явлений они считают пользу живущих на Земле людей, их свободу, права и т.д. Грех, если только он не приносит вреда другому человеку, объявляется нормальным и даже полезным (ведь его нереализованность порождает «комплексы»). Делаются попытки разработать на основе гуманизма «глобальную этику», смысл которой — свести все нравственные учения к минимальному набору норм, обеспечивающих беспроblemное существование земного мира и человека в

нем. Такая этика полностью противоречит этике православной, ведь последняя учит: без истинной веры все добрые дела по большому счету духовно бесплодны, ибо не приближают человека ко спасению (иногда даже отдаляют от него из-за гордыни и «самоправедного» богозабвения), а единственным средством, позволяющим достичь нравственного совершенства, является благодать Божия, подаваемая в церковных таинствах. Конечно, православные христиане с уважением относятся к добродетельным поступкам инаковерующих и нерелигиозных людей. Но мы знаем: без веры невозможно угодить Богу (Евр. 11:6), полностью победить грех и достичь вечной жизни.

Вытеснение последовательного религиозного мировоззрения и замена его на секулярный гуманизм производятся не только путем информационной экспансии, образовательных программ и т.д. Есть опасность утверждения обезбоженного гуманистического мировоззрения в качестве элемента права — международного или национального, — обязательного для исполнения. Между прочим, в российской Конституции уже содержится идеологизированное гуманистическое утверждение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (Ст. 2). Для православных христиан, полагающих высшей ценностью свою веру и возможность спасения, такое утверждение выглядит более чем странно.

Опасность установления идеологического контроля над личностью, ее мировоззрением, религиозным и нравственным выбором тесно связана с проблемой электронного учета всех совершаемых человеком действий. Конечно, законопослушному гражданину пока нечего бояться: если он исправно платит налоги, исполняет другие свои обязанности, не совершает ничего противоправного, — ему нет смысла что-либо скрывать от государства. Но представим себе такую ситуацию: в течение двадцати-тридцати лет мир, включая Россию, перейдет на систему расчетов и других социально значимых действий путем использования специального электронного идентификатора — карточки или чего-то в этом роде. Сам по себе этот идентификатор может не нести в себе никакого недоброго знака, никакой вредной информации. Но уже тот факт, что без него нельзя будет сделать покупку, сходить к врачу, устроиться на работу, просто выйти из дома — сам по себе опасен. Ведь люди не просто привыкнут к «умным карточкам» — они не смогут без них жить. И правителям, включая международных, станет очень просто поставить идеологические условия, например, для продления действия кар-

точки на следующий год. Можно будет принять какой-нибудь закон, говорящий: «Никому не позволено учить, что истина содержится только в одной религии», или: «Никто не должен утверждать, что гомосексуализм противоестественен», — а затем отказать в продлении действия карточки любому, кто не подпишется под декларацией о полном согласии со всем корпусом действующего права. То есть, в данном случае, не совершит измены православной вере.

Итак, нам нужно твердо знать: Православие и секулярный гуманизм принципиально расходятся друг с другом. Принципы, исповедуемые нами и строителями «Царства Божия без Бога», постоянно вступают в противоречие. Для нас очевидно: человека нужно любыми средствами оградить от греха (будь то прелюбодеяние, пьянство, просмотр похабного фильма или отход от Православной Церкви). Наши оппоненты, наоборот, считают: ограничение человеческой свободы — преступление, с которым нужно бороться. Мы убеждены, что ради защиты веры или народной святыни следует бороться до последней капли крови. Гуманисты скажут, что эти «предрассудки» не стоят человеческих жизней. Мы знаем, что православному ребенку лучше умереть, чем быть навсегда обращенным в чужую веру заезжим миссионером, — для неверующего человека такое утверждение покажется дикостью. Ведь для нас главное — достигнет ли человек Неба. Для них — хорошо ли ему будет на земле, во временной жизни, кроме которой они ничего не знают. В центре православного миропонимания стоят Бог и Церковь, а в основе секулярного гуманизма лежит антропоцентризм, т.е. поставление грешного, непреображенного человека в центр Вселенной.

При этом важно помнить, что вера, понимаемая как главный закон жизни, а также патриотизм и другие духовно-нравственные ценности, принимаются в качестве безусловного приоритета над всем остальным не только православными христианами, но и чадами многих других цивилизаций — католической, исламской, китайской и так далее. Радикальный же обезбоженный гуманизм разделяется в лучшем случае 10-15% населения планеты — частью жителей Северной Америки и Западной Европы, а также небольшой «элитной» прослойкой в других частях света. Таким образом, меньшинство диктует свою волю большинству, разделяя его и манипулируя им.

Глобализационные процессы ставят перед человечеством вопрос: какие ценности возобладают? Будет ли навязан всем народам «единый стандарт» безбожного гуманизма, или они смогут

не только сохранить, но развивать и проповедовать свое традиционное духовное наследие? Наконец, будет ли разрушена почти абсолютная монополия гуманистических идей на право быть основой государственного, общественного и международного устройства? Или религиозные начала миропонимания все-таки станут одним из источников формирования международного права и порядка?

Второй главный вопрос глобализации — *вопрос о власти в мире*. Мы хорошо знаем, что современные государства, как правило, отошли от принципа богоустановленности царской власти и построили демократическую систему, основанную на выборах народных представителей. Эта система сегодня в целом сохраняется как на уровне отдельных стран, так и на уровне международных организаций, где решающий голос имеют главы и представители законно избранных органов власти разных государств. Однако глобализация все больше становится причиной кризиса демократии. Не случайно международная христианская консультация, обсуждавшая в июне 2001 года в Будапеште последствия глобализации для Центральной и Восточной Европы, пришла к такому выводу: «Глобализация коренным образом преобразила природу власти. Избранные демократическим путем правительства и их представители в международных организациях проигрывают влиятельным международным бюрократическим машинам, транснациональным корпорациям, владельцам СМИ и игрокам на поле “глобального” финансового капитала». Действительно, «неформальная» власть, никем не избранная и по большому счету никого, кроме себя, не представляющая, становится реальным центром принятия мировых решений, превосходящим по влиянию власть «формальную».

Миру предстоит определить, кто будет распоряжаться его судьбой: сами народы или небольшие группы богатых и влиятельных людей, которые присвоили себе право руководить «серой массой» и переделывать ее по собственному усмотрению. Кстати, упомянутая будапештская конференция обратила к «новой власти» такие слова: «Мы бросаем вызов этим силам, призываем их стать более прозрачными, ответственными и доступными для более широкого представительства. Народы мира должны взять контроль за глобальными политическими и экономическими процессами в свои руки. Демократия должна быть восстановлена в новых формах принятия решений на местном, национальном и международном уровнях».

Глобализация многократно обостряет борьбу вокруг власти и ценностей. Эта борьба ныне приобретает совершенно особый

характер, ведь речь идет о будущем устройстве всего мира и каждой страны в отдельности, каждого города и села, каждой семьи. Исход этой борьбы коснется всех без исключения жителей планеты — даже тех, кто удалился от суеты «большого» мира в маленькие села и на отдаленные хутора.

Нам, православным, надо со всей смелостью и со всем дерзновением взглянуть на новую реальность. Да, мир стал единым, тесным, взаимосвязанным. Да, от процессов глобализации — если понимать под ними естественное усиление международного сотрудничества — прятаться невозможно, да и не нужно. Тем более, что эти процессы предоставляют нам новые возможности проповедовать Православие духовно растерявшемуся миру, в котором многие обостренно жаждут Истины.

Впрочем, многие подмечают разницу между *глобализацией* и *глобализмом* — проектом захвата власти и навязывания либеральных, секулярно-гуманистических «ценностей» всему человечеству в качестве «универсальных» и «общепринятых». В центре этого проекта — силы, далекие от христианства, если не прямо антихристианские (и вообще антирелигиозные). До сих пор им удается наиболее эффективно и удачно использовать в своих целях все то, что обычно называют глобализацией: взаимопроникновение народов, ускоренное распространение поверх границ информации, товаров, денег, услуг, политических процессов и даже военных конфликтов.

Однако мы не должны слагать духовного оружия, оставляя мир и свою Родину на поругание неприятелю. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II говорит: «Никогда не замыкаться в себе, но просвещать мир светом Христовым — эта миссия нашей Церкви и нашей нации есть основа их неразрывной связи с мирозиданием... Чтобы защитить свои интересы, чтобы остаться собой, любая страна должна самым активным образом участвовать в мировых процессах». Русская православная цивилизация призвана во всеуслышание заявить, что она имеет не меньше прав на причастность к определению судеб Европы и мира, чем Запад или любая иная крупная этнокультурная общность. Как однажды сказал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, миропорядок нужно переустроить на основе «многополярности и многоукладности». В Соборном слове VI Всемирного Русского Народного Собора, состоявшегося в Москве 13-14 декабря 2001 года, говорится, что каждому народу нужно позволить «развиваться свободно, в соответствии со своими традициями, своим мировоззрением, своей верой, своими

исконными моделями политического и экономического обустройства. Никому не следует навязывать чуждых ценностей, информационного и культурного единообразия, искусственно прививаемых схем правовой и политической организации государства, систем образования и воспитания. Каждому народу нужно обеспечить соразмерное участие в принятии решений на международном уровне».

Православным христианам можно и нужно добиваться решающего влияния на международные процессы — влияния достаточного для того, чтобы никакая злая воля не смогла до исполнения времен восторжествовать в мире. Что для этого нужно?

Во-первых, тщательно наблюдать за поведением наших государственных властей в международной политике, а при необходимости — требовать, чтобы это поведение изменилось. Когда Россия, Украина, Белоруссия, любая другая страна с преобладающим православным населением подписывает тот или иной международный договор, вступает в какую-либо межгосударственную организацию, принимает в ее рамках важный закон или судьбоносное решение — правительство и дипломаты должны основывать свои действия на воле народа. Поэтому мы имеем полное право получать самую подробную информацию о сути принимаемых решений и об их последствиях для жизни своей страны, для ее граждан, для их духовной свободы. Православные христиане, составляющие большинство населения государства, вправе требовать от своего правительства отказаться от подписания международного договора, угрожающего антиправославными действиями, или изменения содержания такого договора. Если он уже подписан, можно предотвратить его ратификацию в парламенте. Наконец, мы должны узнавать о готовящихся решениях международных организаций и требовать от властей своей страны, чтобы они заблокировали действия, не соответствующие нашим интересам. Обращаться в этих случаях следует к президентам, в министерства иностранных дел и в парламенты своих государств.

Во-вторых, мы можем напрямую высказывать нашу озабоченность международным организациям. Большинство их открыто для консультаций с так называемыми неправительственными организациями (НПО), предоставляют им информацию о готовящихся решениях и проектах международных законов. НПО не имеют в межгосударственных структурах права голоса. Но они могут быть весьма и весьма влиятельны, особенно если пользует-

ются поддержкой правительств своих стран. Многие из них напрямую участвуют в подготовке важнейших решений и законопроектов. Представители церковного Священноначалия используют этот канал, реализуя следующее положение Основ социальной концепции Русской Православной Церкви: «Памятуя о необходимости духовно-нравственного влияния на действия политических лидеров, соработничества с ними, печалования о нуждах народа и отдельных людей, Церковь вступает в диалог и взаимодействие с международными организациями. В рамках этого процесса она неизменно свидетельствует свою убежденность в абсолютном значении веры и духовного делания для человеческих трудов, решений и установлений».

Говорить перед лицом международных организаций о своих проблемах, вести с ними диалог, протестовать против неприемлемых решений способны и простые миряне, объединившись в общественные союзы, которые могут быть зарегистрированы как НПО. Для этого, впрочем, нужно иметь хорошую политическую и юридическую подготовку, владеть английским языком. Людей с такими навыками среди нас уже сейчас немало, а вскоре будет больше. Мы можем найти себе союзников среди многих общественных организаций — отечественных и зарубежных, которые также озабочены негативными последствиями глобализации и экспансией глобализма. Во многом нас поддержат общины католиков, мусульман, традиционных буддистов, часть протестантов и иудеев.

Глобализация — неоднозначный процесс, чреватый многими опасностями. Станет ли он предтечей антихриста или будет обращен нам на пользу, в большой степени зависит от нас с вами, от гражданской позиции православных христиан. Прежде всего нам надо не пугаться непонятных явлений, а попытаться вникнуть в их суть и понять, несут ли они сами по себе какую-то угрозу, или наши недруги просто используют их, оказавшись более работоспособными, чем мы сами. В последнем случае нужно с еще большей ревностью начать действовать.

Действовать, помня слова Спасителя: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32). И твердо следовать за Господом Иисусом, зная, что Он есть «путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6).

ЦИВИЛИЗАЦИЯ БЕЗ РЕЛИГИИ?*

*Бодрствуйте, стойте в вере,
будьте мужественны, тверды.
1 Кор. 16:13*

Сегодня отрезвляющие голоса говорят, что нашей цивилизации не суждено долго жить. Многие страны попали под господство гнусных олигархов; другие низведены до состояния анархии. «Культурная революция» — отказ от наследия, знания и нравов, — принесла почти столько же вреда на Западе, сколько на Востоке, пусть и не в такой острой форме. У многих религиозная вера в лучшем случае ослабела или, подвергшись секуляризации, превратилась в орудие социальных преобразований. На смену книгам пришло телевидение и видео; университеты, интеллектуально демократизовавшись, опустились до уровня центров по выдаче дипломов. Все большая часть населения, особенно в Америке, дегуманизируется, пристращается к наркотикам и безумной сексуальности.

Все эти беды — только некоторые из симптомов разложения общества и личности. Достаточно взглянуть на наши полуразрушенные американские города с их ужасающей статистикой убийств и изнасилований, чтобы понять, что нам, современным людям, недостает морального воображения и здравого смысла, необходимых для сохранения приемлемого сообщества. В научных журналах и газетах пишут о «постхристианской эре» или о «постмодернистской эпохе», чтобы сказать, что мы полностью порываем со своим культурным прошлым и вступаем в какой-то новый непонятный век.

* Перевод с англ. доктора филол. наук, проф. МГИМО М. П. Кизимы. Статья была опубликована в журнале «Modern Age» (Summer 1990. P. 151-156).

Некоторые — в частности воинствующие атеистические гуманисты, — судя по всему, такой перспективой довольны, но в большинстве случаев былая вера в усовершенствование мира сильно пошатнулась. Даже идеологи марксизма фактически перестали предсказывать приближение Золотого века. Большинству наблюдателей, в том числе Т. С. Элиоту, кажется куда более вероятным, что мы, сбившись с пути, входим в новый Темный век, — бесчеловечный, безжалостный век тоталитаристского политического господства, в котором жизнь духа и пылкого интеллекта будет осуждаться, преследоваться и поливаться грязью средствами пропаганды. Это похоже скорее на роман «1984» (1949) Джорджа Оруэлла, чем на надоедливую чувственность «Прекрасного нового мира» (1932) Олдоса Хаксли. Или, пожалуй, проклятая и рабская страна Мордор, созданная воображением Толкиена, — вот символ жизни людей в XXI веке (который, возможно однако, и не назовут XXI, упразднив летосчисление от рождения Христова как связанное с детскими суевериями рода человеческого).

Несколько лет назад я сидел как-то в гостиной одного старинного дома на площади кафедрального собора города Йорка. Мой хозяин, Бэйзил Смит, тогдашний соборный казначей, человек ученый и глубоко верующий, сказал мне, что мы стоим перед концом эры: вскоре культура, которую мы знаем, будет сметена на свалку истории. Мы разговаривали, а вокруг нас вдоль стен средневекового особняка возвышались стеллажи каноника Смита, заполненные томами прекрасных книг. Церковные часы музыкально пробили полчаса, в камине горел огонь. Суждено ли этому обрамлению культуры и многому другому помимо него исчезнуть, словно по приговору злого духа? Бэйзила Смита уже нет, как нет и многого из того, что он стремился спасти в обществе, украшением которого был. Тогда я счел его слишком мрачным, но уже сейчас немалая доля его предсказаний стала реальностью.

Заключительные строки эссе Малькольма Маггериджа «Великое либеральное желание смерти» хорошо определяет то сложное положение, в которое попал человек на исходе XX века: «Космонавты проникают все выше в глубины космоса, а на земле все выше становятся горы мусора; рощи академий все разрастаются, а их выпускники оказываются способны дотянуться только до самых низких ветвей; фаллический культ распространяется, распространяется и импотенция. В великом богатстве — великая бедность; в здравии — болезнь; в численности — обман. Наби-

ваем утробу, но остаемся голодными; живем на транквилизаторах, но не находим покоя; говоря все, скрываем все; едины в плоти, но навсегда разъединены. Так мы продвигаемся по долине изобилия, ведущей в бесплодную землю пресыщенности, проходя через сады фантазий; все более страстно ищем счастья и все чаще находим отчаяние».

Именно так. Нынешние американские авторы, пишущие на темы этики, такие как Стэнли Хауэрвас и Аласдэр Макинтайр, разделяют приговор Маггериджа современному обществу и приходят к выводу, что ничего нельзя поделать, разве только тем, кто еще остался, собраться вместе в маленькие «особые общины», а общество тем временем будет скользить к своей гибели. За последние полвека немало других мыслящих людей высказывали аналогичные точки зрения. Однако давайте все же рассмотрим вопрос о том, можно ли сделать нашу культуру вновь жизнеспособной.

Неизбежен ли ход истории? Есть ли у великих государств определенная судьба? В 1796 году, ужасном для Британии, престарелый Эдмунд Берк заявил, что мы не можем предвидеть будущего; нередко сторонники исторического детерминизма оказываются сокрушены событиями, которых никто не предсказывал. В тот самый момент, когда некоторые государства «казалось, были погружены в бездонную пучину бед и позора, — писал Берк в своем «Первом письме о цареубийственном мире», — они вдруг вновь всплывали на поверхность. Они начинали новый курс и открывали новую страницу; и даже в глубине своей катастрофы и на самих руинах своей страны закладывали основы небывалого и прочного величия. Все это происходило без каких-либо видимых предварительных изменений в тех общих обстоятельствах, которые ранее привели к их бедам. Смерть одного человека в критический момент, его недовольство, его отступление, его позор оборачивались неисчислимыми бедствиями для целого народа. Обычный солдат, ребенок, девушка у ворот постоянного двора изменяли лицо судьбы, почти что лицо Мира».

«Обычный солдат», о котором говорит Берк, это Арнольд Уинкелрид, бросившийся на копья австрийцев, чтобы спасти свою страну; ребенок — это юный Ганнибал, которому его отец завещал вести беспощадную войну против Рима; девушка у ворот постоянного двора — это Жанна д'Арк. Почему происходят такие неожиданные перемены или улучшения, мы не знаем, отмечает Берк; возможно, это действие Провидения.

«Ничего нет, но мысль делает так, что оно есть», — гласит старая поговорка. Если большинство людей уверуют, что наша культура должна пасть, — ну что ж, тогда она и падет. И все же в тот ужасный 1796 год Берк был прав: ведь несмотря на огромную силу французского революционного движения в том году в конечном итоге Британия победила своих противников, а после 1812 года вышла из полосы бедствий и достигла пика своего могущества. Возможно ли, что и американская цивилизация, и вообще то, что мы называем «западной цивилизацией», воспрянет от Смутного времени, которое началось (по словам Арнольда Тойнби) в 1914 году и в XXI веке вступит, подобно Риму в эпоху Августа, в век мира и восстановленного порядка?

Чтобы уяснить себе значение слов «цивилизация» и «культура», лучше всего обратиться к тоненькой книжечке Т. С. Элиота «Заметки к определению понятия культуры» (1948). Некогда в частной беседе я порекомендовал ее президенту Ричарду Никсону, когда мы обсуждали болезни современного мира, как книгу, которая может помочь ему на его высоком посту. Человек — единственное существо, обладающее культурой в отличие от инстинкта; и если культура исчезнет, с ней исчезнет и то, что отличает человека от животных. «Искусство — вот природа человека», — говорил Эдмунд Берк; и если человеческие искусства, или культура, перестанут существовать, перестанет существовать и человеческая природа.

Из какого источника возникли многочисленные культуры рода человеческого? Конечно же, из культов. *Культ* есть объединение людей с целью поклонения, т.е. попытка людей общаться с трансцендентной силой. Именно из сообщества в культе, из людей, совместно поклоняющихся, вырастает человеческое сообщество. Эта основополагающая истина разъясняется в последние десятилетия в трудах таких видных историков, как Кристофер Доусон, Эрик Фегелин и Арнольд Тойнби.

Когда люди объединены в культе, становится возможным и сотрудничество во многих других областях. Общая оборона, орошение, системное ведение сельского хозяйства, архитектура, изящные искусства, музыка, сложные ремесла, экономическое производство и распределение, суды и правительство — все эти аспекты той или иной культуры вырастают постепенно из культа, из религиозной связи.

Из небольших групп верующих, будь то в Египте, Индии или Китае, выросли простые культуры, поскольку те, кто объединен религией, могут совместно жить и относительно мирно совмес-

тно работать. Такие простые культуры могут со временем развиться в культуры сложные, а те в свою очередь — в великие цивилизации. Американская цивилизация нашей эры восходит своими корнями, каким бы странным ни показался нам этот факт, к маленьким группам верующих в Палестине, Греции и Италии, жившим там тысячи лет тому назад. Огромные материальные достижения нашей цивилизации являются результатом, пусть и отдаленным, духовных прозрений пророков и провидцев.

Но допустим, что по прошествии веков культ отмирает. Что тогда происходит с культурой, корнящейся в этом культе? Что происходит с цивилизацией, являющейся великим проявлением данной культуры? Для ответа на эти нелегкие вопросы обратимся к одной современной притче. Здесь я не могу не вспомнить Дж. К. Честертона, отмечавшего, что поскольку вся жизнь есть аллегория, мы можем понять ее только с помощью притчи.

Автор приводимой мною притчи, однако, не Честертон, а другой писатель — покойный Роберт Грейвз, у которого я однажды гостил на Майорке. Я имею в виду роман Грейвза «Семь дней на новом Крите», опубликованный в Америке под заголовком «Смотри, как поднимается северный ветер» (1949).

В этом весьма занимательном романе о возможном будущем говорится, как к концу «позднехристианской эпохи», после катастрофической войны и разрухи мир полностью оказывается под коллективистским правлением, по типу коммунистического. Религия, моральное воображение и почти все, что делает жизнь стоящей, фактически уничтожены идеологией и ядерной войной. Воцаряется — ненадолго — система мысли и управления, называемая логикализмом, — «универсально-сократическая экономика, оторванная от какой-либо религиозной или национальной теории». Грейвз пишет:

Логикализм, строившийся на международной науке, открыл угрюмый и антипоэтический век. Он продержался только одно-два поколения и закончился великим пораженчеством, чувством абсолютной бесполезности, которое постепенно распространилось среди директоров и менеджеров режима. Обычный человек наконец-то взял верх над теми, кто превосходил его духовно, но что же дальше? Чего ему было ждать, с надеждой или страхом? С упразднением суверенных государств и разоружением даже полицейских сил война стала невозможной. Тем, кому были дороги какие бы то ни было религиозные взгляды, кто интересовался спортом, поэзией или искусством, не разрешалось занимать

никаких ответственных общественных постов. «Ледяная логика» была самым ценным гражданским качеством, и тех, кто не мог на нее претендовать, не принимали в расчет. Наука старательно продолжала расширять свой и без того чрезмерный запас информации, и темы исследований становились все более и более приятно удаленными и абстрактными; однако одержимость наукой, столь сильная в начале третьего тысячелетия от рождения Христова, шла на убыль. Логикалистские деятели, не ставшие пораженцами или втайне людьми религиозными и продолжавшие из чувства долга усердно тянуть свою лямку, стали жертвами душевного расстройств под названием колобромания...

При этом логикалистическом режиме ужасающими темпами растет число абортотворцев, детоубийств, самоубийств и других показателей социальной тоски. Банды молодых людей повсюду грабят, избивают и убивают ради удовольствия. Кажется, что род людской вымрет, если подобные тенденции сохранятся, — ведь при господстве такого порядка люди считают, что жизнь не стоит того, чтобы жить. Глубинные стремления человечества поруганы, и оттого душа и государство балансируют на самом краю последней тьмы. Но в условиях этого кризиса один израильский софократ пишет книгу под названием «Критика утопий», в которой он исследует семьдесят утопических произведений, от Платона до Олдоса Хаксли. «Мы должны вернуться назад, — заключает он, — или погибнуть». Софократы обнаруживают, что человечество можно спасти от полного уничтожения только путем восстановления религиозной веры, и такая вера, как ее описывает в своем романе Грейвз, произрастает из первобытной почвы мифа и символа.

Грейвз на самом деле пишет не о каком-то отдаленном будущем, а о нынешнем веке: о жизни в современных Соединенных Штатах и современном Советском Союзе. Он говорит о том, что культура происходит из культа и что, когда вера в этот культ сильно ослабевает, культура быстро приходит в упадок. Материальный порядок зиждется на порядке духовном.

Так это и случилось с нами на исходе XX века. С ослаблением морального порядка «все распадается; на мир нисходит анархия...» Таким же путем пришли к гибели эллинская и римская культуры. Что можно сделать, чтобы придать культуре новые жизненные силы?

Некоторые, действуя из лучших побуждений, говорят о некоей «гражданской религии», своего рода культе патриотизма, основанном на мифе национальной добродетели и на почитании определенных исторических документов, в соединении с утилитар-

ной моралью. Но подобные эксперименты светского характера никогда не приносили удовлетворительных результатов, и мне вряд ли нужно указывать на опасности такого искусственного символа веры, связанного с национализмом: достаточно привести в качестве примера идеологию Национал-социалистической партии в Германии полвека тому назад. Поклонение государству или нации не может быть хорошей заменой связи с трансцендентной любовью и мудростью.

Не могут иметь настоящего успеха и попытки убедить людей, что религия «полезна». Никто искренне не преклоняет колени перед божественным, потому что ему сказали, что подобные ритуалы ведут при достаточно честном поведении к хорошим последствиям в коммерческой деятельности. Люди приводят свои действия в соответствие с предписаниями религии, только если они серьезно верят в истинность данной религии.

Еще менее плодотворно утверждать, что Библия — непогрешимый авторитет во всем, — в ее буквальной интерпретации, вопреки естественным наукам и другим научным дисциплинам; претендовать на то, что получил личное откровение от Иеговы или становиться сторонником какого-нибудь самопровозглашенного мистика с Востока, чье учение явно абсурдно.

Короче говоря, культуру можно возродить, только возродив ее культ, а веру в божественную власть невозможно вызвать просто так, когда это соответствует требованиям момента. Вера больше не творит чудес среди нас: достаточно взглянуть на типичную церковь, построенную в наши дни, — уродливую и убогую, — чтобы понять, что религиозное воображение больше не питает архитектуру. И так обстоит дело чуть ли не со всеми произведениями цивилизации XX века: современное мышление настолько секуляризовано, что, по мнению большинства людей, «культура» не связана с любовью к Богу.

Как объяснить этот широко распространенный упадок религиозного начала? Думается, что основной причиной утраты идеи святости является позиция, называемая «сциентизмом». Я имею в виду популярное представление о том, что открытия естественных наук за последние полтора-два века каким-то образом доказывают, что люди — лишь голые обезьяны, что целью существования являются производство и потребление, что счастье — в удовлетворении чувственных побуждений и что представления о воскрешении плоти и о жизни вечной — лишь изжившие себя суеверия. На этих сциентистских посылах основывается сегодня — молчаливо — система общественного образования в Америке.

Данное представление о человеческой природе некоторые — в частности, К. С. Льюис — называют *редукционизмом*: оно низводит человеческие существа, полагая их почти бездумными, оно отрицает существование души. Редукционизм сейчас стал чем-то вроде идеологии. Он сциентичен, но не научен, ведь он далек от понимания материи и энергии, которое можно найти, скажем, в речах нобелевских лауреатов по физике. Популярные представления о том, «что говорит наука», устарели и отражают утверждения ученых середины XIX века; такие взгляды не имеют ничего общего, например, с работами Стэнли Джейки, космолога и историка науки, которому в 1987 году присудили Темплтонскую премию за достижения в области религии.

Как отмечает в своей брошюре «Корни совпадения» (1972) Артур Кестлер, вчерашние научные доктрины материализма и механицизма надо похоронить под реквием электронной музыки. Научные дисциплины сейчас вновь — в биологии, равно как и в физике, — вступают в область таинственного.

Однако общественность в целом всегда страдает от так называемого культурного отставания. Если большинство людей продолжают воображать, что научная теория прошлого века все еще соответствует подходам серьезных ученых сегодня, не будет ли религиозное понимание жизни и далее ослабевать, а цивилизация продолжать разрушаться?

Возможно, но будущего, рискну заметить, нам знать не дано. Возможно, нам будет дано Знамение. Однако на то воля Божья, если вообще этому суждено быть; а между тем некоторые думающие люди заявляют, что нашу культуру нужно оживить великим усилием воли.

Эту суровую истину убедительно изложил более сорока лет назад в книге «Религия и культура» (1949) замечательный историк Кристофер Доусон. Он писал:

События последних лет предвещают либо конец истории человечества, либо ее поворотный пункт. Они предупреждают нас огненными письменами, что наша цивилизация не выдержала проверки, что есть безусловный предел тому прогрессу, которого можно достичь путем совершенствования научных технологий в отрыве от духовных целей и моральных ценностей... Восстановление морального контроля и возвращение к духовному порядку стали сейчас неперенными условиями выживания человечества. Но их можно достичь только через глубочайшее изменение духа современной цивилизации. Речь не идет о некоей новой религии или новой культуре, но о движении духовной реинтеграции, которое

восстановило бы ту жизненно важную взаимосвязь между религией и культурой, существовавшей во все века и на всех уровнях человеческого развития.

Всецело присоединяюсь. Альтернативой успеху такого движения, консервативного движения, по возрождению нашей культуры была бы серия катастрофических событий (вроде тех, что предсказывали Питирим Сорокин и другие социологи), которые, возможно, в итоге стерли бы с лица земли нашу нынешнюю чувственную культуру и привели к возникновению новой идеациональной культуры, характера которой мы не можем даже и представить себе. Такая идеациональная культура имела бы, несомненно, свою религию, но ею может быть и поклонение богу дикарей.

Крах такого рода имел место в истории не раз и не два. Когда две тысячи лет тому назад классическая религия перестала вдохновлять умы и сердца, сошла в царство мертвых и греко-римская цивилизация. Как сказала об этом однажды моя маленькая дочь Сесилия, — сама, без всякой подсказки, — рассматривая иллюстрированную книгу по истории Рима: «А потом, в конце долгого летнего дня, пришли Смерть, Грязь, Мразь!»

Великие цивилизации завершали свой путь, опускаясь на дно. За пределами древнего города Йорка, где кафедральный собор стоит на месте римского претория, находится ипподром, известный как Плутовское болото. Здесь в Средние века хоронили мошенников — уголовников и нищих. Когда несколько лет назад ипподром расширяли, землекопы наткнулись под ним на древнеримское кладбище, частично примыкающее к кладбищу средневековому. Судя по всему, это было место захоронения бедноты в Британии времен римского господства. Ценных предметов культуры найдено практически не было, но обнаруженные человеческие останки представляли интерес. Многие из людей, захороненных там в последние годы римского владычества в Британии, имели ужасные костные деформации, по-видимому они страдали рахитом и другими болезнями, о чем свидетельствуют искривленные позвоночники, уродливые конечности и черепа. Вероятно, они всю свою жизнь страдали и затем умерли от крайнего недоедания. В итоге упадок сводится к этому почти для всех.

Именно в Йорке, когда после своей последней кампании против скоттов умирал Септимиус Северус, его жестокие сыновья Гета и Каракалла спросили его: «Отец, как нам править империей, когда тебя не станет?» Суровый старый император не

замедлил дать лаконичный ответ: «Платите солдатам. Остальные не имеют значения». Но приходит момент, когда солдатам нечем платить, и тогда цивилизация рушится. Последняя римская армия в Италии — говорят, она состояла полностью из кавалерии — сражалась вместе с генералом варваров Одоакром против Теодориха, короля остготов в 491 году; после поражения Одоакра римские солдаты разошлись по домам, чтобы больше уже никогда не брать в руки оружия: конец старой песни. Только начальные стадии социального упадка кажутся некоторым людям освободительными; последний акт, как поняла это Сесилия Кирк, представляет собой Смерть, Грязь, Мразь.

Короче говоря, мне представляется, что наша культура находится на продвинутом этапе упадка; то, что многие люди ошибочно принимают за триумф нашей цивилизации, на деле составляет силы, разлагающие нашу культуру; что хваленая «демократическая свобода» либерального общества в действительности есть рабское служение страстям и иллюзиям, которые подрывают религиозную веру, чрезмерной централизацией и урбанизацией разрушают людское сообщество, стирают с лица земли животворные традиции и обычаи.

*История знает множество хитрых тропинок,
коленчатых коридоров,
Тайных выходов, она предает нас
шепотом честолюбия,
Продвигает нас нашим тщеславием*.*

Так учит Геронтион в знаменитой суровой поэме Т. С. Элиота. Этими и некоторыми последующими строками Элиот хочет сказать, что если человеческий опыт оторван от Логоса, от Слова, если человек живет только в соответствии с утверждаемым знанием эмпирической науки, — что ж, история в таком смысле есть лишь коварная колдунья-цыганка. Цивилизации, отвергающие религиозное воображение или или отказывающиеся от него, неизбежно заканчивают, как и Геронтион, раздробленными атомами.

В заключение хочу сказать, что та сложная цивилизация, которую мы знаем, находится под угрозой: она может закончить свое существование из-за собственной бездеятельности, быть уничтожена насильственно или погибнуть из-за комбинации этих зол. Мы, кто полагает, что жизнь по-прежнему стоит того, чтобы жить, должны обратиться к тем средствам, которыми можно

* Перевод А. Сергеева.

восстановить нашу культуру. Первой необходимостью для нас является восстановление способности понимания религиозного знания в нашей неуклюжей системе общественного образования: запуганная воинствующими атеистическими гуманистами и бесцеремонными федеральными судами, она осталась лишь с губительными ответами на конечные вопросы бытия.

Что сдает современную цивилизацию? В основе своей болезнь нашего общества кроется в упадке религиозной веры. Чтобы культура жила и процветала, она не должна быть оторвана от того религиозного видения, из которого возникла. А потому высокая задача мыслящих людей состоит в том, чтобы способствовать восстановлению религиозного учения как достойной веры совокупности доктрин.

«Спасите время; спасите мечту», — писал Т. С. Элиот. Сохраняя здравомыслие и моральное воображение, еще возможно смело противостоять смуте нашего века. Восстановление истинного подхода к образованию, в гуманитарной и научной областях; реформа многих аспектов государственной политики; возрождение в людях сознания существования трансцендентного порядка и присутствия Иного; стремление сделать светлее жизнь конкретно там, где мы находимся, — все эти подходы открыты для тех представителей молодого поколения, кто стремится к цели в жизни. Возможно, до конца XX века нам будет дано Знамение; но будет Знамение или нет, те, кто остался, должны бороться против безрассудств своего времени.

СЛУЖИТЬ БОГУ, А НЕ МАММОНЕ

**Послание участников совместной консультации по проблемам глобализации в Центральной и Восточной Европе: реакция на экологические, экономические и социальные последствия
24-28 июня 2001 года, Будапешт**

24-28 июня 2001 года в Будапеште, Венгрия, прошла встреча сорока семи представителей Церквей из Центральной и Восточной Европы. Они представляли Православную, Протестантскую и Римско-католическую Церкви, кроме того во встрече участвовал представитель, делегированный Собором Европейских Конференций Епископов. Там находились также 30 гостей и сотрудников региональных и международных экуменических и гражданских организаций со всего мира. Все эти люди приехали в Будапешт по приглашению Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), Всемирного Союза Реформатских Церквей (ВСРЦ), Конференции Европейских Церквей (КЕЦ) и Европейского Регионального Комитета ВСРЦ, при участии Всемирной Федерации Лютеран (ВФЛ). Эта консультация является частью процесса объединения усилий этих организаций, начавшегося в ответ на призыв Генерального Совета ВСРЦ в 1997 году в Дебрецене, Венгрия, «взять на себя обязательства ради достижения справедливости в экономике и на земле (Processus Confessionis)» и в результате рекомендаций по глобализации Генеральной Ассамблеи Всемирного Совета Церквей 1998 году в Хараре. Данное мероприятие является вторым в серии региональных встреч, которая была открыта симпозиумом в Бангкоке и будет продолжена совещаниями представителей Церквей в Тихоокеанском регионе, Западной Европе, Латинской Америке, Африке и Северной Америке. Эта консультация была горячо поддержана Венгерской Реформатской Церковью, выступившей в роли принимающей стороны, и проходила в Реформатском богословском колледже (Радай) в Будапеште.

Будьте бдительнее

Примерно десятилетие назад мы, народы и Церкви Центральной и Восточной Европы, возрадовались, ибо осознали, что свободны. Казалось, темные тучи прошли и опять над нами ярко засветило солнце. Оглядываясь на это десятилетие, мы начинаем понимать, что масштаб и содержание проблем, с которыми мы столкнулись, были сильно недооценены как правительствами, так и Церквями. Слушая тех, чьи страдания были наибольшими, мы приходим к выводу, что не все их проблемы коренятся в прошлом. Это дает основание предположить, что мы должны быть еще бдительнее на нашем пути, совершаемом вместе с народами Центральной и Восточной Европы.

Страны этого региона отличаются разнообразием культур и религий. По данным доступных нам источников, в некоторых из них отмечен экономический рост, повышение занятости и улучшение экологической обстановки. Однако в целом в регионе рост безработицы и обесценивание пенсий и зарплат обрекли миллионы мужчин и женщин на нищету. В статистическом отчете ПРООН¹ сказано, что:

- в 1989 году около 14 миллионов человек в странах бывшего коммунистического блока тратили менее четырех долларов в день. К середине 90-х их количество возросло до 147 миллионов человек.
- В то же время, составляя резкий контраст общему фону, возникло новое явление — чрезмерное богатство меньшинства.
- В ряде стран резко сократилась продолжительность жизни.
- Упал уровень медицинского обслуживания, школьного и вузовского образования.
- Стремительно росла экономическая преступность.

Поиск объяснений

В связи с этими фактами мы чувствуем себя обязанными более тщательно искать дополнительные объяснения преобладающему настроению разочарования и ощущению обманутости. Работая в группах, участники консультации изучили результаты экологического, культурного, экономического и социального воздействия глобализации на регион. Группы представили отчеты, содержащие анализ, оценки и предложения альтернативных действий, что нашло отражение в этом обращении. Они определили две основные причины текущих проблем в регионе.

Первая проблема заключается в том, как было проведено преобразование общества большинством правительств после 1989 года. Там, где коммунизм основывался на неограниченном государственном планировании, политики и руководители сочли, что механизм нерегулируемого рынка проложит путь к светлому будущему. Они не осознавали, что рынок без социальной и культурной основы, без соответствующих институтов разрушит саму структуру общества. Предоставление внешних займов и финансовой помощи было поставлено в зависимость от осуществления приватизации, либерализации и дерегулирования рынка во имя экономического роста. Эта нео-либеральная «шоковая терапия», требовавшая уменьшения роли государства, просто сделала недейственным социальное обеспечение рядовых мужчин и женщин.

Второй проблемой стал темп, который задавали новые глобальные информационные и коммуникационные технологии и поразительное расширение новых «глобальных» рынков. Именно это часто называют «глобализацией». На самом деле, «глобализация» — более сложное понятие. Там, где оно относится к росту возможностей для настоящего сотрудничества между государствами и народами с возможностью общения и совместных действий, оно имеет положительную коннотацию. Например, наша консультация только выиграла от участия христиан из разных частей света.

Этот термин имеет отрицательное значение в приложении к политике доминирования, узаконивающей и расширяющей неограниченные действия игроков на мировом рынке, и беспрецедентной концентрации власти в руках самозванных «правителей» от экономики, средств массовой информации и других сфер жизни. Нерегулируемый поток капитала становится «судией», определяющим, что есть «хорошо» или «плохо» с экономической точки зрения во всех человеческих и политических действиях. Во время нашей консультации мы четко разграничили это нео-либеральное направление, которое некоторые называют «глобализмом», и исторический процесс «глобализации», о котором говорилось выше. Первым движет мощный экономический эгоизм. Он приводит к коммерциализации отношений людей и институтов и самих источников жизни: земли, воды, воздуха и даже человеческого тела. Идеология, властные структуры и приемы, которые действуют в рамках этого направления, вызывают радикальные изменения в экономике и обществе Центральной и Восточной Европы. Это выражается в оказании дав-

ления на правительства всех уровней, направленном на уменьшение расходов на социальные нужды, здравоохранение, образование и экологию для того, чтобы стать «привлекательными» в глазах «мирового» капитала. Женщины и другие незащищенные группы населения первыми страдают от такой политики.

Идеологический акцент на приватизацию любой ценой подрывал существующие инфраструктуры. Сведение к минимуму роли государства оставило бедные слои населения без должной защиты и поддержки и создало благоприятные условия для криминальных и спекулятивных действий. Не интересующиеся ни судьбой компаний, ни судьбой служащих безответственные хозяева скупили многие недавно приватизированные предприятия и банки. Альтернативные пути приобретения собственности вряд ли рассматривались, равно как и соображение, что обладание собственностью влечет за собой социальные обязательства.

Справедливость по отношению к бедным

Подобная путаница, связанная с понятием «глобализация», часто используется для оправдания не только представительными мировыми структурами, такими как МВФ, ВТО и Всемирный Банк, но и все возрастающим числом государств. Они требуют больших жертв от простых людей. Они делают это, хотя достоверно известно, что экономический рост не может способствовать развитию человека, если отсутствуют:

- адекватная поддержка бедных, безработных и других незащищенных групп;
- защита окружающей среды;
- прозрачность действий правительства и его подотчетность;
- действенное участие гражданского общества (включая профсоюзы).

Исходя из этой ситуации, участники нашей встречи пришли к следующему однозначному выводу.

Представители власти в данном регионе или за его пределами не должны уходить от лежащей на них обязанности поступать справедливо по отношению к бедным и нуждающимся под предлогом неизбежности выполнения условий, предъявляемых глобализацией.

Оправдываемые таким образом политические шаги противоречат как научным результатам, так и сути христианской веры. Они безусловно и немедленно должны быть прекращены. Дело

в том, что (и об этом очень хорошо было сказано в недавно опубликованных «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»).

...нельзя недооценивать опасность расхождений между волей народов и решениями международных организаций. Эти организации могут становиться средствами несправедливого доминирования стран сильных над слабыми, богатых над бедными, технологически и информационно развитых над остальными, практиковать двойные стандарты в области применения международного права в интересах наиболее влиятельных государств. Все это побуждает Православную Церковь призвать власть имущих как на национальном, так и на международном уровне к сугубой ответственности².

Христианам чрезвычайно важно признать, что зависимость от этой неолиберальной идеологии имеет глубокие духовные последствия. Она вынуждает каждого ее сторонника верить маммоне. Для нас вопрос, кому мы доверяем и в кого мы верим, — прост. Вера в Бога, дающего жизнь, освобождает нас от власти маммоны. Это вопрос, по которому Церковь не только может, но и должна выступать. Эта вера, перенесенная на соответствующие дела, является основой надежды в борьбе с отчаянием, которое до настоящего момента характеризует текущую ситуацию, при том не только в этом регионе.

Служить людям, а не власти

Обращение к правительствам и общественности региона

Глобализация коренным образом преобразила природу власти. Избранные демократическим путем правительства и их представители в международных организациях проигрывают влиятельным международным бюрократическим структурам, транснациональным корпорациям, владельцам СМИ и игрокам на поле «глобального» финансового капитала. Мы бросаем вызов этим силам, призываем их стать более прозрачными, ответственными и доступными для более широкого представительства. Народы мира должны взять контроль за глобальными политическими и экономическими процессами в свои руки. Демократия должна быть восстановлена в новых формах принятия решений на местном, национальном и международном уровнях.

Многие политические и экономические процессы требуют некоторого регулирования на международном уровне. Однако

международные соглашения не должны заключаться правительствами в ущерб незащищенному населению.

Экономическая глобализация в ее современной форме угрожает таким ценностям, как справедливость, милосердие, мир и воздержанность, лежащим в основе христианской традиции. Их подменяют невозддержанное потребительство и все возрастающая коммерциализация общества. В области образования, здравоохранения, искусства, спорта, СМИ, защиты окружающей среды и даже безопасности все большее значение приобретают финансовые соображения. Культура экономического соперничества берет вверх над культурой социального сотрудничества, что сопровождается негативными последствиями для слабых и незащищенных.

В основу идеи всех наших рекомендаций заложен библейский мотив юбилея (Лев. 25, Втор. 15, Неем. 5, Ис. 61, Лк. 4). Все люди имеют право пользоваться основными источниками жизни и социальным обеспечением, которое разрешает им быть жителями домостроительства (*oikonomia*) творения Божия. Экономика всегда должна быть ориентирована на «домостроительство».

Это убеждение приводит нас к следующим рекомендациям.

— Международному финансовому сообществу не следует позволять играть решающую роль в экономике государств и региона, делая ее излишне зависимой от прямых иностранных инвестиций и спекулятивного капитала. Мы настоятельно рекомендуем правительствам стремиться к развитию домоустройства собственных стран, уделяя особое внимание роли среднего и малого бизнеса, и предостерегаем их от преимущественной ориентации на экспорт в ущерб таким предприятиям.

— Местные экономические инициативы нуждаются в поддержке. Это возможно при укреплении национальных правительств.

— Государственные власти всех уровней должны настаивать на оказании адекватной социальной поддержки неимущим и повышении экологических требований, а также противостоять международному экономическому давлению, нацеленному на упразднение первых.

— Мы обращаемся к правительствам за поддержкой международных акций тех государств и гражданских организаций, которые с целью демократизации международной валютной системы ищут пути регулирования потока международного спекулятивного капитала. Мы просим, в особенности богатые индустриально развитые страны, оказать такую же поддержку меж-

дународным инициативам (подобным встречам в Рио-де-Жанейро и Киото) за сохранение окружающей среды.

— Страны, желающие войти в Европейский Союз, должны научить своих граждан принимать осознанные решения на основе тщательных и открытых оценок влияния на социальную безопасность и другие жизненно важные интересы.

— Государство должно охранять культурные ценности, достоинство и права всех людей и не мешать их развитию.

— Общественное имущество, которое, с христианской точки зрения, предназначено для служения общему благу, не должно безответственно приватизироваться по идеологическим соображениям или под давлением внешних доноров.

— Мы просим правительства служить своим народам так, чтобы все люди жили достойно. Власть не является самоцелью.

Выбери жизнь, а не смерть

Призыв к Церквам

Сейчас мир склоняется перед идолами конкуренции, потребления и комфорта. Христианское понимание домоустройства, мира как дома Божия, охватывает отношения между людьми и Богом, гармонию в обществе и мирное сосуществование человека со всем творением Божиим. Это побуждает Церкви и христиан показать миру пример жизни в соответствии с принципами соработничества, взаимопомощи и сострадания, глубоко укорененных в триединой основе нашей веры. Мы молим Духа Святого дать нам дар проницательности, чтобы читать знамения нашего времени и «различать духов» (1 Кор. 12:10).

В условиях глобализации экономики Церковь вспоминает слова Христа: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Хватит ли у Церквей мужества вступить в борьбу с «ценностями» образа жизни, нацеленного на приобретение выгоды как предмета веры, или она устранилась в «частную» сферу? Это вопрос, на который должны дать ответ наши Церкви... или они утратят свою суть!

Евангельское послание и наши традиции учат нас не молчать перед лицом власти предрешающих и не искать убежища от собственной ответственности в частном выражении веры. Христианские общины должны источать любовь, радость и мир, привлекая других к новому образу жизни. Мы побуждаем Церкви возвысить свой пророческий голос, чтобы во всех частях мира произошли изменения на благо каждого человека. Наша миссия

заключается в преобразовании жизни вокруг нас, в удовлетворении нужд всех людей, особенно тех, кто страдает, подавлен или выброшен на задворки общества. Поступая так, мы возвещаем о Христе.

Церкви должны серьезно заняться следующими вопросами.

— Какие процессы в международной политике и экономике вызваны внутренним развитием торговли, информационных потоков, культурного обмена и т.д., а какие являются результатом «насильственной глобальной трансформации», нацеленной на обеспечение господства богатейших стран, а также экономических и политических групп?

— Какие положительные стороны расширяющегося международного сотрудничества могут быть использованы для расширения христианской миссии словом и делом?

— Как христианские ценности, традиции и культуры могут быть сохранены и что может способствовать их процветанию в контексте глобализации?

Глобальная экономика и глобальная власть должны быть призваны к ответу глобальным гражданским обществом, располагающим средствами для защиты социальных интересов. Отрицательным социальным последствиям глобализации должно быть противопоставлено внимательное отношение к нуждам бедных, незащищенных и бессильных. Международные христианские организации могут заложить основу сотрудничества, открытого и чуткого к другим голосам, в том числе к голосам исследовательских групп, профсоюзов, экологических движений и общин верующих, принадлежащих к мировым религиям.

Рекомендации

Мы призываем Церкви:

- противостоять политике, приводящей к негативным социальным результатам, особенно социальному и налоговому демпингу, и сохранять достоинство труда;
- через терпимость и ведение диалога поддерживать экономические и культурные альтернативы, нацеленные на гомогенизацию общества, в том числе малый бизнес, местные кредиты и накопительные механизмы, независимые системы обмена информацией, усилия, предпринимаемые для защиты и возрождения национальных культур и самобытности;

- поощрять процесс «локализации», с уважением относясь к чаяниям, традициям и образу жизни людей в их родных местах и поддерживая их инициативы;

- укреплять их усилия в сфере благотворительности и социальной защиты;

- доводить до сознания людей, что процессу интеграции, а в некоторых частях мира разделению, сопутствует рост этнической и религиозной напряженности; изучать причины этих конфликтных ситуаций, которые имеют место не только в отдельных регионах, но и в области международной политики и экономики;

- напомнить, что они (Церкви) опираются на институт семьи и, следовательно, нуждаются в его укреплении. Кризис института семьи, вызванный насильственной индустриализацией, а теперь и глобализацией, заставляет нас вновь открыть для себя моральные ценности, восстановить связи между поколениями, вернуть уважение к родителям и к положению женщины в семье и обществе;

- сделать заботу об окружающей среде приоритетным направлением христианской мысли и социального действия. Именно «устойчивое общество» и «устойчивые сообщества», а не экономика, имеют значение. Европейская христианская сеть в защиту окружающей среды может быть полезным партнером.

Мы призываем Церкви данного региона привлекать внимание общественности к проблеме глобализации и ее последствий для населения. Люди должны быть информированы о природе решений, принимаемых их правительствами в отношении международных институтов, и должны уметь влиять на эти решения. Церкви могут придать силу голосам простых людей, доводя их озабоченность до властей.

Церквам и межконфессиональным группам следует использовать опыт и связи околицерковных организаций, работающих в экономической сфере, таких как Центр по связям, обучению и развитию, который был организован совместными усилиями Европейской контактной группы, Сети «Работа и экономика» и Экуменической академии в Праге.

Мы обращаемся к Церквам в нашем регионе с просьбой более активно откликнуться на приглашение ВСЦ поразмышлять над вопросами глобализации и заняться поиском альтернативных путей; на инициативу КЕЦ, касающуюся роли церквей в европейской интеграции, а также на Дебреценский призыв ВСРЦ начать целенаправленный процесс признания, выявления и осознания фактов экономической несправедливости и экологического разрушения (*processus confessionis*).

Мы призываем Церкви на Западе противостоять разрушительным силам экономической глобализации и выступить в защиту глобальной социальной справедливости.

Мы просим Церкви и народы Запады повлиять на общественное мнение и убедить тех, кто принимает решения в политике, экономике и других сферах жизни, прекратить эксплуатацию и практику устранения от решения жизненно важных вопросов большинства населения земного шара и разрушение земли «золотым миллиардом», то есть населением западных индустриально развитых стран.

Мы просим Церкви помочь своим членам вновь открыть для себя традиционные христианские ценности самовоздержания и аскетизма (простоты жизненного уклада) и проповедовать эти ценности в своих обществах в противовес индивидуализму и потребительству как альтернативную основу экономического и социального развития.

Мы полностью поддерживаем Послание к Церквям северных стран, направленное участниками симпозиума, посвященного «Последствиям экономической глобализации» (Бангкок, Таиланд, 12-15 ноября 1999 г.), которое было передано на нашу встречу.

Мы заверяем Церкви южных стран в нашей солидарности с ними. Наша часть Европы несет значительную долю ответственности за многое из того, что происходит в южных регионах и имеет как хорошие, так и плохие последствия.

Сегодня наши народы испытывают многие аналогичные проблемы и сложности, и мы нужны друг другу, для того чтобы найти решения. В духе экуменического партнерства мы призываем ВСЦ и другие межконфессиональные организации поддерживать сотрудничество и взаимодействие церквей Центральной и Восточной Европы и Церквей южных регионов, особенно посредством совещаний по вопросам глобализации.

Всесторонние связи между христианами и людьми других верований по вопросам глобализации чрезвычайно необходимы, особенно между приходами, исследовательскими группами, например, между радиостанцией Реформатской Церкви в Венгрии, католической газетой в Индонезии и мусульманской телестудией в Казахстане. Экуменические и межрелигиозные организации будут играть ключевую роль в построении таких связей. Мы не должны позволить духу мира сего разделить нас. Реальные трудности, с которыми мы сталкиваемся, требуют от нас ответа, который мы можем дать только сообща.

Мы отдаем должное работе, проделанной Англиканской, Католической, Православной и Протестантской Церквами, равно как и международными христианскими организациями, которые изучали проблемы глобализации и предпринимали в этом направлении определенные действия. Инициированный Всемирным Советом Церквей и Всемирным Союзом Реформатских Церквей процесс должен быть поддержан, продолжен и расширен.

Мы обещаем организовать эффективный процесс контроля над выполнением решений этой консультации в Центральной и Восточной Европе.

Примечания

¹ См.: Программа развития ООН. Отчет о проблемах развития человечества: Центральная и Восточная Европа и СНГ. Нью-Йорк, 1999; <http://www.undp.org/rbec/publications>.

² См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. <http://www.russian-orthodox-church.org.ru>.

ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ

*Архиепископ Белгородский и Старооскольский
ИОАНН*

МИССИОНЕРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА*

Третье тысячелетие началось для Русской Православной Церкви с новых вызовов «мира, лежащего во зле» (Ин. 5:19). Отвечая на эти вызовы, Церковь постоянно находится в поисках новых форм и методов осуществления своего спасительного служения. Движимая любовью к Богу и ко всему творению, Церковь исполняет миссионерский призыв Спасителя: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19) в быстроменяющемся мире, преодолевая трудности, лишения и скорби.

Развивая кирилло-мефодиевскую миссионерскую традицию, Русская Православная Церковь являет миру высокое апостольское достоинство, в прошлом засвидетельствованное подвигом великих равноапостольных мужей, таких, как преподобный Стефан Пермский, святитель Иннокентий (Вениаминов), преподобный Макарий (Глухарев), святитель Макарий (Невский), святитель Николай (Касаткин), святой Патриарх Тихон, наконец, сонмом новомучеников российских. Их наставления и духовные завещания и сегодня имеют актуальную значимость. Так, в 1910 году на миссионерском съезде в Иркутске архиепископ Томский и Алтайский Макарий (впоследствии митрополит Московский) говорил: «Мудрость уподобила первых веропроповедников соли, долженствующей осолить вселенную, с таким притом предостережением, что если соль эта потеряет силу, то “она уже ни

* Доклад председателя Миссионерского отдела Московского Патриархата на III Всецерковном миссионерском съезде. Московская область, «Поляны», 31 октября 2002 года.

к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поправление людям» (Мф. 5:13)». Как известно, соль обладает способностью сохранять от тления, очищать от порчи и придавать пище вкус. Открывшийся сегодня миссионерский съезд должен «придать вкус», то есть дать миссионерское измерение происходящему, наметить главные направления развития миссии в будущем, очистившись от ошибок и сохранив преемственность.

Миссионерское поле

Миссионеров всегда сравнивали с делателями жатвы, трудящимися на миссионерском поле, по слову Христа, когда «жатвы много, а делателей мало» (Мф. 9:37). Сегодняшнее «миссионерское поле» характеризуется сложными процессами общечеловеческого развития и новыми соотношениями в религиозной палитре мира.

Данные демографических подсчетов говорят, что соотношение христиан и нехристиан постепенно меняется. Если в начале XX века население планеты составляло около полутора миллиардов человек, и из них около полумиллиарда принадлежало к христианству (то есть каждый третий исповедовал Христа), то к концу XX века на 6 миллиардов народонаселения Земли приходилось около 1 миллиарда 800 миллионов христиан (т.е. количественное соотношение изменилось не в пользу христиан). Все чаще христианам приходится свидетельствовать о Христе в положении меньшинства в безразличной, а порой и отрицательно-агрессивно настроенной по отношению к ним окружающей среде.

Сегодня стало очевидным, что в XXI веке мир вступил в эру построения информационного общества, для которого характерно создание единого глобального мирового информационного пространства. Многие аналитики утверждают, что в ближайшие два десятилетия человечество изменится до неузнаваемости. Главные направления и особенности развития глобального, то есть в масштабах всей планеты, информационного общества определены постиндустриальными государствами в Окинавской хартии, принятой ими в июле 2000 года в Японии. Если вспомнить исторический путь развития человечества, до сих пор были известны две волны глобальных перемен — переход от кочевой жизни к оседлости и земледелию, так называемая «аграрная эра» (интересно, что именно в этот период возникает и распростра-

няется ислам) и промышленная революция, приведшая к новому способу производства — «индустриальная эра» (в этот период возникает и распространяется протестантизм). «Информационная эра» наступает в процессе тихой информационной революции, так как не вызывает каких-либо социальных катастроф. Однако при этом стремительно меняются ценности нравственности и культуры, которые были базовыми для предыдущих эпох. В духовной сфере это приводит к появлению новых религиозных движений, которые могли появиться только в «информационную эру» (например, «виртуальные религиозные сообщества» в глобальной сети Интернет и т.п.). В социальной сфере, как утверждают аналитики, постепенно произойдет смена социального неравенства интеллектуальным, что приведет к интеллектуальной эксплуатации одних людей другими.

Многими простыми людьми вступление в «информационную эру» и создание глобального информационного пространства мыслится как появление «новой Римской империи», так как тон в этом процессе (во всяком случае, внешне) задает единственная сверхдержава — США. Ответом на данный глобальный мировой процесс развития служит все нарастающий поиск путей альтернативного развития человечества.

Самой мощной и легко принимаемой идеей, противостоящей глобалистской «информационной эре», является так называемая «архаизация», то есть возвращение человечества к «истокам», где нет места прогрессу и цивилизации. В духовной жизни архаизация обозначается крайним фундаментализмом и появлением новых религиозных движений, спекулирующих на протестных антиглобалистических чувствах людей (например, последователи Виссариона отказываются от любых средств технического прогресса и культивируют натуральное хозяйство). Как правило, архаизация заставляет подвергать ревизии летописную историю, что влечет за собой пробуждение интереса к неоязыческим культам и, как следствие, прямое противостояние Православию в исторической ретроспективе, когда языческая Русь воспевается как идеал единственно возможного устройства жизни славян.

Примером проявления архаизации могут служить споры вокруг принятия или непринятия ИНН. Сам по себе вопрос этот далек от богословия и не имеет под собой религиозной основы, однако в нем очевиден перенос антиглобалистских настроений на почву религиозного мировоззрения.

Как известно из истории России, после «смутного времени», когда государство набирало силу при восшествии на престол

царской династии Романовых, произошел раскол, который, в конце концов привел к тому, что Русская Православная Церковь более чем на 200 лет лишилась своего патриаршества. В основе этого Великого раскола лежало столкновение сторонников цивилизации и прогресса с фундаменталистами. Сегодняшний мир все больше поляризуется, и каждый из сторонников крайних направлений пытается привлечь Православную Церковь на свою сторону, что создает известное внутрицерковное напряжение.

Восстановление полнокровной жизни церковного организма последнего десятилетия потребовало колоссальных усилий всех его членов — от Первоиерарха нашей Церкви до сельского священника. Однако в отсутствие четко выраженной концепции церковно-государственных отношений священнослужителям чаще всего приходилось действовать, опираясь лишь на личные отношения. Как правило, государство стремилось привлечь Церковь к решению острых социальных проблем, не делая при этом усилий по правовому определению статуса Православной Церкви не просто как традиционной, но и как государствообразующей и культуuroобразующей религии. Все это приводило к низведению Православной Церкви на уровень новых религиозных организаций, во множестве появившихся на постсоветском пространстве. Этим и до сих пор умело пользуются многочисленные миссионерские организации восточного и западного происхождения. Прозелитизм стал нормой католических миссионерских усилий во всех государствах СНГ, в особенности на Украине.

Впрочем, нельзя не отметить, что за последние два года в России более четко обозначилась политическая воля государства в вопросах духовной безопасности. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации заявлено, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает в себя также защиту... духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни... формирование государственной политики в области духовного и нравственного воспитания населения, а также включает в себя противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров». Проблема духовной безопасности в сегодняшнем мире выдвигается на первый план в жизни личности, общественных институтов, государства, человечества и мира в целом. Поэтому миссионерская деятельность Русской Православной Церкви напрямую должна быть направлена на обеспечение духовной безопасности, на единение всех слоев общества на

основе подлинных христианских ценностей и защите священного дара жизни.

Для миссионера Русской Православной Церкви должно быть очевидным, что религиозный экстремизм и его порождение — международный терроризм — это прежде всего вызов Богу и всему Его творению, следствие искажений в духовной сфере человечества. Апологеты международного терроризма сегодня выстраивают свою аксиологию, пользуясь искаженными религиозными понятиями. Богословский анализ подобных «апологетических трудов» является также миссионерской задачей. Церкви уже приходилось защищать человечество от языческих человеческих жертвоприношений, от сатанистских ритуалов, пришла пора защиты священного дара жизни от религиозного экстремизма в различных его проявлениях. Уместно привести здесь слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, обращенные к делегатам II Миссионерского съезда: «Борьба с разрушительными силами мира сего есть не столько его критика, сколько позитивная духовная деятельность... Мы сегодня призваны переориентировать общественное сознание на созидание христианских ценностей и христианского мироощущения». Сегодня это лучший ответ на вызовы религиозного экстремизма.

Определяя лишь в первом приближении основные характеристики «миссионерского поля», следует отметить, что полнота и успех современной миссии как христианского свидетельства во многом зависит от того, насколько мы избежим крайностей любого одномерного понимания роли и значения Православия. Ведь сегодня можно встретить «ультраправую» или «ультралевую» охристианизированную богословско-религиозными фразами идеологию, что является псевдохристианством. Христианство же — это Благая Весть о Царствии Божиим, свидетельство о Христе Спасителе мира, наконец. Это жизнь во Христе, по слову апостола Павла: «...и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Чтобы правильно избрать методы восстановления влияния и значения Православной Церкви, утраченных в тоталитарную эпоху, и ответить на вызовы современного мира, нам необходимо хранить преемственность (которую часто называют «верностью отцам»), иметь духовную трезвенность, то есть быть «солью» современного общества.

Миссия после миссии

В своем докладе на II съезде миссионеров Русской Православной Церкви Его Святейшество определил воцерковление различных слоев общества и особенно молодежи главной миссионерской задачей в XXI веке: «Сегодня нам надо решить главный вопрос — как воцерковлять наш народ, как дать его естественным религиозным исканиям православное основание. Как правило, мы имеем дело с крещеными, но не просвещенными людьми, а это очень опасное и соблазнительное состояние души, когда человек всей жизнью и пристрастиями находится в объятиях мира, но при этом себя считает православным христианином».

Миссионерские усилия Русской Православной Церкви последних лет проходили под девизом «К каждому сердцу, до края земли». По малым и великим рекам священнослужители и миряне на кораблях-храмах проповедовали Евангелие, вагон-храм иконы Божией Матери «Одигитрия» проделал путь от западных до восточных областей России, посетив более 20 епархий. Особенно активными были миссионерские усилия недавно открытых епархий Сибири, Дальнего Востока, Приморья, Камчатки, Якутии. Поиск новых форм миссионерской деятельности был характерен для многих епархий, находящихся на пространствах бывшего Советского Союза, и в особенности там, где православные оказались в меньшинстве или в открытом противостоянии «доморощенным» раскольникам или католической агрессии. Интересные примеры новых миссионерских форм деятельности мы находим у епархий так называемого дальнего зарубежья (например, в Германии).

Если характеризовать этот опыт в общих чертах, то следует отметить, что прежде всего идет процесс развития лучших миссионерских традиций нашей Церкви. Миссионеры вначале изучают язык, культуру, особенности жизни просвещаемых народов, затем осуществляют переводы духовной литературы и катехизических пособий, строят новые храмы или совершают богослужение в приспособленных местах. Развивается социальная diakония и миссионерская активность мирян. Как известно, выдающийся миссионер святитель Иннокентий (Вениаминов) придавал огромное значение совершению Божественной литургии на языке просвещаемого народа. Часто он служил под открытым небом в местах кочевья, после совершения литургии устанавливался крест, возле которого в дальнейшем жители совершали

«общественные молитвы». Все современные миссионерские экспедиции восприняли этот метод и успешно его осуществляют. Опыт другого миссионера, преподобного Макария (Глухарева), по созданию миссионерских станций или долгосрочных миссионерских экспедиций сейчас успешно применяется в Магаданской и Якутской епархиях.

Вместе с этим, при всем многообразии современного опыта, мы не должны в своей миссионерской стратегии допускать смешение средств и целей. Например, одно лишь распространение изданий Святого Евангелия само по себе не приведет к научению народов Благой Вести, не передаст опыт богообщения, не создаст евхаристической общины. Поэтому мы не можем оценивать миссионерскую работу по количественным характеристикам «крещеных, но не просвещенных» людей. По меткому выражению одного из современных богословов, нашу паству можно разделить на «прохожан», то есть тех, кто приходят в церковь по долгу служебного положения на официальные мероприятия или из любопытства; «захожан», то есть тех, кто на Пасху, Крещение и Рождество приходят, чтобы освятить куличи или набрать крещенской воды, и, наконец, настоящих прихожан, тех, кого можно назвать, по слову апостола, «народом Божиим».

К сожалению, у нас до сих пор существует лишь поверхностное знание, характеризующее основные черты мотивации восприятия веры, особенно первых двух категорий, хотя все они считают себя православными. Однако без тщательного их изучения мы не сможем правильно определить методы и формы миссионерского обращения к ним и их воцерковления. Настала пора серьезных богословских, социологических исследований, которые могли бы помочь нам в миссионерской работе.

Притча о Сеятеле, содержащаяся сразу в трех Евангелиях (от Матфея, от Марка и от Луки), помимо всем нам хорошо известных толкований, может рассматриваться как предупреждение миссионерам о выборе правильной стратегии. Сеятель трудился на четырех полях, а собрал урожай лишь с одного поля, где была плодородная почва. Очевидно, что каждое «поле» требует своих инструментов для обработки, а также определения благоприятного времени для начала работы. Для «каменистой почвы», то есть для тех, кто поражен, выражаясь языком святых отцов, «окаменелым бесчувствием» — последствием губительного влияния атеистического воспитания, — необходимо сначала «выбрать из земли булыжники» — чаще всего это устойчивые стереотипы сознания и мотивации поведения (типа «Пенсии не

платят, а храмы строят» или «Раньше был отдел по идеологии, а сейчас попы»). Чаще всего это пожилые люди, требующие к себе милосердного отношения. Лучше всего этим людям помогут миссионерские усилия сестричеств и братств, занимающихся социальной диаконией. Только любвеобильным отношением, а не диспутами можно помочь им обрести Христа в своих сердцах.

Для «почвы, где произрастают сорняки», то есть для тех, кто в своих исканиях Истины и богообщения попали в пленение тоталитарных сект, прежде всего необходима «прополка», то есть очищение ума и сердца от заблуждений и соблазнов. Здесь огромную роль играют реабилитационные центры жертв тоталитарных сект. Такие центры успешно действуют во многих епархиях. Настоящий съезд дает возможность поделиться накопленным опытом работы, обобщить его и выработать практические рекомендации для тех епархий, где подобные центры еще не созданы.

Далее в притче о Сеятеле говорится о семени, упавшем при дороге: «Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его» (Мф. 13:19). Обратите внимание: Господь говорит о «неразумении», то есть невозможности восприятия Слова Божия как о причине расхищения дьяволом всего посеянного. Кто чаще всего не понимает нас? Молодежь. Скептическое отношение к традиционным ценностям, а порой открытое противление им, становится барьером для понимания миссионерской проповеди молодыми людьми. «Церковь» воспринимается ими как понятие из разряда виртуальных. Как пробудить в молодом сердце ощущение реальности Бога, помочь юной душе получить опыт богообщения? Громадную роль в этом играет язык миссии. Современная лингвистика утверждает, что «положительное или отрицательное влияние языка зависит от соответствия ситуации языковой репрезентации (то есть умения использовать язык в конкретном контексте. — *Прим. авт.*). Если языковой код не соответствует данной задаче по причине невыраженности в нем всей необходимой информации или из-за того, что словесные обозначения обеспечивают неадекватный анализ предмета, языковая структура может неадекватно влиять на ее решение». Иными словами, используя привычные штампы проповеднической речи без учета особенностей молодежной аудитории, можно получить обратный эффект, когда «семя упадет при дороге».

Сегодня нам необходима миссионерская стратегия, учитывающая социологические, психологические и другие значимые ха-

рактеристики просвещаемых людей. При этом нам всегда надо помнить предупреждение Господа: «Вот Я, посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф. 10:16).

Для современного миссионерского служения особое значение имеет «миссия после миссии», то есть воцерковление и научение миссионерскому деланию мирян. Раскрывая содержание задач «миссии после миссии», необходимо отметить, что это процесс приобщения человека к соборному бытию Церкви, что означает, во-первых, вхождение человека в полноту приходской жизни, центром которой является Божественная литургия (как «общее дело»), а во-вторых, содействие человеку в созидании малой Церкви, то есть семьи.

Процесс воцерковления способствует личностному росту человека на всех уровнях его бытия. Сегодня имеется значительный положительный опыт активности мирян в деле миссии через участие в работе братств и сестричеств на поприще духовного просвещения и социальной диаконии, в заботах о бедных и угнетенных людях, беженцах, мигрантах, наркозависимых и т.п.

Воцерковление — это жизнь в общине, поэтому нам необходимо постоянно повышать значимость общинной жизни, защищать ее от проникновения духа индивидуализма, закрытости и сектантства в любых его проявлениях. Этому во многом способствует процесс расширения и углубления постоянного духовного образования для христиан всех возрастов. Необходимо также возродить катехуменат (согласно святоотеческой традиции) перед крещением с привлечением наиболее подготовленных мирян. Крещение каждого новообращенного должно стать праздником всей общины. Для этого требуется постоянная работа по подготовке к крещению как желающих креститься, так и восприемников. А так как мы имеем дело с людьми «крещеными, но не просвещенными», нам следует найти современные формы обучения основам православной веры «прохожан» и «захожан».

Миссионерские перспективы

Священник Павел Флоренский в своих «Экклезиологических материалах» писал, что апостольство «всегда составляло главнейшую обязанность церковных людей». Привлечение к миссионерской деятельности как можно большего числа воцер-

ковленных людей является сегодня основной задачей развития нашего служения.

Выбор правильной миссионерской стратегии, использование мирового миссионерского опыта христианского свидетельства в различных исторических контекстах возрождения и обновлений, тягчайших кризисов и упадков, наконец, точная оценка собственных возможностей в условиях современных реалий необходимы на всех уровнях миссионерского служения (общецерковном, епархиальном, приходском).

Просветительская деятельность и социальная диакона во всех доступных формах — два крыла православного миссионерства — должны быть понятными, привлекательными и актуальными для современного общества. Важно, чтобы сестричества, братства, просветительские общества свои центры имели именно в приходской общине и их деятельность была бы продолжением участия мирян в главном «общем деле» — литургии.

Чтобы наша Церковь подобно Церкви первых веков была «в любви у всего народа» (Деян. 2:47) и Господь снова «ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» (Деян. 2:47), необходимо хранить церковное единство (Еф. 4:4). Всякое разделение и соперничество только ослабляет дело православной миссии.

Язык миссии приобретает особое значение в миссионерской работе с молодежью. Продолжая кирилло-мефодиевскую традицию, современные православные миссионеры должны стремиться быть понятыми в своем обращении к людям. Необходимо использовать все новейшие достижения средств коммуникаций, совершая так называемую «инкультурацию» (то есть погружение в культуру, просвещение ее светом Христовой Истины), сохраняя при этом верность святоотеческой традиции.

Процесс восстановления прежнего влияния и значения Церкви в современном обществе — задача миссионерская. Он требует богословского осмысления и социологического исследования состояния быстроменяющегося мира. Чем правильнее будут построены исследования и точнее выводы, тем эффективнее будет наше миссионерское делание.

Дореволюционный опыт миссионерского служения показал, что подражание западным методам проведения миссии, особенно с акцентом на «антимиссию», может иметь отрицательный результат. Поэтому, проводя антисектантскую деятельность, необходимо помнить, что рядовые члены сект — это прежде всего заблудшие чада Церкви или люди, ищущие Истину. Прежде всего мы должны молиться о них. Церковь, как любящая мать, скорбит

об этих людях и всегда готова принять их в свое лоно. Нам нельзя забывать предупреждение святого апостола Павла: «наша брань не против крови и плоти, но против... мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6. 12).

Господь наш Иисус Христос заповедал своим апостолам: «Вы... будете Мне свидетелями... даже до края земли» (Деян. 1:8). Это прямое обращение ко всем нам. Так исполним же этот призыв с праведностью, миром и радостью во Святом Духе (Рим. 14:17).

Епископ Подольский ИЛАРИОН

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ КАК ШКОЛА БОГОСЛОВИЯ И БОГОМЫСЛИЯ*

Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг.

Святитель Феофан Затворник

Сегодня я хотел бы поделиться некоторыми мыслями, накопившимися у меня за более чем двадцать лет участия в православном богослужении — как в России, так и за ее пределами. То, что я скажу, будет относиться в большей степени к священнослужителям, чем к мирянам. Это связано с тем, что я почти не помню себя мирянином, мой опыт «мирянского служения» был слишком незначительным, чтобы им делиться. Вся моя сознательная жизнь связана со служением алтарю, и именно служителям алтаря в первую очередь будут адресованы мои размышления.

Пятнадцатилетним юношей я переступил порог алтаря Господня, вошел во святое святых православного храма, был приобщен к богослужению как его активный участник. И до того я посещал храм, вслушивался в слова церковных служб, исповедовался и причащался, но только после вхождения в алтарь началась для меня та теургия, та мистерия, тот «пир веры», которые продолжают до сего дня. Став священнослужителем, я именно в совершении литургии видел свое главное предназначение и

* Статья подготовлена на основе доклада, сделанного в Киевской духовной академии 20 сентября 2002 г.

призвание: все остальное — будь то проповедь, пастырское душепопечение, богословская работа — выстраивалось вокруг литургии как основного жизненного стержня.

Именно литургия и другие церковные службы, а не духовная семинария, не академия и не университет, были для меня той школой православного богословия, которая сформировала мое собственное богословское мышление. Литургические тексты Православной Церкви настолько глубоко вошли в мой ум и сердце, что стали, наряду с Евангелием и творениями Святых Отцов, главным критерием богословской истины, неисчерпаемым источником знаний о Боге, о Христе, о мире, о Церкви, о спасении.

Православное богослужение — величайшее сокровище, которое мы должны бережно хранить. Когда-то подобного рода богослужение совершалось и в других христианских общинах, но с течением веков, в результате различного рода реформ — как литургического, так и богословского характера — оно было этими общинами утрачено.

Мне доводилось неоднократно присутствовать на богослужениях в протестантских и католических храмах. За редкими исключениями, богослужения эти глубоко разочаровывали. Протестантское богослужение, например, представляет собой, как правило, серию разрозненных, не связанных между собою молитвенных акций: сначала священнослужитель произносит слова благословения, далее все открывают книгу на определенной странице и исполняют то или иное песнопение, затем, после паузы, священник произносит проповедь, потом все опять что-нибудь поют, затем играет орган, и т.д. Прихожане в основном сидят, лишь иногда они встают, чтобы снова сесть. Богослужение сопровождается разъяснениями священнослужителя — в какой книге и на какой странице находится то или иное песнопение, следует ли его исполнять стоя или сидя. Все богослужение длится минут 30-40. Не говорю уже о том, что в некоторых общинах за богослужением используется рок-музыка и прихожане пускаются в пляс.

Должен сказать, что после литургической реформы II Ватиканского Собора богослужение в некоторых католических храмах мало чем отличается от протестантского: то же отсутствие целостности, то же чередование отдельных, не связанных между собою молитв и песнопений.

Добавлю, что тексты, используемые за богослужением во многих инославных храмах, за исключением евхаристических молитв и некоторых сохранившихся в употреблении древних

гимнов, нередко отличаются весьма невысоким уровнем богословской насыщенности: как правило, в них много «благочестия», иногда доходящего до слащавости, и очень мало богословия.

Иное дело — православное богослужение, будь то литургия, вечерня, утренняя, часы, полунощница или повечерие. Здесь с первого же возгласа каждой службы мы погружаемся в стихию молитвы, не прерываемой ничем. Одни за другими, без перерыва, следуют псалмы, ектении, стихиры, тропари, молитвы и возгласы священника: вся служба проходит на одном дыхании как единая непрерывно развертывающаяся мистерия, все совершается в одном ритме, ничто не отвлекает от молитвы. Византийские богослужебные тексты, насыщенные глубочайшим богословским и мистическим содержанием, чередуются с молитвенными воздыханиями псалмов, каждое слово которых отзывается в сердце молящегося. Даже те элементы «хореографии», которые характерны для православного богослужения, — торжественные входы и выходы, поклоны, каждение, — призваны не отвлечь внимание верующих, а наоборот, настроить их на молитвенный лад, вовлечь их в ту теургию, в которой, по учению Церкви, участвует не только Церковь земная, но и Церковь небесная, не только люди, но и ангелы.

Богослужебные тексты как школа богословия

Остановлюсь на вопросе о богословском, догматическом, учительном значении богослужебных текстов.

На мой взгляд, богослужебные тексты обладают для православного христианина неоспоримым богословским и учительным авторитетом. По своей догматической безупречности они следуют сразу же за Священным Писанием. Будучи не просто творениями выдающихся богословов и поэтов, но частью молитвенного опыта людей, достигших святости и обожения, богослужебные тексты по своему богословскому авторитету стоят, как думаю, даже выше творений Отцов Церкви. Ибо не все в творениях Отцов имеет равную ценность и не все получило общецерковное признание. Богослужебные тексты, напротив, признаны всей Церковью в качестве «правила веры», ибо в течение многих веков читались и пелись повсеместно в православных храмах: все ошибочное и чуждое, что могло бы вкрасться в них по недоразумению или недосмотру, было отсеяно самим церковным Преданием; осталось лишь чистое и безупречное богословие, облеченное в поэтические формы церковных гимнов.

Сказанное относится прежде всего к уставным чинопоследованиям служб суточного круга, а также службам седмичного и годового кругов, содержащимся в Октоихе, Триоди постной, Триоди цветной и Минеях. В литургических текстах, вошедших в эти книги, нашли свое преломление и истолкование многие эпизоды из жизни Христа и многие аспекты Его учения. В этом смысле можно говорить о том, что литургические тексты являются «Евангелием от Церкви». В течение всего церковного года — от Рождества до Вознесения — земная жизнь Спасителя проходит перед духовным взором верующего. И именно богослужебные тексты дают ему возможность соприкоснуться с евангельской историей, которая благодаря им становится частью духовного опыта верующего. Богослужебные тексты позволяют христианину быть со Христом в Вифлееме во время Его рождения, на Фаворе в момент преображения, в Сионской горнице во время Тайной Вечери, на Голгофе в день распятия.

Богослужебные тексты — не просто комментарий к Евангелию. Во многих случаях они говорят о том, о чем Евангелие умолчало. Приведу в пример богослужение праздника Рождества Христова. В Евангелии о Рождестве сказано очень лаконично: «Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго. Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее» (Мф. 1:18-19). Многое здесь осталось «за кадром». Евангелие умолчало, в частности, о личной драме Иосифа: можно только догадываться о его переживаниях, сомнениях, о том, что он мог говорить своей Невесте, когда обнаружил, что Она беременна. Богослужебные тексты Православной Церкви пытаются в поэтической форме восстановить диалог между Иосифом и Марией:

Сия глаголет Иосиф к Деве: Марие, что дело сие, еже в Тебе зрю? Недоумею и удивляюся, и умом ужасаюся: отай бо от мене буди вскоре. Марие, что дело сие, еже в Тебе вижу? За честь — срамоту, за веселие — скорбь, вместо еже хвалитися — укоризну ми принесла еси. Ктому не терплю уже поношений человеческих: ибо от иерей из церкви Господни яко непорочну Тя приях, и что видимое?

Егда Иосиф, Дево, печалию уязвляешся, к Вифлеему идя, вопияла еси к нему: что Мя зря несправдну дряхлуеши и смущаешися, не ведый всяко еже во Мне страшнаго таинства? Прочее отложи страх всяк, преславное познавая. Бог бо низходит на землю

милости ради, во чреве Моем ныне, аще и плоть прият: Егоже раждаема узриши, якоже благоизволи, и, радости исполнився, поклонишися яко Зиждителю твоему...

Можно относиться к подобного рода текстам как к поэтическому вымыслу, как к «церковной риторике», а можно увидеть в них нечто большее — стремление и способность проникнуть в чувства и переживания тех людей, чьими руками творилась Священная история. Византийские гимнографы использовали богатейший арсенал литературных приемов для выражения богооткровенных истин. Весь этот арсенал был им необходим, потому что они говорили о том, что око не видело, ухо не слышало и что на сердце человеку не восходило (1 Кор. 2:9), о том, что находится за пределами возможностей человеческого разума и что постигается верою. В христианстве есть много таинственных истин, которые трудно изложить языком прозы: необходима поэзия, чтобы помочь человеку приобщиться к ним.

Еще одним примером могут послужить богослужебные тексты, посвященные сошествию Христа во ад. Об этом событии в Евангелии напрямую вообще ничего не говорится, о нем лишь упомянуто в Послании апостола Петра (1 Пет. 3:18-21; 4:6). Между тем в Древней Церкви вера в сошествие Христа во ад была очень сильна: она, в частности, нашла отражение в многочисленных апокрифах, таких как «Евангелие Варфоломея» и «Евангелие Никодима». Из раннехристианских памятников она перекочевала в гимны преподобных Ефрема Сирина и Романа Сладкопевца, а оттуда — в богослужение Православной Церкви. Множество текстов Октоиха, Триоди постной и Триоди цветной посвящено сошествию Христа во ад.

Особенно замечательны в плане богословского осмысления этого события богослужебные тексты Великой субботы. Центральным моментом великосубботней утрени является чтение стихов Псалма 118 с добавлением к каждому стиху «похвал», авторство которых принадлежит неизвестному поэту, жившему не позднее XIV столетия. В «похвалах» несколько основных тем. Говорится, в частности, о том, что Сын Божий пострадал и умер, исполняя волю Отца, пославшего Его для спасения мира; в то же время Его смерть неоднократно называется «добровольной». Особо говорится о Божией Матери, стоявшей у Креста Христова и оплакивавшей Своего Сына. Некоторые из «похвал» обращены к Божией Матери и Иосифу Аримафейскому; некоторые написаны от лица Божией Матери и обращены к Иисусу. В словах,

обращенных к Иуде, автор обличает его за предательство. В тексте неизвестного автора «похвал» содержатся также обвинения в адрес иудеев, не принявших своего Мессию и предавших Его на позорную смерть.

Однако главная тема «похвал» — это искупление и спасение человечества сошедшим во ад Христом: выйдя на поиски падшего Адама, но не найдя его на земле, воплотившийся Бог сошел в бездны ада, чтобы искупить его. Как и во многих песнопениях Октоиха, подчеркивается универсальный характер искупления, совершенного Христом. Говорится о воскрешении Христом мертвых, которое описывается как «опустошение» ада воскресшим Христом:

Иисусе Христе мой, Царю всех, что ища к сущим во аде пришел еси; или род отрешити человеческий?

Ад како стерпит, Спасе, пришествие Твое, а не паче болезнует омрачаемь, блистания света твоего зарею ослеплен.

На землю сшел еси, да спасеши Адама, и на земли не обрет сего Владыко, даже до ада снизшел еси ищай.

Якоже пшеничное зерно, зашед в недра земная, многоперстный воздал еси клас, возставив человеки, яже от Адама.

Аще и во гробе погребаешися, аще и во ад идеши; но и гробы истощил еси, и ад обнажил еси Христе.

Послушав Слове, Отца Твоего, даже до ада лютаго сошел еси, и воскресил еси род человеческий.

Ужасеся ад Спасе, зря Тя жизнедавца, богатство онаго упражняюща, и иже от века мертвыя возставляюща.

Другим ключевым текстом великопостной службы, более древним, чем «похвалы», является канон, написанный несколькими авторами в VIII-X веках. В тропарях канона, обращенных к погребенному и воскресшему Сыну Божию, с особой силой выражена мысль о гибели ада благодаря сошествию в него Христа, о прекращении власти ада над людьми:

Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим: Ты бо положся во гробе державне, живонаначальною дланию, смерти ключи развергл еси, и проповедал еси от века тамо спящим, избавление неложное быв Спасе, мертвым первенец.

Уязвися ад, в сердце прием уязвенного копием в ребра, и воздыхает огнем божественным иждиваемь, во спасение нас поющих: избавителю Боже благословен еси.

Да радуется тварь, да веселятся вси земнороднии, враг бо пленися ад; с миры жены да сретают, Адама со Евою избавляю всеродна, и в третий день воскресну.

Смысл искупительного подвига Христа раскрывается в синаксarii, составленном около XIV века и как бы суммирующем богословское содержание литургических гимнов Великой субботы:

Во святую и великую субботу, боготелесное погребение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и еже во ад сошествие празднуем: имиже от тли наш род воззван быв, к вечной жизни преиде... Снизходит убо Божие Слово с плотию во гроб, сходит же и во ад с нетленною и божественною Своею душою, разделяшеюся смертию от телесе, юже и в руке предаде Отцу, Ему же и свою кровь принесе, не просившу, избавление наше бывшую. Не бо во аде Господня душа, якоже других святых души, удержана бысть... Но ни крови же взят враг наш диавол, аще и нас держаше, еуже куплени быхом. Како бо аще не точию от Бога, но и Бога Его разбойник диавол яти имяше? Обаче телесне и с мужеством вселися во гроб Господь наш Иисус Христос, крайне плоти соединившимся. Бяше же с разбойником и в раи, и во аде бяше, якоже речеса, со обоженною Своею душою. Преестество же и со Отцем бе, и Духу соседяй, яко Бог неописанный, везде же бе, ничтоже Божеству во гробе страждущу, якоже ниже на кресте. И тление убо господьское тело претерпе, еже есть разрешение души от тела: растреления же, сиречь разрушения плоти и удес, совершенного погубления никакоже... Ад отселе совращается и изумевается, твердейшую силу ощущая; изблюет убо помале неправедным поглощением, Христа твердейшего и краугольного камене; и иже от века положи во чреве, снесь сотворив.

Центральная тема этого текста — догмат искупления, который выражен здесь в терминологии, близкой той, что использовалась богословами III-IV веков. В III веке Ориген утверждал, что Сын Божий на Кресте предал Свой дух в руки Отца, а душу отдал диаволу в качестве выкупа за людей: «Кому Искупитель дал душу Свою в выкуп за многих? Не Богу. Почему же тогда не диаволу?.. Как выкуп дана за нас душа Сына Божия, а не дух Его, ибо Он уже прежде предал его Отцу со словами: “Отче, в руки Твои предаю дух Мой” (Лк. 23:66), также и не тело, потому что об этом мы ничего не находим в Писании». Однако святитель Григорий Богослов оспорил такое понимание искупле-

ния: «Кому и по какой причине принесена такая цена? Если лукавому, то как это оскорбительно! Разбойник получает цену выкупа, получает не только от Бога, но и Самого Бога!» Именно эти слова Григория Богослова и цитируются автором синаксария.

Другая мысль синаксария — о том, что тело Христово, будучи подвержено «тлению» (φθορά), не претерпело «истления», или «разложения» (διάφθορά). Это терминологическое различие было выдвинуто преподобным Иоанном Дамаскиным в противовес учению афтартодокетов о нетлении плоти Христовой.

Наконец, в синаксарии развивается мысль о том, что ад был «обманут», когда туда сошел Христос. Эта мысль, нашедшая свое отражение также в «Пасхальном огласительном слове» святителя Иоанна Златоуста, восходит к теории святителя Григория Нисского, согласно которой Бог обманул диавола, скрыв под «приманкой» человеческой плоти «крючок» Божества: проглотив приманку, ад вместе с нею проглотил и крючок, разрушивший его изнутри. Если эта теория может показаться несколько искусственной и натянутой в том виде, в каком она выражена у Григория Нисского, то в богослужебных текстах она звучит вполне убедительно, так как здесь речь идет не столько о том, что Бог «обманул» диавола, сколько о том, что диавол «обманулся», приняв Христа за простого человека.

Мы видим, что богослужебные тексты Великой субботы не только говорят о событии, которое в Евангелии осталось без упоминания, но и предлагают глубокое богословское осмысление этого события. В кратких и лаконичных строках богослужебных текстов содержится синтез того, чему богословы многих веков посвящали целые трактаты.

Можно было бы привести много других примеров, но, думаю, и приведенных достаточно для иллюстрации мысли о том, что богослужебные тексты Православной Церкви имеют исключительное значение для православного христианина. Благодаря им участие в православном богослужении становится не только школой молитвы, но и школой богословия, богомыслия, боговедения.

Возможна ли «ревизия» богослужебных текстов?

Несколько лет назад в коптском церковном журнале мне попала заметка о том, что Синод Коптской Церкви принял решение изъять из богослужебных книг молитвы об усопших, находящихся в аду, как «противоречащие православному вероу-

чению». Мне эта заметка запомнилась, и я решил при случае спросить у представителя Коптской Церкви, чем вызвано такое решение. Недавно такой случай представился. Отвечая на мой вопрос, один коптский митрополит сказал, что решение Синода было принято потому, что, согласно официальному вероучению Коптской Церкви, никакие молитвы не помогают людям, находящимся в аду. Я рассказал митрополиту о том, что в литургической практике Русской Православной Церкви, а также и других Поместных Православных Церквей, имеются молитвы «о иже во аде держимых», и что мы верим в спасительность этих молитв. Митрополита это удивило, и он обещал подробнее исследовать данный вопрос.

В ходе разговора с митрополитом я высказал мысль о том, что, если встать на путь корректировки богослужебных текстов, можно зайти очень далеко и утратить важные вероучительные ориентиры. Православное богослужение тем и драгоценно, что оно дает четкий критерий богословской истины, и именно богословие надо всегда сверять с богослужением, а не богослужение корректировать под те или иные богословские посылки. *Lex credendi* вырастает из *lex orandi*, и догматы являются богооткровенными именно потому, что родились в опыте молитвы, были открыты Церкви через богослужение. Поэтому если в понимании какого-то догмата усматривается расхождение между, с одной стороны, тем или иным богословским авторитетом, а с другой — богослужебными текстами, я склонен отдавать предпочтение последним. И если учебник догматического богословия содержит взгляды, отличные от содержащегося в богослужебных текстах, то исправлять надо не эти тексты, а тот учебник.

Тем менее допустимым я считаю исправление богослужебных текстов в угоду современным нормам «политической корректности». По пути такого исправления давно уже пошли многие протестантские общины. В последнее время, однако, и некоторые члены Православной Церкви, живущие на Западе, начали пропагандировать идею ревизии православного богослужения в целях приближения его к современным стандартам. Так например, протоиерей Сергей Гаккель, многолетний борец против священноначалия Московского Патриархата и активный участник христианско-иудейского диалога, предлагает удалить из богослужения Страстной седмицы все тексты, в которых говорится о вине евреев за предательство и смерть Спасителя (см. его статью «Как соотносится западное богословие “после Освенцима” с сознанием и богослужением Русской Православной Церкви» в

сборнике «Богословие после Освенцима и его связь с богословием после ГУЛАГа: следствия и выводы». СПб., 1999). Особенное возмущение протоиерея Гаккеля вызывает 12-й антифон Утрени Великого пятка:

Вот что говорит Господь иудеям: народ Мой, что сделал Я тебе, или чем тебе досадил? Слепцов твоих Я сделал зрячими; прокаженных очистил; человека, лежащего на одре, восстановил. Народ Мой, что сделал Я тебе и чем ты отплатил Мне: за манну желчью, за воду уксусом, за любовь — вы пригвоздили Меня ко кресту. Более этого Я уже не потерплю, и призову к себе Мои народы; они прославят Меня с Отцом и Духом, и Я дарую им жизнь вечную.

Этот текст протоиерей Гаккель называет «бесстыдной выдумкой», которая подлежит устранению из богослужения: «Считается, что такая служба, как Утреня Великой пятницы, составлена сообразно учению Церкви, ибо *lex orandi lex credendi*. Между тем авторитет этой службы основан исключительно на том основании (так в оригинале. — *Е. И.*), что она существует в течение многих веков. Ее не утверждали на Вселенском Соборе, и она не нуждается во Вселенском Соборе для новой редакции или, если потребуется, для упразднения... Однако до сих пор ничего не предпринято, и мы по-прежнему принимаем участие в этих службах». В своем приходе недалеко от Лондона протоиерей Гаккель уже произвел «хирургическое вмешательство» и «удалил антииудаизм с амвона».

Не ограничиваясь призывом к ревизии литургического Предания, протоиерей Гаккель ставит под вопрос все раннехристианские тексты, в которых говорится о вине иудеев за предательство Христа, в том числе содержащиеся в Евангелии, Деяниях и творениях Отцов Церкви. В Евангелии от Иоанна, отмечает протоиерей, слово «иудеи» встречается семьдесят раз, и в половине случаев оно имеет негативный оттенок. В Деяниях же многократно говорится о том, что Христа распяли иудеи (2:23; 3:13-15; 4:10; 10:39). «Поверхностное и избирательное» чтение Писания приводит читателя «к выводу, что евреи распяли Христа. При этом упускается та важная роль, которую сыграли в деле осуждения Иисуса Понтий Пилат и римская администрация. Если уж на то пошло, именно на них лежит ответственность за вынесение приговора и распятие особого узника, как, впрочем, и всех других узников».

Все те места Нового Завета, в которых говорится о вине иудеев за смерть Иисуса, по мнению протоиерея Гаккеля, явились следствием «того влияния, которое оказали на составление и редакцию священных текстов полемика и разногласия в обществе в I веке». Как утверждает протоиерей, «прежде считалось, что христианская Церковь — это Новый Израиль, который пришел на смену ветхому Израилю». Такой взгляд характерен и для некоторых Отцов Церкви, в частности, для Григория Нисского и Иоанна Златоуста. Учение этих Отцов можно было бы игнорировать, «но беда в том, что в широких церковных кругах существует ложное представление, согласно которому к трудам Святых Отцов следует относиться с трепетным почтением, невзирая на явные недостатки того или иного текста».

Цитированная статья протоиерея Сергея Гаккеля является ярким примером того, как искажение *lex credendi* неизбежно ведет к требованию внесения поправок в *lex orandi*. Речь идет не только о ревизии литургического предания, но и о пересмотре всей христианской истории, о пересмотре вероучительного Предания. Основная сюжетная линия всех четырех Евангелий — конфликт между Христом и иудеями, которые в конце концов требуют для Христа смертной казни. Пилат сказал о Христе: «Я не нахожу в Нем никакой вины» (Ин. 19:4) — и умыл руки в знак своего несогласия с обвинениями в адрес Иисуса, тогда как иудеи кричали: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:25). Между Христом и римской администрацией никакого конфликта не было: последняя оказалась необходима лишь потому, что иудеи не имели права приводить в исполнение смертный приговор. Все это, казалось бы, настолько очевидно, что не нуждается в комментариях: именно так воспринимала евангельскую историю Древняя Церковь, именно такое понимание нашло отражение в богослужебных текстах. Однако современные правила «политической корректности» требуют иного толкования. Вот и начинается словесная эквилибристика, ставящая своей целью приведение не только православного богослужения, но и самой христианской веры в соответствии с современными стандартами.

Пусть никому не покажется, что я являюсь противником диалога между христианством и иудаизмом: такой диалог, на мой взгляд, необходим, наряду с другими межрелигиозными диалогами. Но как в межрелигиозном, так и в межхристианском диалоге необходимо строго соблюдать одно правило: каждая участвующая в нем сторона должна ясно артикулировать собственную позицию, а не пытаться приспособить ее к позиции

другой стороны. Каждый участник диалога, кроме того, обязан высказывать не свои личные мнения, а позицию своей Церкви или религиозной общины, иначе диалог превращается в обмен частными мнениями. Целью межрелигиозного и межхристианского диалога является не размывание вероучения в целях достижения компромисса, а стремление понять и принять другого таким, каков он есть. Богослужение в каждой традиции — будь то православная, католическая, протестантская, иудейская, мусульманская и т.д. — является наиболее аутентичным выражением вероучительной основы данной традиции. Диалог может касаться лишь интерпретации тех или иных богослужебных текстов, но не должен вести к их изменению.

В протестантских общинах Запада давно уже существуют богослужения, специально приспособленные для той или иной категории верующих. Есть, например, феминистские богослужения со специально составленными текстами. Мне довелось присутствовать на одном таком богослужении. Сначала на нем молились «Богу Сарры, Ревекки и Рахили», потом речь шла о Боге как Матери, а затем женщина-священник зачитала отрывки из творений раннехристианских писателей, в частности, Тертуллиана, в которых о женщинах говорилось в уничижительном тоне (цель чтения заключалась в том, чтобы показать, что Древняя Церковь была несовершенна и ориентироваться на нее не следует). Все закончилось призывом к борьбе за право женщин на рукоположение в священный сан. *Lex orandi* в данном случае полностью соответствовал *lex credendi*, но сам *lex credendi*, разумеется, представляет собой результат серьезного «хирургического вмешательства» в самую сердцевину христианского Предания. Причем вмешательство это было осуществлено не изнутри церковной общины, а извне — из секулярного мира, в котором родилось и развилось феминистское движение.

Думаю, что православная традиция надежно защищена от подобных явлений, так как обладает достаточным количеством «защитных механизмов», не позволяющих внешним силам вторгнуться в ее литургическую практику. Речь идет о тех же механизмах, которые срабатывали тогда, когда под видом ревизии богослужебных текстов в Церковь пытались внести ошибочные или еретические мнения. Вспомним, что несторианство началось с предложения заменить общеупотребительный термин «Богородица» на более грамотный, с точки зрения Нестория, термин «Христородица». Когда такое предложение было сделано, сработал один из защитных механизмов: возмутился православный

народ. Далее был приведен в движение другой механизм: в обсуждение проблемы включились богословы. Наконец, был созван Вселенский Собор. Оказалось, что за внешне безобидным «хирургическим вмешательством» в богослужение крылась опасная христологическая ересь, которая и была осуждена Собором.

«Уставные» и «неуставные» богослужебные чинопоследования

Все, что говорилось выше о богословском авторитете богослужебных текстов, относится к «уставным» текстам богослужений суточного, седмичного и годового кругов, содержащимся в Служебнике, Часослове, Октоихе, Триоди постной, Триоди цветной и Минеях. К сожалению, однако, для рядового православного верующего содержание многих текстов Октоиха, Триодей и Миней недоступно по нескольким причинам. Во-первых, большинство из них вообще не исполняется в храмах, где нет ежедневного богослужения, и даже там, где оно есть, многие сокращаются (синаксарии, например, опускаются практически повсеместно). Во-вторых, богослужебные тексты читаются и поются на церковнославянском языке, который далеко не всем понятен. В-третьих, многие песнопения исполняются в храме один или несколько раз в году, и, даже зная церковнославянский язык, их нелегко сразу воспринять на слух. В-четвертых, богослужебные тексты Православной Церкви в основном представляют собой памятники византийской литургической поэзии, переведенные на славянский язык много столетий назад: разобраться в их содержании, не владея языком оригинала, не зная законов византийской поэтики, весьма затруднительно. Даже если бы все литургические тексты были переведены на русский язык, содержание их вряд ли сразу же стало бы доступным всякому входящему в храм.

Единственный способ приобщиться к богатствам литургической поэзии Православной Церкви — ее систематически изучать, как изучают музыку, математику, другие искусства и науки. Изучать богослужебные тексты можно несколькими способами. Один из них — ходить ежедневно в храм и следить по книгам за тем, что там поется и читается. Другой — читать и петь на клиросе. Третий — читать богослужебные книги дома. Еще один способ — изучать греческий и славянский языки и сравнивать оригинальный текст со славянским переводом.

Но многим ли православным верующим доступна подобная роскошь? Разумеется, лишь единицам. Большинство либо довольствуется тем, что им удастся понять в ходе богослужения, либо пытается восполнить недостаток духовной пищи, получаемой из уставных служб, за счет различных неуставных богослужебных чинопоследований и молитв. К числу таковых принадлежат молебны и акафисты, вошедшие в практику в течение последних двух-трех столетий и пользующиеся большой популярностью в православной среде. В отличие от труднодоступных для понимания византийских гимнов, тексты, используемые на молебнах и акафистах, не требуют ни особых интеллектуальных усилий, ни специальной богословской подготовки для понимания: они просты по содержанию и легко усваиваются. Однако по уровню богословской насыщенности они несравненно ниже уставных богослужебных текстов: в них (как и во многих католических и протестантских гимнах) мало богословия и много «благочестия».

Что такое молебен? Православный Типикон такой службы вообще не знает. По сути, молебен — это утренняя, но сокращенная до неузнаваемости и почти полностью очищенная от богословия. Ведь если наиболее богословски насыщенными элементами утрени являются стихиры и каноны, то на молебне, как правило, стихиры вообще не исполняются, а от канона оставлены лишь припевы («Пресвятая Богородице, спаси нас», «Святителю отче Николае, моли Бога о нас» и т.д.). Почти повсеместное распространение молебнов в Русской Церкви, на мой взгляд, отнюдь не свидетельствует о развитии православного богослужебного благочестия в правильном, «православном» направлении. Скорее наоборот: можно говорить о том, что у нас идут процессы, подобные происходившим в разные эпохи в протестантизме и католицизме, где на смену древним, наполненным богословским содержанием богослужебным текстам приходили более доступные для понимания хоралы, гимны и канты. В Католической церкви последним этапом процесса обеднения и упрощения богослужебного устава стала литургическая реформа II Ватиканского Собора. В протестантизме же подобная реформа была проведена в самый момент его появления. И в том и в другом случае богатством богословского содержания жертвовали ради понятности, доступности богослужения. Но богослужение перестало быть школой богословия и богомыслия, оно осталось в лучшем случае лишь школой благочестия.

Широкое распространение акафистов также не вызывает большого оптимизма. Православный Типикон знает лишь один акафист — тот, который исполняется в субботу пятой седмицы Великого поста. По образцу этого акафиста были в свое время составлены другие замечательные акафисты, например, Иисусу Сладчайшему и святителю Николаю. Однако в XVIII и XIX веках появилось немало акафистов, посвященных святым и написанных на низком богословском и литературном уровне. Опять же, богословие в них заменено благочестием, а богомыслие «богоглаголением».

Сейчас много говорят о необходимости реформы православного богослужения, о том, что богослужение надо сделать более доступным. Но если доступность богослужения будет достигаться за счет дальнейшего изъятия из обихода уставных богослужебных текстов и замены их на произведения народного творчества, то, боюсь, такая реформа принесет горькие плоды.

Я глубоко убежден в том, что нам нужно не столько «реформировать» богослужение, сколько, наоборот, вернуть богослужебную практику в рамки церковного устава, с тем, чтобы вернуть верующему возможность приобщаться к сокровищнице православного богословия и богомыслия, содержащейся в уставных богослужебных текстах. Для того чтобы сделать эти тексты более понятными, можно упростить их славянский перевод (об этом много говорилось и писалось еще в XIX веке). Некоторые наиболее сложные тексты можно, по-видимому, исполнять на русском языке (однако недопустима, на мой взгляд, полная русификация всего богослужения). Можно, кроме того, печатать богослужебные тексты на славянском языке с параллельным русским переводом и раздавать на руки верующим перед началом богослужения. Необходима, таким образом, не реформа православного богослужения, а система мер, которая бы облегчила верующим доступ к его сокровищам.

Божественная литургия

Некоторые мои инославные друзья жалуются на то, что православная литургия слишком долгая: зачем, мол, так растягивать Евхаристию, если ее можно совершить за полчаса? Мой опыт скорее обратный: мне всегда не хватает двух часов литургии, кажется, что время пронеслось слишком быстро, что отпуск наступил слишком скоро. И жалко бывает покидать алтарь, и

трудно бывает спускаться с небес на землю, от возвышенных переживаний литургии к «заботам века сего». Рассказывают, что в конце XIX века в Петербурге жил священник, у которого была комнатка над алтарем храма: отслужив литургию, он поднимался туда по подвесной лестнице, которую забирал с собою; лишь через два-три часа он вновь спускался в храм для общения с народом. Большинство из нас, священнослужителей XXI века, позволить себе такую роскошь не могут. И все же вполне понятны мотивы, двигавшие этим священником, который, вероятно, стремился продлить сладость предстояния Богу, продлить ту неземную тишину и покой, которые входят в душу при совершении Божественной Евхаристии.

Литургия есть «общее дело», и она, безусловно, требует присутствия и активного участия мирян. Православная практика не знает частных литургий, которые бы священник совершал наедине с собой (как это весьма распространено в Католической церкви). Вся структура литургии предполагает наличие общины, которая, наравне со священником, является ее совершителем. Это община не «зрителей», но участников, чье участие в литургии заключается прежде всего в *причастии* Святых Христовых Таин. Справедливо отмечалось многими (в том числе с особенной настойчивостью о. Александром Шмеманом), что чинопоследование литургии верных вообще не предполагает наличия в храме молящихся, но не причащающихся, и что современная практика, при которой причащаются те, кто подготовились, тогда как прочие довольствуются пассивным присутствием в храме, не соответствует практике Древней Церкви.

Я полностью согласен с теми, кто считает, что практику Древней Церкви следует возродить и что мирянам надо позволять причащаться за каждой литургией. При этом правила, касающиеся подготовки к причащению, должны быть одинаковыми для мирян и для духовенства. Когда для духовенства устанавливаются одни нормы, а для мирян другие, это мне представляется несправедливым и противоречащим смыслу литургии, на которой все — и епископ, и священник, и мирянин — предстают перед Богом и предстоят Богу в равном достоинстве, или, лучше сказать, в равном *недостойнстве*. Ибо «никто же достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходить или приблизиться» к причащению Святых Христовых Таин. Но еще преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорил:

Мы не должны устраняться от причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешными. Но еще более и более надобно поспешить к нему для уврачевания души и очищения духа, однако же с таким смирением духа и веры, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы желали более уврачевания наших ран. А иначе и однажды в год нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают... оценивая достоинство, освящение и благотворность Небесных Таин так, что думают, будто принимать их должны только святые и непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно оказывают больше гордости, нежели смирения, как им кажется, потому что, когда принимают их, считают себя достойными принятия их. Гораздо правильнее было бы, если бы мы со смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святым Таинам, *в каждый воскресный день принимали их* для врачевания наших недугов, нежели... верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их.

Активное участие мирян в литургии предполагает и возможность для них отвечать на возгласы священника и слышать слова так называемых «тайных» молитв, в частности, молитву анафоры. В современной церковной практике эти молитвы, как правило, читаются священником про себя, что, во-первых, создает дополнительную преграду между священником и паствой, а во-вторых, — и это главное — окрадывает молящихся, так как основное содержание литургии проходит мимо них. Мне приходилось слышать много аргументов в защиту практики тайного чтения молитв: говорят, в частности, что нельзя, чтобы эти молитвы слышали непосвященные, случайно зашедшие в церковь люди; ссылаются на «тайную дисциплину» (*disciplina arcana*), существовавшую в Древней Церкви. Все эти аргументы мне представляются неубедительными. Так называемые «тайные» молитвы изначально не были тайными: предстоятель читал их во всеуслышание. Думаю, и в наше время верующие должны иметь право слышать эти молитвы целиком, а не только их заключительные придаточные предложения, обозначающие, что молитва прочитана, но не дающие ни малейшего представления о ее содержании («яко да под державою Твоею всегда храними», «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», «Твоя от Твоих Тебе приносяще» и пр.). По крайней мере, вслух следует читать молитву анафоры, в которой заключена вся суть литургии.

Служение литургии — творческий акт, в который вовлечена вся полнота Церкви. Текст литургии всегда один и тот же, но каждая литургия дает возможность пережить его по-новому, а следовательно и заново пережить встречу с живым Богом.

Многое при совершении литургии зависит от священнослужителей. Очень часто литургия бывает «украдена» у верующих из-за поспешного или небрежного совершения ее священником. Служение литургии, вне зависимости от того, совершается ли оно архиереем в кафедральном соборе или священником в сельском храме, должно быть неспешным и величественным. Все слова литургии должны произноситься с возможной тщательностью, внятно и отчетливо. Очень важно, чтобы священнослужитель *молился* вместе с общиной, а не произносил механически слова, давно утратившие для него новизну и свежесть. Недопустимо привыкание к литургии, восприятие литургии как чего-то будничного, обыденного, даже если она совершается ежедневно.

В служении литургии недопустима театральность, актерство, искусственность. Священнослужитель, кроме того, не должен открыто выражать свои эмоции, чувства, переживания, не должен своим служением привлекать внимание к себе, дабы основное внимание верующих было всегда обращено не на него, а на истинного совершителя литургии — Христа. Сказанное относится и к диаконам, которые в некоторых случаях превращают богослужение в театр, используя все богатство своих голосовых и актерских данных, чтобы произвести большее впечатление на публику. Роль диакона в литургии чрезвычайно важна: он призывает общину к молитве и призван создавать молитвенное настроение, а не разрушать его.

Укажу на одну особенность православной литургии: в ходе ее совершения устанавливаются трогательные, теплые и доверительные отношения между предстоятелем (будь-то епископ или священник) и диаконом. «Помолися о мне, владыко святой», «Помяни мя, владыко святой» — с этими словами диакон неоднократно обращается к предстоятелю в ходе литургии. «Да исправит Господь стопы твоя», «Да помянет тя Господь во Царствии Своем», — отвечает ему предстоятель. Принимая от предстоятеля благословение или подавая ему тот или иной священный предмет, диакон всегда целует ему руку; начиная или заканчивая священнодействие, кланяется ему. Все эти действия — не просто остатки древнего «церковного протокола». Они имеют иконный характер, символизируя те отношения абсолютного доверия и любви, которые существуют между людьми в Царстве

Небесном и которые должны существовать между теми, кто живет в Боге. Кроме того, эти действия подчеркивают иерархический характер Церкви, в которой, по учению Ареопагита, божественные «исхождения» и «светолития» переходят от высших к низшим: от ангелов к человекам, от священников к диаконам, от клириков к мирянам. Наконец, почтение, оказываемое во время богослужения предстоятелю как совершителю Евхаристии, как бы замещающему Самого Христа, сродни тому, которое оказывается священным изображениям: честь, воздаваемая образу-священнослужителю, восходит к Первообразу-Христу.

Чинопоследование литургии не усваивает определенных функций сослужащему духовенству: основными действующими лицами всегда являются предстоятель, диакон и община (которую в наше время обычно «озвучивает» хор). Этим отчасти объясняется естественное желание каждого священнослужителя самому совершать Божественную литургию. Но не только этим. Жажда самостоятельного служения литургии объясняется тем, что в ходе ее совершения особые, доверительные отношения устанавливаются между предстоятелем и Самим Богом. Суть этих отношений описать очень трудно, так как они имеют таинственный, мистический характер. Но, думаю, многие священнослужители согласятся с тем, о чем пишет архимандрит Киприан (Керн):

Священство состоит именно в этом служении *самим* иереем, в самостоятельном совершении Божественной Евхаристии, а не в сослужении другим... У священника должна быть эта ненасытная жажда совершения Евхаристии, которая, конечно, несколько не умаляет его жажды быть причащенным от руки иного (почему именно старшего и сановного?) собрата. Но мистическое чувство, непонятное мирянам, самому приносить Жертву и самому претворять силой Св. Духа евхаристические дары в Тело и Кровь, совсем отлично от чувства и переживания причащения за литургией, совершаемой другим. Можно измерять силу евхаристичности данного священника именно по этому его жажданию служить самому.

Архимандрит Киприан считал Божественную литургию «самым мощным средством пастырского служения». Он подчеркивал, что «ни молебны, ни панихиды, ни акафисты (к которым, кстати сказать, относились очень неодобрительно и митрополит Антоний (Храповицкий), и приснопамятный митрополит Москов-

ский Филарет), не могут заменить собою святейшую службу Евхаристии». Если уж молебны и панихиды необходимы, их следует совершать до, а не после литургии. Впрочем, мне думается, что сама литургия, будучи службой универсальной и всеобъемлющей, вмещает в себя все то, ради чего служатся молебны и панихиды, в том числе поминовение живых и усопших.

Если православное богослужение в целом можно назвать школой богословия и богомыслия, то Божественная литургия является таковой по преимуществу. Она научает тайнам Царства Небесного, потому что сама является иконой этого Царства, наиболее полным отображением небесной реальности в земных условиях, явлением трансцендентного через имманентное. В Царствии Божием отпадут символы, останутся только реальности. Там мы не будем причащаться Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина, но будем «истее» причащаться Самого Христа — Источника жизни и бессмертия. Но, хотя изменится вид, образ, форма нашего приобщения к Богу, не изменится его сущность: это всегда будет личная встреча человека с Богом, причем человека не изолированного от других, но находящегося в общении с другими. В этом смысле справедливо говорится о том, что литургия, совершаемая на земле, — лишь часть той непрестанной литургии, которая совершается людьми и ангелами в Царстве Небесном.

Церковное пение

Скажу несколько слов о церковном пении. Недавно мне довелось посетить Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, где я совершил всенощное бдение и Божественную литургию в главном храме обители. Валаамское монастырское богослужение потрясло меня своей молитвенностью, слаженностью, простотой и величием. Особенно впечатляющим было монашеское пение и используемый при богослужении Валаамский распев. Невольно вспомнились слова святителя Игнатия (Брянчанинова), посетившего Валаам полтора столетия назад и также потрясенного Валаамским распевом:

Тоны этого напева величественны, протяжны... изображают стоны души кающейся, воздыхающей в стране своего изгнания о блаженной, желанной стране радования вечного, наслаждения чистого, святого... Эти тоны то тянутся плачевно, тоскливо, как ветер пустынный, то постепенно исчезают, как эхо среди скал и

ущелий, то гремят внезапно... Величественное *Господи помилуй* подобно ветру пустынному: так оно плачевно, умирительно, протяжно!.. Песнь *Тебе* поем оканчивается протяжным, переливающимся звуком, постепенно стихающим, теряющимся незаметно под сводами храма, как теряется эхо... Когда же братия запоеут на вечерне *Господи, воззвах к Тебе, услыши мя*, то звуки сперва как бы исходят из глубокой пропасти, потом с быстротою и громом исторгаются из нея, несутся к небу, несут туда мысль и желание, пламенные, как молния: тогда они гремят!.. Здесь все должно быть важно, грандиозно. Все веселое, легкое, игривое показалось бы странным, уродливым.

Валаамский распев является одной из разновидностей древнерусского знаменного пения, которое, в свою очередь, впитало в себя основные характеристики византийской церковной музыки. Как известно, уже во времена Ярослава Мудрого византийское пение было принесено в Киевскую Русь: в Степенной книге (1563) говорится, что именно в это время пришли на Русь из Царьграда (Константинополя) три греческих певца, которые принесли с собой «изрядное осмогласие, наипаче же и трисоставное сладкогласование и самое прекрасное демественное пение в похвалу и славу Богу». Термин «трисоставное» вызывал самые разные толкования музыковедов и богословов. Во всяком случае, речь идет не о трехголосном, а об унисонном пении. Можно предположить, что термин «трисоставное» указывает на наличие в византийском церковном пении трех измерений — музыкального, словесного и духовного, чем оно отличалось от обычного светского пения, имеющего лишь два измерения — словесное и музыкальное.

И русский знаменный распев, и византийское пение суть явления одного порядка: они принадлежат к разряду «трисоставного сладкогласования» и отличаются той *духовностью*, которой не хватает не только многим образцам светской музыки, но и современному партесному пению, построенному на принципах, совершенно отличных от древнего принципа распева. Ни для кого не секрет, что исполняемая во многих храмах концертная, «итальянская» по стилю музыка, хотя и написана на традиционные богослужебные тексты, по всему своему строю им не соответствует. Основная цель подобной музыки — усладить слух присутствующих, тогда как целью подлинно церковного пения является способствовать погружению верующего в молитвенное переживание тайн веры.

Структурно-музыкальные характеристики древнерусского пения также кардинальным образом отличаются от аналогичных характеристик партесного пения. Знаменные песнопения не сочинялись композиторами, а составлялись из готового набора канонических попевок, подобно тому как древние мозаики составлялись из готового набора разноцветных камней. Современному человеку не просто привыкнуть к древнему пению, так же как нелегко, отрешившись от суеты мира, сойти в глубины молитвенного созерцания. Но именно такое пение является подлинно каноническим, максимально соответствующим духу православного богослужения.

Известный церковный археолог XIX века епископ Порфирий (Успенский) писал по поводу таинственного «трисоставного» пения древней Русской Церкви: «Мы забыли эту тайну музыки. А она известна была нашим предкам. История нашей Церкви свидетельствует, что во время оно греческие певцы из Царьграда принесли в Россию ангелоподобное трисоставное пение, то есть состоявшее из трех интонаций, в соответствии с тремя способностями души. Мне кажется, что не очень трудно возобновить это пение». Возобновить его можно, вернувшись к древним, проверенным веками образцам знаменного распева, как это уже делается на Валааме и в некоторых других монастырях.

Образцы древнерусского пения в настоящее время приобретают все большую известность. Подобно древнерусским иконам, некогда забытым, но в сравнительно недавнее время (в начале XX века) возрожденным к жизни, очищенным от многовековых наслоений копоти и засиявшим в своей первозданной красоте, знаменное пение ныне восстанавливается мастерами, способными читать крюковые рукописи. Мне кажется, что без возрождения канонического церковного пения, каковым для русской богослужебной традиции является знаменный распев, немыслимо возрождение православной богослужебной культуры в ее первозданной красоте, величии и назидательности. Духовные концерты Бортнянского и Веделя, Херувимские Кастальского и Архангельского могут быть и прекрасны, и трогательны, и умилительны, но их музыка ничему не учит: она лишь создает некий фон, более или менее нейтральный по отношению к словам богослужения. В знаменном же распеве, напротив, заключена огромная назидательная сила, ибо он создан для молитвы, способствует молитве и немыслим вне контекста молитвы.

Даже основные формообразующие элементы знаменного распева — так называемые «попевки» — являются не чем иным

как музыкальным отображением молитвенных движений. Каждая попевка, кроме того, имеет свое богословское обоснование. Если древнерусская икона — богословие в красках, то древнее пение — богословие в музыке. И если партесное пение, как и «академическая» живопись на религиозные темы, в лучшем случае является школой благочестия, то одnogолосное знаменное пение является также и школой молитвы, и школой богословия.

* * *

Мне бы хотелось закончить свои размышления словами святого праведного Иоанна Кронштадтского:

Храм и богослужение есть олицетворение, осуществление всего христианства: тут в словах, в лицах и действиях возвещается все домостроительство нашего спасения, вся священная и церковная история, вся благодать, премудрость, верность и неизменяемость Божия в Своих делах и обетованиях, правда и святость Его, вечная сила Его. Тут чудная во всем гармония, изумительная логическая связь в целом и частях: это истинная божественная премудрость, доступная простым, любящим сердцам (Мысли о Церкви и православном богослужении. Т. 1. СПб., 1905. С. 185).

Священник ВЛАДИМИР ВУКАШИНОВИЧ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

Литургическое возрождение — одна из крупнейших проблем, стоящих перед Православной Церковью...

Е. Тимиадис

Православная Церковь сегодня сталкивается с серьезным вопросом о необходимости литургического возрождения. С одной стороны, изменения в богослужебной жизни должны соответствовать потребностям нашей эпохи, а с другой, основные истины и постулаты Православия должны и впредь оставаться неизменными. Церковь стоит перед вызовом угрожающего равнодушия к самой сути церковной жизни, что митрополит Пергамский Иоанн Зизиулас называет «угрозой секуляризации»¹. Однако Церковь ни в коем случае не должна отступать перед этой опасностью или закрывать на нее глаза. Наоборот, она должна ответить на вызов присущими ей способами, сохраняя свою идентичность, при этом не укрываясь в гетто². Долг Церкви — новым языком³ свидетельствовать о сокровищах своей догматической мысли и находить все возможности для того, чтобы передавать их миру. А сложность данной задачи может осознать каждый, кто хотя бы в какой-то степени углублялся в проблематику литургического возрождения.

* Данная статья представляет главу из монографии свящ. В. Вукашиновича: «Литургијска обнова у XX веку» (Литургическое возрождение в XX веке). Београд — Нови Сад — Вршац, 2001. Автор книги 26 декабря 2000 г. защитил на Богословском факультете Сербской Православной Церкви в Белграде кандидатскую диссертацию по теме: «Литургическое возрождение в XX веке. История и богословские идеи литургического движения в Римско-католической церкви и их взаимодействие с литургической жизнью Православной Церкви». Пер. с сербского проф. К. Кончаревич, под ред. прот. Николая Балашова.

Вслед за осознанием неудовлетворительности литургической жизни православных христиан и констатацией *несомненного наличия проблем в данной области*, необходимо уяснить ответственность конкретных лиц и лежащую на них обязанность предложить наиболее адекватные решения замеченных проблем. Здесь мы в первую очередь имеем в виду иерархов Церкви⁴. Какова должна быть реакция Священноначалия на указанные проблемы? Кто обладает *церковным авторитетом, достаточным* для проведения литургической реформы?⁵ С одной стороны, многие говорят о необходимости широкомасштабного институционального, всеправославно-соборного или хотя бы поместно-соборного урегулирования возможных изменений в богослужебной жизни⁶, однако усилия, прилагаемые к претворению в жизнь подобных инициатив, к сожалению, следует оценить как весьма скромные. С другой стороны, на местах наблюдаются попытки литургического возрождения — мы имеем в виду внесение тех или иных корректив в богослужебную практику отдельных епархий (иногда и отдельных монастырей⁷ или приходов)⁸. Подобные усилия дают вполне ощутимые результаты: верующие обычно радуются возможности принимать более активное участие в богослужении. Попытки возродить литургическую жизнь нельзя попросту игнорировать, их надо подвергнуть серьезному комплексному рассмотрению. Данный вопрос, однако, необходимо теоретически обсуждать в более широком контексте, предлагая при этом наиболее адекватные практические решения. Причина этого — не в привычном единообразии при совершении богослужения, что в действительности никогда не представлялось идеалом и тем более нормой для православного христианства (литургическое единообразие поощрялось скорее представителями посттридентского римо-католицизма). Еще Дж. А. Юнгман правильно определил основную проблему, возникающую в отдельно взятых литургических обществах вследствие косного единообразия:

Строгая унифицированность литургических книг, которую для всего латинского христианства предписал Тридентский собор, привела к *некоторому разрыву между требованием единообразия и местными потребностями*⁹.

Литургические формы, структуры и образцы, литургические обычаи и тип духовности, которые в определенном, готовом виде встречают человека еще с момента его появления на свет и сопровождают его на протяжении всей последующей жизни, неким образом сливаются с его личностью, становятся неотъемлемой

частью его опыта и формируют его духовный образ. Этим обусловлено появление некоторых психологических барьеров, препятствующих критическому отношению к этим формам и обычаям. Именно поэтому немало христиан, которые на одно лишь упоминание о возможной литургической реформе реагируют болезненно. А. К. Каливас предельно точно подметил, что при одном упоминании о литургических изменениях и новациях некоторые верующие испытывают эмоциональный дискомфорт, другие же — глубокое неудовольствие¹⁰. Данное явление отчасти обусловлено отрицательным опытом некоторых литургических реформ, уже проводившихся в православном мире. Прежде всего мы имеем в виду возникновение старообрядчества после реформ Патриарха Никона в России и движения старостильников после перехода на новый календарь в Греции. Однако ни индивидуальные психологические барьеры, ни отрицательный опыт попыток проведения литургических реформ в прошлом (дискуссионным можно считать не вопрос об упомянутых литургических реформах как таковых, а о правильности *методов* их проведения) не дают необходимых и достаточных аргументов для утверждения, что литургическая реформа принципиально не нужна в наше время. Благоговение, которое мы испытываем перед любым сакральным, литургическим текстом, не должно препятствовать объективному исследованию его внутренних и внешних недостатков¹¹.

Необходимость литургического возрождения вытекает и из того факта, что ко всеобщему возрождению церковной жизни, к более активному и более целесообразному присутствию Церкви в обществе, к ее существенному влиянию на жизнь общества нельзя прийти без предварительного обновления богослужебной жизни¹². Почему? Потому что в богослужении Церкви, в ее литургии содержится именно то, что Церковь может и должна дать миру в новую эпоху. Это приношение Церкви современному и грядущему миру относится к религиозной, научной и культурной сферам¹³. Поэтому программное значение имеют следующие слова митрополита Иоанна Зизиуласса:

Православная Церковь должна больше черпать из своей литургической жизни, особенно из Евхаристии. <...> При обсуждении новых культурных проблем нам следует больше обращаться к нашему литургическому опыту. А для этого мы, в свою очередь, должны прежде всего обратить внимание на то, как мы совершаем Евхаристию и другие богослужения. Литургическое чино-

последование — это не просто ритуал. Это богословие, и оно имеет глубокий экзистенциальный смысл. Если нам предстоит предложить миру нечто экзистенциально значимое, мы должны совершать литургию в соответствии с ее внутренним смыслом. И во-вторых, мы должны истолковывать нашу литургию в экзистенциальных категориях. Другими словами, мы нуждаемся в литургической догматике, или догматике, понятой и выраженной литургически. Это будет нашим особым даром миру в XXI веке¹⁴.

Приступая к вопросу о возможных путях и способах литургического возрождения, мы, во-первых, должны расстаться с широко распространенными в православной среде предрассудками об идеальном характере, совершенной богословской чистоте и исправности существующей богослужебной практики¹⁵. Во-вторых, необходимо преодолеть специфическую самозамкнутость части православных, находящую свое отражение в мнении, что православным якобы у других учиться нечему. Творческий диалог, в котором мы не только даем, но и нечто получаем, диалог, в котором нам принадлежат и роль «хозяина» и роль «гостя», это и есть путь к истинному литургическому возрождению¹⁶.

Следующий вопрос, заслуживающий нашего рассмотрения, это ключевой и для нашего исследования, и для самой жизни Церкви вопрос о *мотивах* литургического возрождения. Мотивы, побуждающие к литургическому возрождению, имеют одновременно и *богословский*, и *пастырский* характер. С одной стороны, у поборников богослужебных реформ возникает желание внести коррективы в существующую литургическую практику и сообразовать ее со священными истинами христианского догматического (т.е. животворного, спасительного) учения. Такое желание влечет за собой пастырское стремление сделать литургические догматы живыми и доступными для верующих¹⁷. Первоочередной заботой Церкви во все времена были люди, а не консервация неприкосновенных норм и памятников старины¹⁸. Под видом пастырских мотивов, однако, не должны укрываться антропоцентрическое и секуляризованное видение современного мира и роли человека в нем или далекое от богословия овладение мастерством руководства душами, сводящее дело пастырства к голой технике¹⁹. Пастырская заинтересованность отношением мирян к богослужению зиждется на основном, по оценке отца Роберта Тафта, пастырском крите-

рии: церковное богослужение предназначено всему народу, а не отдельным его категориям²⁰. Именно поэтому необходимо обеспечить всем верующим без исключения возможность активного участия в богослужении.

После того как мы в основных чертах рассмотрели мотивы осуществления литургической реформы, перейдем к вопросу о *методах* ее проведения. Данный вопрос, без сомнения, подразумевает огромную ответственность, и его решение является одной из сложнейших задач современности²¹. Процесс литургического обновления должен быть постепенным и осуществляться в несколько этапов²². Первый этап — это целостное ознакомление с теперешним положением дел, то есть с богослужебной жизнью Православных Церквей в ее современном виде. А это, в свою очередь, подразумевает знакомство с обрядовыми особенностями (рубристикой), с их историческим развитием, а также с присущим им богословским смыслом и значением. Только на следующем этапе можно приступить к внесению конкретных корректив в структуру богослужения. Проведение реформы по силам лишь знатокам православного литургического и богословского предания, способным отличать существенное от несущественного²³. В любом литургическом движении идеалом, образцом, моделью активного участия верующих в общественном богослужении остается богослужебная жизнь первоначальной Церкви. Однако истинное возрождение не может игнорировать тот отрезок времени, который разделяет эпоху первых христиан и наше время. Необходимо привести ценности нашей эпохи в гармоническую связь с заново открытыми сокровищами древности²⁴. Знания фактов для этого недостаточно: необходима укорененность в молитвенной жизни Церкви, в литургическом духе и этосе. Лишь в таком случае научное и молитвенное познание связаны неразрывно. Критический подход к формам и текстам должен освящаться молитвой. Нужна своего рода молитвенная критика²⁵. Для настоящего возрождения надобна эпиклетическая открытость по отношению к Богу²⁶.

Комплексное ознакомление с богослужением в его сегодняшней форме и с его историческим развитием, то есть с процессом и причинами становления именно таких форм, какими они представляются в их современном виде, является необходимым условием любого адекватно осмысленного литургического возрождения. Самые известные литургики современности подчеркивают, что любая реформа и возрождение литургической жизни Церкви подразумевают хорошую осведомленность отно-

сительно исторического развития литургического материала и литургической практики. Так например, Б. Ботт настаивает на том, что сегодня, когда так много говорят о литургических реформах и адаптациях, больше чем когда-либо в прошлом необходимо располагать сведениями о традиционной истории литургической практики²⁷.

Исследованию литургического наследия принадлежит решающая роль в деле правильного проведения реформ литургии и возрождения литургической жизни. В этом духе Роберт Тафт пишет:

Все литургии являлись объектом внесения тех или иных изменений и проведения определенных реформ. Однако провести реформу отнюдь не значит *вернуться к какому-либо из прежних состояний* (курсив наш. — В. В.). Прошлое дает нам возможность приобрести насущно необходимые знания о том, какая роль принадлежала каждой конкретной части литургии и каким образом шло становление современного состояния ее структуры и функционирования. Короче говоря, в процессе проведения литургических реформ прошлое помогает понять то, что является объектом внесения корректив²⁸.

Сведения исторического характера служат основой для осмысления нормативных принципов, которые дают нам возможность выявлять внешние и второстепенные наслоения в нашем богослужении и отбрасывать их, вместо того чтобы пассивно принимать готовые решения²⁹.

Вопрос об активном участии народа Божия в богослужебной жизни Церкви³⁰ является сердцевиной литургического возрождения в целом и становится решающим при рассмотрении возможных изменений в литургической жизни. Отметим еще раз немаловажный, на наш взгляд, факт, что в Церкви все *лаики* (в широком смысле этого слова), ибо все — члены народа Божия³¹. С другой стороны, данное понятие в качестве технического термина обозначает особое служение в литургическом деле Церкви, и здесь мы его используем именно в указанном значении.

Вопрос о месте и роли лаиков в богослужебной жизни Церкви вплоть до новейшего времени не являлся предметом тщательного богословского изучения³². Правда, обстоятельства церковной жизни на православном Востоке никогда не были столь сложными, как на римо-католическом Западе, хотя следует признать, что их нельзя охарактеризовать как вполне удовлет-

ворительные. К сожалению, свойственное клерикализму деление Церкви на священников как посвященных носителей особой благодати и лаиков, которые считаются второстепенным, пассивным элементом в богослужениях Церкви, способным лишь воспринимать последствия богослужений, в значительной мере нашло отражение в богословской мысли и церковной жизни Православных Церквей³³. Поэтому Православные Церкви должны уделять должное внимание вопросу о способах *более активного участия лаиков в богослужениях*. Основу для рассмотрения данного вопроса представляет православная пневматологическо-христологическая экклезиология соборного Тела Христова³⁴, а также учение об общей священнической харизме всех крещеных, восходящее к Священному Писанию и Преданию Церкви³⁵.

Особое внимание следует уделить и вопросу о роли женщины в жизни Православной Церкви. Весь народ Божий участвует в богослужении Церкви, причем способы этого участия и конкретные служения различны. По указанной причине необходимо пересмотреть вопрос о месте и роли всех церковных служений, в частности, служения диакониссы³⁶.

В богословском анализе феномена лаиков римо-католические богословы недостаточно внимания уделяли вопросу о *собрании, синаксисе* как выражении существенной формы активного участия верующих в богослужении Церкви. В данной области православные могут внести особо заметный вклад в дело литургического возрождения. Эсхатологический характер Евхаристии проявляется, среди прочего, в собрании всего народа в одном месте, вокруг Мессии, что находит литургическое выражение в собрании всего народа, всех членов общины вокруг литурга — епископа. Потому *синаксис* является актом эсхатологическим³⁷. Верующие, таким образом, составляют *лаос*, который собран из мира, для того чтобы реализовать в обществе Церкви эсхатологическое единство и спасение мира во Христе³⁸. А такое призвание лаоса теряется из вида вследствие увеличения числа литургий, совершающихся при полном отсутствии народа или при лишь символическом присутствии лаиков³⁹.

Коллективная личность Христа, то есть Церковь, опытно познается в Евхаристии и составляет Евхаристию⁴⁰. Поэтому для совершения Евхаристии необходимо актуальное, личное присутствие членов Церкви — Тела Христова. Именно в этом плане ошибочна концепция частной мессы. Мнение о том, что для совершения Евхаристии достаточно наличия правомочного

служашего (священника), как своего рода представителя литургического общества, и что для указанной цели не требуется актуального личного присутствия всего общества, является сугубым эkkлeзиoлoгичeским юридизмом, чуждым аутентичной христианской эkkлeзиoлoгии⁴¹.

Активному участию лаиков в богослужении способствуют, между прочим, и активное употребление разговорного языка, гласное чтение евхаристических молитв, а также такая постановка церковного пения, которая в большей степени обеспечивает участие в нем всего народа.

Вопрос о богослужебном языке Православной Церкви вполне правомерно рассматривается в свете *непрерывающегося процесса воплощения Христова*. Этот процесс начался две тысячи лет тому назад, причем на протяжении такого длительного периода он, благодаря инкультурации Церкви, то есть евангельской истины и практики⁴², происходил в разных культурах и разных языках. Церковь есть не что иное, как конечная истина и назначение мира: она призывает всю тварь к себе. Язык Церкви всегда является призывом⁴³. Обращение Церкви к миру во все времена и во всех частях света одинаково, но воплощается оно на разных языках. Каждый язык годен для материализации обращения Церкви к миру для того, чтобы ее призыв ко спасению стал понятным любому обществу, любой нации, любой эпохе⁴⁴. Митрополит Иоанн Зизиулас называет данную закономерность *императивом воплощения*⁴⁵, истолковывая его следующим образом:

Всецелым вхождением в человеческую культуру и совершенной причастностью к человеческой природе Бог в Лице Христа повелевает Своей Церкви всегда открывать Ему путь в любую культуру⁴⁶.

Нет аргумента, который мог бы послужить оправданием языкового барьера, стоящего между призывом Церкви и современным человеком⁴⁷. На основании многовековой православной традиции, освященной кирилло-мефодиевскими идеями и начинаниями, бесспорно, что богослужение Церкви следует совершать на современном языке, доступном пониманию каждого верующего⁴⁸.

Вопрос о способе произнесения молитв (имеется в виду чтение священнослужителем «тайных» литургийных молитв про себя или во всеуслышание предстоящих), в частности, молитв евхаристического канона, больше не является лишь риторичес-

ким. Он многократно ставился в повседневной богослужебной жизни всех Православных Церквей, и практика гласного чтения нашла как своих сторонников⁴⁹, так и противников. Противники обычно ссылаются на местную литургическую практику и обычаи данной Поместной Церкви, указывают на определение *тихо*, зафиксированное в служебниках, находящихся в официальном употреблении, на определенные места из патристической литературы, а также на ряд других аргументов, которые вследствие их характера здесь приводить неуместно. Такая аргументация, несмотря на все ее разнообразие, а в некоторых случаях и оправданность, все-таки не может дать удовлетворительного ответа на упомянутый вопрос, ибо она полностью игнорирует два ключевых аспекта проблемы тихого или гласного чтения молитв — аспекты экклезиологический и евхаристический. Подход к этой проблеме будет зависеть от нашего определения Церкви и от понимания евхаристической молитвы. Литургия, понимаемая как общее дело, и Церковь как коллективное Тело Христово, которое составляют все верующие и в котором каждый совершает свое служение, неотделимое от общего, свидетельствует в пользу гласного чтения молитв. Богослужение — это дело всей общины, а не только клира. Поэтому *литургическую молитву*, молитву, выраженную в формах множественного числа, *следует произносить вслух*, чтобы она была хорошо слышна всем присутствующим⁵⁰ и чтобы все почувствовали и звуковую полноту обряда⁵¹.

Вопрос о характере церковного пения теснейшим образом связан с проблемами, о которых мы говорили выше. Работа над переводами богослужебных текстов, в частности гимнографии, во многом обусловлена их метрическим и ритмическим переложением, то есть связана с проблемами адаптации к существующим в церковной музыке мелодическим структурам. Способ чтения молитв, с другой стороны, влияет на продолжительность пения, как и поздние вставки в литургический текст. Пересмотр способа чтения молитв влияет и на характер пения.

Полемика о видах и стиле церковной музыки, которой подобает восхвалять Бога, — а эта полемика сегодня актуализируется и в сербской среде⁵², — в основном проходит мимо основной проблемы, которая в конечном итоге определяет смысл церковной музыки, а именно: какой тип пения в большей степени способен дать возможность всей литургической общине принять наиболее полное участие в богослужении Церкви? Димитрий Кономос эту мысль выразил следующими словами:

Активное участие верующих в совершении литургии, в частности в чтении и пении гимнов, откликов народа и псалмов, представляет ее характерный признак⁵³.

В нашей отечественной Церкви чаще всего высказывается мнение о том, что наилучшим решением было бы преобладание всенародного, общего пения⁵⁴, которое своими несложными мелодиями дает возможность наибольшему числу людей участвовать в богослужении Церкви, а это и есть основной признак истинно церковной музыки⁵⁵.

Проблеме иконостаса в современных литургических дискуссиях уделяется меньше внимания, однако нельзя сказать, что ее обходят молчанием. Упомянутый вопрос является одним из аспектов комплексной проблемы *адекватной организации внутреннего устройства храма и соответствующей роли церковного убранства*⁵⁶. В сознании современных православных христиан иконостас представляет одну из центральных характеристик богослужебного пространства. Та же констатация полностью относится и к восприятию западными христианами устройства православного храма. С другой стороны, выдвигаются требования к переосмыслению роли иконостаса в нашем богослужении, вплоть до его устранения, за что выступают наиболее радикальные сторонники литургического обновления. Леонид Успенский, посвятивший данному вопросу обширную статью, требования устранить или видоизменить иконостас связывает с тенденциями к возрождению церковно-литургической жизни⁵⁷. В качестве аргументов, оправдывающих выдвижение подобных требований, приводятся тезисы о том, что, во-первых, иконостасы, особенно высокие, представляют барьер, мешающий более полному, активному участию верующих в богослужении Церкви. Во-вторых, говорят, что иконостас предельно подчеркивает и без того ярко выраженную клерикализацию. В-третьих, что иконостас представляет своего рода параллель феномену тихого чтения литургических молитв⁵⁸.

Поскольку оба упомянутых феномена — и возникновение иконостаса, и введение тихого чтения молитв — имеют характер не нормы, а обычая, так как не существует канонических определений, которые бы относились к ним, то и устраниться, по мнению Успенского, они могли бы в таком же порядке⁵⁹. Появление подобных требований он считает, с одной стороны, результатом влияния Римско-католической церкви⁶⁰ и протестантизма⁶¹, а с другой — реакцией на настоятельные запрещения laikам входить в алтарь⁶². В иконостасе Успенский отнюдь не

усматривает барьер для активного участия laikов в богослужении, наоборот: он считает его важным вспомогательным средством. С одной стороны, иконостас, несмотря на кажущееся разделение, по сути дела соединяет алтарь и наос храма в одно целое, символически выражая их единство⁶³, единство временного (наос) и вневременного, вечного (алтарь)⁶⁴; с другой стороны, хотя иконостас действительно заслоняет предметы и священнодействие в алтаре от взглядов верующих, он же, по сути дела, дает им возможность созерцать образ Христов⁶⁵ и таким образом принимать более активное участие в богослужении⁶⁶. Настойчивое акцентирование созерцания Успенский не считает православным типом религиозности; такую традицию он связывает главным образом с римско-католическим Западом. Тот же самый аргумент выдвигает в пользу иконостаса Р. Тафт, считая, что акцент на созерцании таинства представляет типично римско-католический феномен, не имеющий параллелей в восточно-христианской духовности⁶⁷. Как считает Л. Успенский, активное, или, по его словам, сознательное участие в богослужении вовсе не зависит от места, на котором человек находится в храме или от возможности видеть все, что происходит в алтаре⁶⁸.

Вопрос об осуществлении всех церковных служений в жизни Церкви связан с восприятием самой этой жизни. От того, каково наше понимание характера и сути литургии Церкви, зависит и наше отношение к необходимости активного участия верующих в ее совершении. Другими словами, перемены в литургическом самосознании приводят и к изменениям в восприятии таинства.

П. Василиадис пишет, что с эпохи средневековья до наших дней

...деятельное участие в Божественной литургии больше не означает участия в литиях, в пении, в слышании и понимании проповеди, даже и в причащении. Средоточием всей литургической жизни становится *индивидуальное возрастание верующих*, их переход путем веры от истории к теории, от видимых символов и действий к трансцендентной реальности, изображенной ими. Таким образом, Евхаристия, литургия Церкви, дело народное, постепенно в сознании огромной части верующих и даже в сознании священнослужителей и большинства богословов потеряла свой фундаментальный экклезиологический аспект, а тем самым и силу своей эсхатологически-евхаристической и литургической духовности, миссионерскую значимость, миссионерский потенциал⁶⁹.

Исторические перемены, о которых здесь идет речь, проходили весьма сложно. Современное богословие как на Востоке, так и на Западе сознает это и пытается указать на причины такого состояния. Так, отмечается роль монашества в процессе «приватизации» и индивидуализации литургии, а это, в свою очередь, связывается с так называемой терапевтической духовностью, которая своим становлением обязана некоторым монашеским кругам⁷⁰. Таким образом, по словам Василиадиса, литургия перестала быть народным, общим делом и начала превращаться в дело частное.

Эта перемена, — констатирует он, — вызвала ряд новых последствий, одинаково губительных для духовности, а именно: тайное чтение молитв на литургии, включая и анафору, отделение главной части храма, наоса, от алтаря, исчезновение сопребстолия из алтаря, редуцирование проповеди вместе с ее удалением от центра наоса; перенесение внимания с евхаристического собрания как целого на особую роль священства⁷¹.

«Приватизация» Евхаристии и становление нового типа отделившейся от нее духовности, уделяющей большее место индивидуальному подвигу и нравственному совершенствованию, которое нередко становится самоцелью, по сути дела представляют полное пренебрежение эсхатологическим измерением церковной жизни. Забвение же эсхатологической устремленности Евхаристии находит отражение в способе совершения богослужений, а также в характере благочестия верующих и всей жизни Церкви⁷². Поэтому составной частью литургического возрождения является возвращение к правильному пониманию Евхаристии, к истинному восприятию ее символически-образного характера и эсхатологической структуры.

Эсхатологический характер Евхаристии как движения и развития, как вхождения в обетованную землю, как пути к Царствию или прихода Царствия, потерялся вследствие новаций во внутреннем устройстве храма и утраты первоначальных форм малого входа. Сегодня последние сохраняются только на архиерейской литургии, когда епископ вступает в алтарь во время входа, и в этом проявляется динамический характер Евхаристии, в которой нет ничего статичного.

Символизму литургии, — пишет митрополит Иоанн Зизилуас, — не свойствен параболический или аллегорический характер. Речь идет о символизме иконы, которая, в истолковании Отцов Цер-

кви обозначает причастность к онтологическому содержанию первообраза⁷³.

Вопрос о том, насколько соответствуют сегодняшней жизни Церкви существующие структуры литургических служб, весьма деликатен. Даже если мы отбросим популярные, предельно упрощенные и несерьезные мнения о неприкосновенности каждой йоты в литургиях Православной Церкви, как и в равной мере ошибочные воззрения о том, что структура службы является только делом условного обычая, перед нами все же стоит крупная проблема. Говоря коротко, она состоит в следующем: каким образом в структуре служб отделить важное от незначительного, существенное от второстепенного? Другими словами, как подходить к элементам служб, как вносить возможные изменения в них? Митрополит Иоанн Зизиулас по этому поводу замечает:

Обычно мы думаем о *порядке совершения богослужений* (курсив наш. — В. В.) как о явлении второстепенном и незначительном <...> Литургисты, которые чаще всего интересуются лишь историей литургии, но не богословием и экклезиологией, не просвещают нас знанием богословского содержания обрядов и различием существенного от несущественного. Поэтому в первую очередь наши священники, а за ними и миряне либо считают, что каждый аспект порядка совершения служб одинаково важен, так что следует сохранять их с должной религиозной бдительностью и ревностью, либо (что таит в себе немалую опасность) сокращают, отменяют некоторые элементы или изменяют порядок служб, разоряя *икону Царствия*, которую должна представлять собой литургия⁷⁴.

Богослужение Церкви в его современном виде представляет своего рода смешение различных истоков и влияний, стилей, восприятий молитв и подходов к прославлению Бога. В том виде, который предписывается типиконом, богослужение почти нигде не совершается: оно повсеместно сокращается, поскольку ритм жизни таков, что в большинстве храмов предписания Типикона осуществить практически невозможно. Особо встает вопрос о качестве богослужения в его современном виде. Продолжительная служба не является *eo ipso* высококачественной службой. Продолжительность, хотя бы применительно к богослужению, не обязательно совпадает с его качеством⁷⁵. Концепция о качестве продолжительной службы принадлежит пус-

тынножительному монашеству и ранним этапам становления монашеского молитвенного правила⁷⁶. Она не может служить нормой для любой церковной среды и удовлетворять всем потребностям членов Церкви.

Процесс реформирования структуры служб уже происходит на наших глазах. Он находит отражение в новейших изданиях Служебника⁷⁷, выпускаемых Священным Архиерейским Синодом Сербской Православной Церкви. Так например, примечателен факт, что *тропарь третьего часа* на литургии, который произносился между епиклезой и самим освящением Даров, прерывая молитву епиклезы, напечатан в скобках, что обозначает его факультативность⁷⁸. С другой стороны, третье благословение Святых Даров на Литургии святого Василия Великого, которое предусматривалось рубрикой и совершалось при произнесении слов «Преложив Духом Твоим Святым», полностью устранено. Дело в том, что данная фраза в идейном и синтаксическом смысле принадлежит структуре текста Литургии святого Иоанна Златоуста, а в Литургии святого Василия представляет лишь вставку, внесенную рукой невнимательного и богословски недостаточно образованного переписчика⁷⁹.

К сказанному можно добавить и ряд других примеров. Обратим внимание, между прочим, и на повторение ектений, о чем пишет и Святейший Патриарх Павел. По его мнению, совершенно законным является пересмотр некоторых ектенийных прошений, а также некоторых ектений в целом⁸⁰.

Митрополит Иоанн Зизиулас в своих трудах неоднократно критиковал искажения в литургической практике, указывая на необходимость их исправления. На основании его комментариев нетрудно убедиться в реальном наличии в богослужении ряда крупных и мелких неправильностей и в необходимости их тщательного исправления. Проблематичными митрополит Пергамский считает такие явления, как практику облачения епископов в алтаре на утрени вместо облачения на солее, в присутствии народа⁸¹; уклонение от обычая служения литургии в драгоценных и светлых одеждах и в богато украшенных храмах с предпочтением мрачных храмов, якобы ради создания мистической обстановки, и скромных одежд, во имя скромности⁸²; произнесение проповедей не после чтения Евангелия, а после причащения, что, в свою очередь, указывает на преобладание миссионерского или пастырского критерия над структурным и иконическим⁸³; чтение *praefatio* во время исповедания Символа веры; разделение частей анафоры между несколькими священниками,

что разрушает ее структуру⁸⁴; поминовение имен верующих не в диптихах, то есть в составе ходатайственной молитвы, а в несоответствующих местах (сугубая ектения, великий вход)⁸⁵; произнесение слов «Благословен Бог наш»⁸⁶ перед конечным «Всегда, ныне и присно и во веки веков», когда потир переносится с трапезы на жертвенник; практика рукоположения диаконов за Преждеосвященной литургией, которую не подобает служить епископу, литургу *par excellence*, ибо она, как известно, является торжественной вечерней с причащением, а не литургией в собственном смысле (на этой службе епископ только присутствует, как и на утрени и вечерне)⁸⁷.

Помимо указанных проблем, следует обратить внимание и на соотношение между Священным Писанием и литургией. Необходимо пересмотреть библейские чтения на богослужениях. Библия должна найти подобающее место в богослужении. Ветхий Завет почти полностью исчез из наших служб, а чтения из Нового Завета люди слушают только по воскресеньям и праздникам. Такая практика — результат так называемого «воскресного благочестия»⁸⁸. Параллельно с пересмотром соотношения между библейским чтением и литургической службой встает и вопрос о литургической проповеди. Необходимо возродить проповедание слова Божия в храме, и это в первую очередь относится к литургическим проповедям, ибо они суть не что иное, как продолжение слова Божия⁸⁹.

Важнейшим вопросом литургического возрождения, то есть обеспечения активного участия верующих в богослужении, является вопрос о частом причащении. В стремлении к более интенсивной литургической жизни, в возобновлении тяги к приобщению Святых Таин⁹⁰, «евхаристической жажды»⁹¹, желания верующих чаще приступать к святому Причастию Святейший Патриарх Павел видит влечение к достижению полноты радости и смысла праздников⁹². Наиболее трагическим выражением упадка активного участия верующих является уменьшение количества причастников, что, по словам П. Василиадиса, приводит к превращению литургии в лучшем случае в символическую основу для духовного созерцания, в худшем же — в бесплодный ритуализм⁹³.

Полемика о том, *как часто следует причащаться*, показывает, что Святое Причастие воспринимается в качестве некоторого особо выделенного объекта, самодостаточного источника святости и благословения, которого человек удостоивается в соответствии со своим нравственным состоянием, воспринимая прича-

щение как *воздаяние* за усилия в исполнении заповедей Господних и *вспомоществование* на пути дальнейшего нравственного усовершенствования. Таким образом, евхаристический ритм Церкви отступает перед ритмом индивидуальных потребностей и представлений⁹⁴. Акт причащения понимается сугубо индивидуалистически и определяется ритмом нравственных взлетов и падений, а Причастие рассматривается в духе пиетизма (как священный объект, который принимается человеком и затем оказывает благотворное воздействие: исцеляет, возвышает, придает силы и т.п.).

Сущность причащения, однако, не такова. Причащение, по словам епископа Афанасия (Евтича), есть *прежде всего участие в литургии*. Вне литургии оно немыслимо. Литургия обязательно включает собрание народа, совершение таинства Евхаристии с начала до конца и наше соучастие в таинстве⁹⁵. Причащение есть онтологический опыт причастности к Богу, к Божественной жизни, к единству церковной жизни⁹⁶. Поэтому вопрос о причащении на Евхаристии является не второстепенной проблемой той или иной практики, насаждаемой в нашей среде. В этом вопросе отражается сущность восприятия церковной жизни.

Необходимо вновь открыть объединяющий аспект Евхаристии. Причащение не должно пониматься как выражение частного благочестия. В связи с этим возникает потребность в переосмыслении проблем поста, исповеди и подготовки к причащению.

Это необходимо особенно потому, что упомянутые практические подходы не только затмевают церковное значение Евхаристии, но и не способствуют частому причащению, что обессиливает и замедляет духовный рост и назидание верующих⁹⁷.

Клерикальные тенденции к обособлению от единого церковного организма алтарного священства, наделенного *особой благодатью*⁹⁸, которая освобождает его от обязанностей, возлагаемых на царственное священство, и другие подобные теории должны навсегда уйти в прошлое⁹⁹. Для преобладающей части форм и проявлений богослужбной жизни Православной Церкви характерно, что со времен их возникновения до сегодняшнего дня они претерпели определенные изменения как в деталях, так и в некоторых конститутивных элементах своего чина. Эти изменения — крупные и мелкие, значительные и второстепенные, но характерные для исторического развития всех без исключения литургических форм, главным образом были направлены к ус-

ложнению исходной модели, отличающейся большим единством. Обобщенный взгляд на данный феномен не содержит в себе никаких оценочных суждений. Усложнение не означает порчу, но и не всегда вносит существенное улучшение.

В каждой из употребляемых сегодня богослужебных форм сплетаются разные уровни предания. Их внедрение и срастание с изначальной формой, в которую вносились определенные коррективы и дополнения, объясняются разными причинами. Их происхождение также неодинаковое. Основным мотивом изменений чаще всего являлось желание улучшить качество богослужения. Однако данный мотив очень часто смешивался с неведением и ошибками, а также попытками литургически аргументировать те или иные богословские взгляды, стремлением следовать духу времени и литургической практике других Церквей. Поэтому переоценка этих изменений, их обновление в богословском, пастырском духе при соблюдении верности церковному Преданию имеют существенное значение.

Внимательный читатель не мог не заметить кажущуюся антиномию в высказываниях современных православных богословов. С одной стороны, они настаивают на том, что, несмотря на ряд изменений и искажений в литургическом благочестии, в истолкованиях богослужения и тому подобном, *основной дух литургии сохранился в ее структуре*¹⁰⁰. С другой стороны, они указывают, что среди нас, православных, заметны и такие концепции Евхаристии, *которые сложились под влиянием западного пиетизма, разъедавшего наше богослужение больше, чем мы когда-либо предполагали*. Отсюда происходит удаление нашей литургии от ее пасхального и праздничного характера с акцентированием индивидуального благочестия и психологического раскаяния¹⁰¹. Такое переплетение элементов предания и посторонних влияний, евхаристического духа в глубинном смысле этого слова с совершенно чуждыми явлениями характерно для действительности, в которой мы живем как православные христиане. Православный евхаристический этос лучше всего сохранился в повседневной жизни традиционного Православия, основывающегося на многовековом опыте литургии, которая составляет его незыблемый фундамент. Преосвященный Афанасий (Евтич) в своих трудах неоднократно указывает на то, что эсхатологическое чувство и жизневосприятие никогда не прерывались в практическом, жизненном, истинном богословии, в литургической и аскетической жизни, в исторической судьбе православных народов¹⁰². Подобные размышления мы находим и у П. Василиадиса:

В сознании православных <...> вне актуальной богослужебной жизни, в повседневной жизни во многих аспектах поработанного Православия <...>, причиной этого (наличия живого и нетронутого эсхатологического чувства) является <...> факт, что сердцевина воскресной евхаристической литургии, несмотря на избыточную символику и наличие ненужных деталей, осталась нетронутой в своем общинном аспекте (эсхатологическом, но вместе с тем и подчеркнутом историческом, а также во многих отношениях антипиелистическом), продолжая отражать понимание Евхаристии как прежде всего общинного акта, <...> охватывающего весь мир и все творение¹⁰³.

Наличие здорового литургического предания и истинно евхаристической жизни дает основание надеяться, что из такого духа и такого чувства возникнут ростки истинного литургического возрождения.

Примечания

Условные сокращения названий цитированных документов и богослужебных книг:

COLRVU — Consultation of Orthodox Liturgical Renewal and Visible Unity: New Skete Monastery. Cambridge, New York. May 26 — June 1, 1988. St Vladimir's Theological Quartely, vol. 42, 3-4; 1998, 385-395.

¹ *Зизјулас Ј. Д.* Православна Црква и трећи миленијум. Хришанска мисао 1-4, 2000. С. 1.

² Там же.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 7-8.

⁵ *Patsavos J. Lewis.* Ecclesiastical reform: At What Cost? The Greek Orthodox Theological Review 1-2, 1995. С. 2.

⁶ *Karmiris I.* Contemporary Orthodox Theology and Its Task. SVTQ 1-2, 1969. С. 25.

⁷ Наиболее известный пример в сербской среде — богослужебная практика в белградском Введенском монастыре на протяжении 80-х и в начале 90-х гг. XX века, которая сложилась под влиянием тогдашних ученых иеромонахов — профессоров Богословского факультета СПЦ в Белграде, нынешних архиереев Амфилохия (Радовича), Афанасия (Евтича) и Иринея (Буловича).

⁸ Подобные попытки делаются во многих зарубежных епархиях и приходах, особенно в Западной Европе и в Америке, наблюдаются они и в Сербской Церкви. Так, епископ Бачский Иринеј (Булович) снова включил в структуру святой Евхаристии монашеский постриг (об этом см. заметку в рубрике «Епархијска дођања» (хроника епархии), опубликованную в журнале «Беседа», Нови Сад, № 2-4, 1991. С. 181), таинство Крещения взрослых оглашенных, которые специально готовились к его

принятию (Беседа, № 1-2, 1992. С. 108) и таинство Брака (Беседа, № 2-4, 1991. С. 180; Беседа, 1992. С. 109). Таинство Брака связывает с Евхаристией также епископ Браничевский Игнатий (Мидич) (см.: Хроника епархии браничевске. Саборност, Пожаревац, № 1-2, 1998. С. 7). В комментариях к Великому требнику (изд. на совр. сербском лит. яз., в пер. отца Иустина Поповича) редактор в связи с обрядом обручения излагает возможные способы включения чина венчания в структуру Божественной литургии, причем подобные попытки квалифицируются редактором как благословенные (Велики требник. Призрен, 1993, 33).

⁹ *Jungmann J. A.* Public Worship. London, 1957. С. 33-34.

¹⁰ *Calivas A. C.* The Penthekte Synod and Liturgical Reform. Holy Cross Conference: The Council «in Trullo»: Basis for Ecclesiastical Reform? A Conference Commemorating the 1300 Anniversary of the Penthekte Ecumenical Council «in Trullo». The Greek Orthodox Theological Review 1-2, 1995. С. 145.

¹¹ *Vaggagini C.* The Canon of Mass and Liturgical Reform. London, 1967. С. 17.

¹² *Кардамакис М.* Православна духовност. Манастир Хиландар, 1996. С. 119.

¹³ Об этом весьма авторитетно говорит митрополит Иоанн Зизиулас. См.: *Зизиулас Ј. Д.* Православна Црква и трећи миленијум. С. 3-5.

¹⁴ *Зизиулас Ј. Д.* Православна Црква и трећи миленијум. С. 5. (Цитируем по переводу Г. Вдовиной: *Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас)*. Православная Церковь и третье тысячелетие. Русская мысль, № 4343, 30 ноября 2000 г. — *Ред.*).

¹⁵ *Taft R. F.* Ex Oriente Lux? Some Reflections on Eucharistic Concelebration. In: Beyond East and West: Problems in Liturgical Understanding. Washington, 1984. С. 81.

¹⁶ *Зизиулас Ј. Д.* Сведочење и служење православне жене у уједињеној Европи: претпоставке и могућности. Видослов № 9, 1996. С. 81.

¹⁷ *Кардамакис.* Назв. раб. С. 117, 128.

¹⁸ *Taft R. F.* In the Brigdegroom's absence. The Paschal Triduum in the Byzantine Church, Liturgy in Byzantium and Beyond. Aldershot, 1995 = La celebrazione del Triduo pasquale: anamnesis e mimesis. Atti del II Congresso Internazionale di Liturgia, Roma, Pontificio Istituto Liturgico, 9-13 maggio 1988 (Analecta Liturgica 14 = Studia Anselmana 102) Rome, 1990. С. 94.

¹⁹ *Patsavos.* Назв. раб. С. 9.

²⁰ *Taft R. F.* In the Brigdegroom's... С. 95.

²¹ *Calivas.* Назв. раб. С. 140.

²² Там же. С. 136.

²³ *Timiadis E.* The Renewal of Orthodox Worship. Studia Liturgica IV, 1969. С. 104.

²⁴ *Jungmann J. A.* The Pastoral Liturgy. London, 1962. С. 353.

²⁵ *Calivas.* Назв. раб. С. 140.

²⁶ Там же.

²⁷ *Botte B.* Foreword to the third edition of A. Baumstark. Comparative Liturgy. London, 1958, VIII.

²⁸ Taft R. F. The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and another Pre-anaphoral Rites. Second edition, A History of the Liturgy of St. John Chrysostom, vol. II, Orientalia Christiana Analecta 200, Roma, 1978, VIII.

²⁹ Schulz H. J. The Byzantine Liturgy: Symbolic Structure and Faith Expression. New York, 1986, XVIII.

³⁰ Первым обстоятельным трудом, посвященным разработке данного вопроса на сербском языке, является наша статья «Царственное священство» (Вукашинович. Царско свештенство. Беседа, № 2-4, 1991).

³¹ Јевтић А. Хришћанско схватање историје. Загрљај светова: Есеји о човеку и Цркви, Србиње, 1996. С. 83.

³² Фундулис Ј. Дух богослужења. О Литургији: Зборник текстова. Београд, 1997. С. 251.

³³ Мидић И. Православна духовност данас. Сећање на будућност. Београд, 1995. С. 30-31; Афанасьев Н. Служение мирян в Церкви. Paris, 1955. С. 7-9; Афанасьев Н. Трапеза Господня. Paris, 1952 = Афанасјев Н. Трпеза Господа. Цетиње, 1996. С. 9-23.

³⁴ Важный вклад Святого Духа в дело Христова состоит в том, что Христос, вследствие участия Святого Духа в домостроительстве спасения, не одинок, но включает множество. Коллективную личность Христа невозможно понять без учета пневматологии (Zizioulas. Christ. С. 130).

³⁵ Иоанн Зизиулас утверждает, что в Церкви нет нерукоположенных членов. Крещение и особенно миропомазание — неотъемлемые аспекты христианской инициации, включающие возложение рук (миропомазание это и есть рукоположение, только в иной форме). Крещеный человек становится не просто христианином в абстрактном смысле, как порой думают, а членом особого чина в евхаристическом единстве. Когда об этом забывают лаики становятся чем-то лишним в Евхаристии. Отсюда и происходят частные службы и вся проблема клерикализма. (Zizioulas. Ministry and Communion, Being as communion. С. 216).

³⁶ COLRVU, 12.

³⁷ Шмеман А. За живот света. Београд, 1979. С. 25-26.

³⁸ Zizioulas. Ministry... С. 222.

³⁹ Zizioulas, J. D. The Eucharist and the Kingdom of God. Part I, Sourouz 58, 1994. С. 8-9.

⁴⁰ Зизиулас пишет, что в Церкви нет иного служения, кроме служения Христова. Христология здесь обусловлена пневматологически: Святой Дух конституирует Тело Христово здесь и сейчас таким образом, что служение Христово осуществляется как служение Церкви (Zizioulas. Ministry... С. 210-211).

⁴¹ McPartlan P. The Eucharist makes the Church: Henri de Lubac and John Zizioulas in Dialogue. Edinburg, 1993. С. 178.

⁴² Papathanassiou A. N. The Language of the Church and the Language of the World: An Adventure of communication or conflict? Sourouz. A Journal of Orthodox Life and Thought, 76. Oxford, 1999. С. 37.

⁴³ Там же. С. 38.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Зизиулас Ј. Д. Православна Црква.... С. 3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Исторический обзор полемики о богослужебном языке Сербской Православной Церкви дает в нескольких своих статьях филолог-славист, профессор Богословского факультета СПЦ в Белграде Ксения Кончаревич (*Кончаревич К.* О богослужебном језику Српске Цркве у прошлости и данас. Научни састанак слависта у Вукове дане. МСП, Београд, 1996; *Она же.* Расправе о богослужебном језику у Срба (1869-1969). Српски језик 1-2, 1997; *Она же.* Црквенословенски језик на размеђу миленијума: проблеми и перспективе функционисања. Славистика, № 5, 2001). Во всех упомянутых трудах подробно излагаются и критически переосмысливаются мнения участников полемики об употреблении в СПЦ возможных вариантов литургического языка (современный сербский литературный язык, церковнославянский или сербкославянский), обсуждаются мотивы богословского, исторического и литургического порядка, обусловившие возникновение тех или иных мнений, причем, помимо анализа источников XIX-XX вв., автор излагает и свое мнение в связи с рассматриваемой проблематикой.

⁴⁸ COLRVU, 9.

⁴⁹ Ouspensky L. The Problem of Iconostasis. SVTQ 4, 1964. С. 215.

⁵⁰ COLRVU, 10.

⁵¹ Ouspensky L. The Problem... С. 215.

⁵² Данному вопросу посвящен пятый номер журнала Враньской епархии «Искон».

⁵³ Кономос Д. Православна византијска музика. Искон, № 5, 1999. С. 7.

⁵⁴ Такого мнения придерживается и ведущий специалист по церковному пению, преподаватель Богословского факультета СПЦ в Белграде Предраг Миодраг (*Миодраг П.* Православно богослужење и црквена уметност. Искон, № 5, 1999. С. 12).

⁵⁵ Timiadis E. The Renewal... С. 107.

⁵⁶ COLRVU, 11.

⁵⁷ Ouspensky L. The Problem... С. 187.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 288.

⁶¹ Там же. С. 216.

⁶² Там же. С. 216-217.

⁶³ Там же. С. 195.

⁶⁴ Там же. С. 193.

⁶⁵ Р. Тафт называет иконостас вспомогательным средством, не усматривая в нем препятствия для активного участия верующих в богослужении (*Taft R. F.* The Spirit of Eastern Christian Worship. In: Beyond East and West: Problems in Liturgical Understanding. Washington, 1984).

⁶⁶ Ouspensky L. The Problem... С. 213.

⁶⁷ Taft R. F. The Spirit... С. 121.

⁶⁸ Ouspensky L. The Problem... С. 213.

⁶⁹ Василијадис П. Евхаристијска и терапевтска (исцелителна) духовност (2). Светигора 78-80, 1998. С. 33.

⁷⁰ *Schmemmann A.* Introduction to Liturgical Theology. New York, 1975. С. 146-152.

⁷¹ *Василијадис П.* Евхаристијска... С. 34.

⁷² *Zizioulas J. D.* The Eucharist and the Kingdom of God. Part I. *Sourouz* 58, 1994. С. 2.

⁷³ Там же. С. 11.

⁷⁴ Там же. С. 7.

⁷⁵ *Taft R. F.* In the Brigdegroom's... С. 95.

⁷⁶ *Schmemmann A.* Introduction... С. 146.

⁷⁷ Помимо литургического возрождения, Церкви сегодня необходимо и обновление в сакраментальной практике, в молитвословиях и службах суточного богослужебного круга (COLRVU, 16). Когда речь заходит о таинствах, и, следовательно, о требнике как об основной богослужебной книге, ситуация представляется схожей с вопросом о служебнике. Несмотря на то, что новейшее издание Великого требника, а также Требника, созданного на основании предыдущего и имеющего выборочный характер, не имеет статус официального, т. е. синодального издания СПЦ, оно все-таки, благодаря своему широкому распространению и употреблению, приобретает важное значение, так что мы не можем оставить его без должного внимания. Упомянутая книга представляет отредактированный и переработанный перевод отца Иустина Поповича, изданный епископом Рашским и Призренским Артемием (Радославлевицем) (Призрен, 1993); отметим, что в деле редактирования перевода принял участие коллектив специалистов. В данной богослужебной книге в последовании таинства исповеди отсутствует так называемая разрешительная молитва, которая имеет спорный характер. Неправославное происхождение этой формулы от первого лица («Прощаю и разрешаю...») общеизвестно. Отметим, что римокатолическое богословие православную форму крещения и, соответственно, любую сакраментальную форму называет пассивной, а формула первого лица истолковывается как активная (*Perić R., Lacko M.* Dekret o ekumenizmu UNITATIS REDINTEGRATIO, Dekret o Istočnim Crkvama ORIENTALIUM ECCLESIAE. Komentari dokumenata Drugog vatikanskog koncila, Peti svezak, Zagreb 1987. С. 290).

⁷⁸ В церковнославянском издании Служебника (1983) данный тропарь всё еще предусматривается в качестве обязательного элемента анафоры. Скобки внесены в синодальный перевод Служебника на современный сербский литературный язык (1986). Следует отметить, что тропарь третьего часа введен по полемическим, антилатинским причинам только в славянские служебники, причем лишь начиная с XVI в. Тогда он приобрел характер обязательного элемента литургии, несмотря на параллельное функционирование вплоть до XVI в. служебников с текстом данного тропаря и без него. С богословской точки зрения, упомянутый тропарь на данном месте проблематичен, в языковом и, в частности, синтаксическом отношении он неудовлетворителен и, по крайней мере, ненужен (об этом см.: *Киприан (Керн), архимандрит.* Евхаристия. Paris, 1947. С. 277-286).

⁷⁹ *Киприан (Керн), архимандрит.* Евхаристия... С. 275-276. И в данном случае наблюдается такая же тенденция: в церковнославянском

Служебнике (1983) мы находим третье благословение Даров, которое в синодальном переводе на сербский язык (1986) отсутствует.

⁸⁰ Так, он говорит о необходимости частичной ревизии ектении об оглашенных (*Патријарх Павле*. Да нам буду јаснија нека питања наше вере I-III. Београд, 1998. С. 122), об устранении двух малых ектений верных перед великим входом (Там же. С. 123), а также просительной ектении перед молитвой Господней (Там же. С. 123-125).

⁸¹ *Zizioulas J. D.* The Eucharist... Part I. С. 11, f. 9.

⁸² *Zizioulas J. D.* The Eucharist and the Kingdom of God. Part II. *Sourouz* 59, 1995. С. 28.

⁸³ *Zizioulas J. D.* The Eucharist and the Kingdom of God. Part III. *Sourouz* 60, 1995. С. 45, f. 58.

⁸⁴ Там же. С. 37, f. 48.

⁸⁵ *Zizioulas J. D.* The Eucharist... Part II. С. 35-37.

⁸⁶ *Zizioulas J. D.* The Eucharist... Part III. С. 42, f. 56.

⁸⁷ Там же. С. 35, f. 44.

⁸⁸ COLRVU, 14.

⁸⁹ COLRVU, 15.

⁹⁰ *Шмеман А.* Исповест и причешће. Јеванђелски неимар, № 3-4, 1998 — № 1-4, 1999. С. 29.

⁹¹ Там же. С. 32.

⁹² *Патријарх Павле*. Да нам... С. 477.

⁹³ *Василијадис П.* Евхаристијска... С. 35.

⁹⁴ *Schmemmann A.* Introduction... С. 150.

⁹⁵ *Јевтић А.* Хришћанско... С. 89.

⁹⁶ Там же. С. 90.

⁹⁷ COLRVU, 13.

⁹⁸ Такая практика, по справедливому замечанию о. Александра Шмемана, не только не восходит к преданию, но является прямо антицерковной (*Шмеман А.* Исповест... С. 31).

⁹⁹ Булгакову, к сожалению, не удалось отмежеваться от самодостаточного, клерикалистического взгляда, согласно которому лишь священники располагают особой благодатью, которая дается при рукоположении и которой лаики не обладают; поэтому лаики обязаны прилагать больше усилий при подготовке к причащению (*Булгаков С.* К вопросу о дисциплине покаяния и причащения. *Путь*, № 19, 1929. С. 73). В соответствии с тем же принципом особой благодати рукоположения, священники освобождаются от обязанности исповедовать свои грехи перед принятием Святых Таин, тогда как для лаиков исповедь обязательна (Там же. С. 76). Булгаков также является сторонником теории, согласно которой лаики могут принимать участие в евхаристии и через духовное причащение (Там же. С. 73).

¹⁰⁰ *Шмеман А.* Православље на Западу. Црква, свет, мисија. Цетиње 1997. С. 184-185.

¹⁰¹ *Zizioulas J. D.* The Eucharist... Part III. С. 44-45.

¹⁰² *Јевтић А.* Хришћанско... С. 115.

¹⁰³ *Василијадис П.* Евхаристијска... С. 35.

Святитель ГРИГОРИЙ БОГОСЛОВ

О СЕБЕ САМОМ И О ЕПИСКОПАХ*

Тот кто призван быть епископом, призван не для того, чтобы командовать, но для того, чтобы совершать это служение с такой кротостью и таким смирением, чтобы оно было полезно и самому совершающему, и тому, на кого направлено... ибо правление христиан должно быть во всем отлично от власти язычников, которая представляется жестокой, бесстыдной и тщетной

Ориген, Толкование на Мф. 20:25.

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателей поэма святителя Григория Богослова, переведенная священником Алексием Ястребовым, никогда до настоящего времени не публиковалась на русском языке. В «Патрологии» Миня она следует непосредственно за знаменитой поэмой «О своей жизни», которая была переведена на русский язык в XIX веке в числе других автобиографических сочинений Григория. Решение русских издателей не публиковать данный текст, очевидно, было обусловлено его содержанием: в нем Григорий с большой резкостью говорит о своих собратях по архиерейству.

* Настоящий перевод делался с критического издания Б. Майера: *Gregor von Nazianz. Über die Bischöfe* (carmen 2, 1, 12). Kommentar. von Beno Meier. P. 30-73. Paderborn, 1989. При разночтениях, однако, за основу не всегда брался текст Майера — в ряде случаев предпочтение было отдано более ранним редакциям этого произведения (смотри, в частности, PG 37). Переводчик искренне признателен директору Греко-латинского кабинета, доктору философии Ю. А. Шичалину, при активном участии которого готовилась окончательная редакция русского текста поэмы.

Одни из нас спорят о священных престолах,
враждуя друг с другом, навлекая бесчисленные бедствия
и сами становясь их жертвами...
Другие же, разделившись на партии, возмущают
Восток и Запад: начав Богом, кончают плотью.
От этих борцов и у прочих появляются имена и
начинается битва:
У меня бог — Павел, у тебя — Петр, а у него — Аполлос¹.
Христос же напрасно пронзен гвоздями!²

Григорий уже не сотрапезник земного царя, как прежде,
он не сделает и малой поправки своему мешку³,
не будет возлежать среди пирующих, потупленный
и безмолвный,
едва переводя дыхание и пожирая пищу, подобно рабам...
Не буду лобызать рук, обогранных кровью,
не буду касаться чьего-либо подбородка, чтобы добиться
небольшой милости.
На священный, именинный, похоронный или свадебный пир
не пойду с многочисленной свитой,
чтобы все или собственными челюстями истребить,
или предоставить
сопровождающим — хищническим рукам Бриарея;
и чтобы вечером отвести обратно нагруженный корабль —
одушевленный гроб —
отправить домой отягощенное чрево;

и чтобы, едва переводя дыхание от пресыщения,
спешить на новое обильное застолье,
не успев разрешиться от бремени предыдущего пиршества⁴.

В 80-х годах IV века, когда писались эти строки, Церковь стремительно росла, повсюду открывались новые храмы, после долгого засилья ариан на архиерейские кафедры вновь возводились последователи православной (никейской) веры. Внешний расцвет, однако, не мог обмануть многоопытного пастыря, глубоко озабоченного внутренним состоянием Церкви. Григорий хорошо знал, что среди новорукоположенных епископов много бывших ариан, которые лишь надели новую личину в угоду обстоятельствам времени. Кроме того, он понимал, что открывшиеся архиерейские вакансии будут заполнены далеко не лучшими кандидатами, так как невозможно в столь короткий срок подготовить достаточное количество достойных священнослужителей. У него создавалось впечатление, что в священные степени возводят кого попало, лишь бы заполнить вакантные места:

...Всем открыт вход в незапертую дверь, и кажется мне,
что слышу глашатая, который стоит посреди и призывает:
«Идите сюда, все злодеи, отребье общества,
чревоугодники, толстожилые, бесстыдные, наглые,
пьяницы, бродяги, сквернословы, щеголи,
лжецы, обидчики, нарушители клятв,
обкрадывающие народ, на чужое имущество безнаказанно
налагающие руки, убийцы, обманщики, неверующие...
Двоедушные, служащие переменчивому времени,
полипы, принимающие цвет камня, на котором живут...
Приходите смело! Для всех готов широкий престол!
Приходите, приклоняйте юные шеи под простертые
десницы,
которые благосклонно простираются над всеми,
даже не желающими...
Великое чудо! Саул не только не чужд благодати, но и пророк!
Итак, никто — ни земледелец, ни плотник, ни кожевник,
ни охотник, ни занимающийся кузнечным делом —
никто не оставайся вдалеке и не ищи себе другого
путеводителя к Богу:
лучше ведь самому начальствовать, чем подчиняться
начальнику.
Пусть один бросит из рук большую секиру, другой —
рукоять плуга,

⁴ PG 37, 1266-1267.

третий — мехи, четвертый — копье, пятый — щипцы,
и все — сюда! Толпитесь у божественного престола,
теснясь и тесня других!..
Кто пишет копию картины, тот сначала ставит
перед собой подлинник,
а потом и копия принимает на себя образ оригинала;
но кто смотрит на вас, тот пойдет в противоположную
сторону.
И это единственная польза от вашей порочности!»⁵

Взгляд Григория на священнослужителей своего времени, как явствует из приведенных строк и из публикуемой ниже поэмы «О себе самом и о епископах», был весьма пессимистичным. Может даже показаться, что он сгущает краски, что он слишком субъективен в оценках. Свергнутый с константинопольского престола собратьями-епископами, Григорий был на них сильно обижен: в этом, несомненно, одна из причин его обличений в их адрес. Однако неверно было бы сводить весь пафос Григория к личным обидам. В том, что произошло с ним самим, он видел не столько свою личную трагедию, сколько отражение общей кризисной ситуации, складывавшейся в Восточной Церкви конца IV века. На его глазах происходило постепенное порабощение Церкви миром, массовое обмирщение епископата и клира. Образ епископа как пастыря, духовного наставника и старца, обладающего, в силу своих высоких духовных качеств, непререкаемым авторитетом в глазах паствы, постепенно сменялся образом епископа как государственного сановника, участвующего в светских церемониях, послушно следующего указаниям гражданских властей не только в церковно-административных, но также и в догматических вопросах. Грань между Церковью и миром, между «царством духа» и «царством кесаря» постепенно стиралась.

Процесс обмирщения клира и «огосударствления» Церкви, начавшийся со времени Константина Великого, приведет в эпоху Юстиниана (VI в.) к официальному провозглашению идеала так называемой «симфонии» между государством и Церковью — «симфонии», при которой Церковь фактически потеряет независимость и окажется в полном подчинении светским властям. В иконоборческую эпоху (VII-VIII вв.) византийский епископат из-за своего приспособленчества настолько утратит авторитет в глазах паствы, что народ будет обращаться за духовным руководством не к представителям «официальной Церкви», а к монахам,

⁵ PG 37, 1233-1236.

которые во многих случаях окажутся главными защитниками православной веры против еретичествующих императоров и послушных им епископов.

Григорий Богослов не мог не видеть, в какую бездну скатываются представители церковного руководства, когда следуют законам «мира сего»; именно поэтому он всеми силами противился обмирщению епископата и клира. В своих стихотворениях он говорит о наказании, которое ждет недостойных клириков на Страшном Суде, вспоминает о библейском потопе и гибели Содома как прообразах Судного дня:

Остановитесь, друзья! Прекратим упражняться в нечестии!
Почтим, наконец, Бога, святыми жертвами!
И если мы убеждены, извлечем пользу из сказанного мною;
если же слово мое и седину мою покрывает наглость юнцов,
или тех ворон, которые громко и безумно накликают
на меня тучу⁶,
то свидетельствуюсь рукой бессмертного Бога
и страшным днем...
Что я им не сопредстольник, не сотрудник,
не собеседник, не спутник ни в плавании, ни в дороге.
Но пусть идут они своим путем, я же тем временем
буду искать себе Ноев ковчег, чтобы в нем спастись
от страшной гибели,
потом же избежать, пребывая вдали от злых,
и попавшего Содом горького и невыразимого дождя⁷.

Обличения Григория в адрес недостойных клириков звучат как пророческое предупреждение всем будущим поколениям священнослужителей. В XI веке с подобными обличениями к епископам и священникам своего времени обращался Симеон Новый Богослов⁸, явно находившийся под влиянием Григория. До тех пор, пока в Церкви остаются архипастыри, недостойные своего призвания, слово Григория сохраняет свою актуальность.

Епископ Подольский Иларион

⁶ «Воронами», «галками» и «юнцами» Григорий называет своих противников на II Вселенском Соборе.

⁷ PG 37,1242-1243.

⁸ См.: Гимн 58-й.

**Латинское предисловие к тексту
(в издании Миня)**

Очевидно, что эта поэма является добавлением и продолжением предыдущей, описывающей жизнь Григория, поэтому первая и вторая не только могут, но, более того, и должны рассматриваться как единое произведение*. В настоящей поэме ничего не говорится ни о Египте, ни о деяниях Константинопольского собора, ни об императоре, ни о том, что он совершил. Все это со всей подробностью изложено в предыдущей, называющейся — *О своей жизни*. Григорий, конечно, не обошел бы молчанием эти события, если бы взял перо под впечатлением недавних оскорблений, и в настоящей поэме положил бы начало повествованию о причиненных обидах. Одно упущено в предшествующем изложении: автор не назвал причину выпавших на его долю несчастий, и не рассказал о том, какие средства для уврачевания того порока были использованы: все это будет изложено в настоящей книге.

Оба произведения написаны немногим позже возвращения**.

Есть те, кто считает, что Григорий в этой поэме слишком резок и переходит должные границы.

* Традиционный взгляд на эту поэму как на дополнение к знаменитой поэме *О своей жизни* — II, 1, 11 (смотри, например: *Gregorio Nazianzeno. Fuga e autobiografia. Traduzione, introduzione e note a cura di L. Viscanti, Collana Testi Patristici* 62, Roma 1987) в последнее время оспаривается. На основании того, что Григорий не упоминает имени своего преемника, св. Нектария, делается вывод о том, что произведение написано не позже 9 июля 381 года, дня последнего заседания, на котором председательствовал свт. Григорий. Кроме того, в настоящей поэме имеется четкое хронологическое указание, позволяющее ее датировать именно 381 годом (см. ст. 101). Поэма *I, I, 11* датируется, напротив, началом 382 года (см.: *C. Jungck. Gregor von Nazianz, De vita sua. Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Heidelberg, 1974*). Из этого делается вывод о том, что поэма *I, I, 12* предшествует *I, I, 11*. Впрочем, незнание, точнее, неупоминание имени Нектария не может служить указанием на то, что произведение написано ранее ухода свт. Григория с константинопольской кафедры: лучшим доказательством этого являются слова самого автора (ст. 21).

** См.: *Иларион (Алфеев), иеромонах. Жизнь и учение св. Григория Богослова. М., 1998. С. 89.*

* * *

Ἴσως* μὲν ἐχρῆν, ὥς κακούμενον φέρειν
Ταῖς τοῦ παθόντος ἐντολαῖς τυπούμενον,
Οὕτω παθόντα καρτερεῖν καὶ τὸν λόγον,
Ὡς, ἂν πλείως ὤμεν ἡγωνισμένοι,
5 Καὶ μισθὸν ἐλπίζωμεν ἐντελέστερον.
Ὡν γὰρ τέλειος μόχθος, ἐντελέστερος.
Ὡν δ' οὐ τέλειος, καὶ τὸ ἄδλον ἐλλιπές.
Ὡς ἂν δὲ μὴ δόξαιεν οἱ κακοὶ κρατεῖν
Τὰ πάντα, μὴδ' ἡ λείος αὐτοῖς ὁ δρόμος,
10 Ἀντιστατοῦντος οὐδενός, τὸ μὲν πέρας
Τούτων παρήσω τῷ τελευταίῳ πυρὶ,
Ὁ πάντ' ἐλέγχει καὶ καθαίρει σὺν δίκῃ,
Κὰν λανθάνωμεν ἐνθάδε πλοκαῖς τισιν.
Αὐτὸς δὲ μικρῷ τοὺς ἐμοὺς λόγῳ πλήξω
15 Φονεῖς· φονεῖς γὰρ οἱ κρίνοντες ἔκτοπα,
Ψυχῶν ἀδῶων ἐκχέοντες αἵματα,
Πάντων, ὅσους ἔπλαττον, οὓς ὠκονόμουν.
Ἐρῶ δ' ἃ λέξω, μὴδὲν εὐλαβούμενος
Τὸ λοιδορεῖσθαι, πρᾶγμα ἀπηγορευμένον
20 Πᾶσιν μὲν, ἐμοὶ δὲ καὶ πλέον μισούμενον.
Οὐ γὰρ ὀνομαστὶ τοὺς λόγους ποιήσομαι,
Τῷ μὴ δοκεῖν ἐλέγχειν, ἃ κρύπτειν χρεῶν.
Ἀλλ' οὐδὲ πάντων ἐξ ἴσης μεμνήσομαι,
Μή μοι τοσοῦτον ἐκδρομήσειε στόμα.
25 Πολλοὺς γὰρ οἶδα καὶ λόγου τοῦ κρείσσονος.
Ἀλλ' ὅστις ἐν κακοῖς τε, καὶ κακῶν πέρα,
Αὐτὸς κρατεῖσθω, καὶ δαμαζέσθω τὰ νῦν.
Τεμεῖ τὸ χεῖρον ἢ μάχαιρα τοῦ λόγου.
Τί τοῦτο; δείξεις· ἂν μάχῃ πρὸς τὸν λόγον,
30 Αὐτοῦ προδήλως ἐκφανῆς κατήγορος.

* Греческий текст приводится по Патрологии аббата Ж.-П. Минья (J.-P. Migne. Patrologique Cursus completus, series Greca, v. 37, coll. 1166-1227).

* * *

Пожалуй, следовало бы мне, запечатленному
заповедями Того,
Кто пострадал, перенести причиненную мне обиду,
и, так, пострадав, сдерживать свой язык,
чтобы, если борьба будет доведена до конца,
5 я мог бы надеяться на более полную награду.
В самом деле, она полнее у тех, кто несет наиболее
тяжелый труд;
скудна же награда у тех, кто не несет труда.
Однако, чтобы не показалось, что дурные господствуют
над всем, и что гладок их путь,
10 и при этом никто им не противостоит, я, хотя
и предоставляю их область
последнему огню¹,
который все побеждает и очищает по справедливости —
пусть даже мы и не знаем здесь всего из-за
некоторых хитростей —
все же поражу скромной речью моих
15 убийц: ведь те, кто несправедливо вершит суд, суть убийцы,
проливающие кровь невинных душ,
всех, которых я «созидал» и которыми руководил.
Но я скажу о том, о чем хотел сказать, нисколько не боясь
упреков, о том, что запрещено
20 всем, и что я ненавижу более всего.
Я, конечно, не стану называть имен,
чтобы не показалось, будто я открываю то, что должно
быть скрыто
(я, кроме того, не о всех вспомню в одинаковой мере) —
да не осмелятся мои уста зайти так далеко.
25 В самом деле, я знаю многих, достойных великой
похвалы.
Но всякий, кто находится в среде дурных и кто даже
хуже дурных,
тот да будет тотчас же схвачен и укрощен.
Словесный меч будет рубить порок.
— В чем же он состоит? — Ты покажешь это:
если выступишь против моей речи,
30 ты открыто обвинишь самого себя.

Τὸ δ' οὖν ἐμὸν τοιοῦτο· βαλλέτω με πᾶς·
Πόρρωθέν εἰμι τοῖς λίθοις ἡρμωσμένος.
Θάρρει λέοντι. Πάρδαλις τῶν ἡμέρων.
Ἀσπὶς τάχ' ἂν σε καὶ φύγοι δεδοικότα.
35 Ἐν ἐκτρέπου μοι, τοὺς κακοὺς ἐπισκόπους,
Μηδὲν φοβηθεῖς τοῦ θρόνου τὴν ἀξίαν.
Πάντων τὸ ὕψος, οὐχὶ πάντων δ' ἡ χάρις.
Τὸ κώδιον πάρελθε, τὸν λύκον βλέπε.
Μὴ τοῖς λόγοις με πείθε, τοῖς δὲ πράγμασι.
40 Μισῶ διδάγμαθ', οἷς ἐναντίος βίος.
Τὰ χρώματ' αἰνῶν τοῦ τάφου, βδελύττομαι
Τὴν ἔνδον ὁδμὴν τῶν σεσηπότεων μελῶν.
Πῶς ταῦτα; καὶ τί ταῦτα; πῶς λόγους ἀεὶ
Κινῶν ἀμείνους, οὐχὶ καὶ νῦν εὐστομεῖς;
45 Ἀλγοῦντός ἐστιν, ἐξερεύγεσθαι πάθος
Θεῶ, φίλοις, γονεῦσι, γείτοσι, ξένοις,
Εἰ δ' οὖν, χρόνῳ τε καὶ βίῳ τοῖς ὕστερον.

Μικρὸν δ' ἀνοίσω τὸν λόγον πορρώτέρω.
Μηδεὶς ποτ' εἶπη τοῖς πονουσί τι πλεόν
50 Ἐντεῦθεν εἶναι. Παίξεθ', ὅς φρονεῖ τάδε.
Ἄπαντ' ἐν νυκτὶ καὶ ζόφῳ πορεύεται.
Τοὺς μὲν πυροῖ γὰρ, τοὺς δ' ἐπιζοφοῖ Θεὸς,
Ἔως τὸ πῦρ ἅπαντα φωτίζει τάδε.
Ἄλλος μὲν ἐξήντλησε μοχθηρὸν βίον,
55 Στένων, ἀϋπνῶν, δάκρυσιν τήκων μέλη,
Χαμευνία τε καὶ τροφὴ στενούμενος,
Καὶ νοῦ μερίμναις, ἐν θεοπνεύστοις Γραφαῖς,
Μάστιξί θ' αὐτὸν ταῖς ἔσω ξαίνων ἀεὶ.
Τί μοι παρεῖται; μὴ δέον τί τ' ἔδρασα;
60 Ἄλλος τὰ τερπνὰ τῶν νέων ἐδρέψατο,
Ἐπαιξεν, ἥδε, γαστροὺς ἔπλησεν νόσον,
Πάσαις ἐφήκεν ἡδοναῖς, αἰσθήσεσι

Итак, вот моя стезя: любой желающий пусть ударит меня.
Я ведь с давних пор научился переносить удары камней².
Ты можешь довериться льву, леопард может стать ручным
и даже змея, возможно, побежит от тебя, хотя ты и
боишься ее;

35 но одного остерегайся — дурных епископов,
не смущаясь при этом достоинством их престола³!
Ведь всем доступно высокое положение, но не всем
благодать.

Проникнув взором сквозь овечью шкуру, разгляди
за ней волка.

Убеждай меня не словами, но делами.

40 Ненавижу учения, противником которых является
сама жизнь.

Хваля окраску гроба, я испытываю отвращение
к зловонию разложившихся членов внутри него⁴.
— Как же это? Что это значит? Почему ты, говорящий
всегда

блестящие речи, не скажешь красиво и на этот раз?
45 — Потому что страдающему свойственно (ради
облегчения) изливать свою скорбь
Богу, друзьям, родителям, соседям, гостям,
или, по крайней мере, будущему времени и грядущим
поколениям.

Но поведу я свою речь немного издалека.

Никто не может сказать, что труждающиеся

50 получают награду за свой труд в этой жизни: шутит
тот, кто так думает.

Все совершает свой путь в ночи и мраке.

Бог одних испытывает огнем, а других окружает мраком,
до тех пор пока огонь не осветит все.

Один прожил трудную жизнь,

55 стена, проводя ночи без сна, в слезах растворяя свои
члены,

ограничивая себя даже в простой постели и пище,
заботясь об изучении богодухновенных Писаний
и постоянно бичуя себя внутренними переживаниями.
Что еще я упустил? Что недолжное я сделал?

60 Другой сорвал плоды своей молодости,
смеялся, пел, предавался обжорству
и всем наслаждениям, на чувства

Κλειῖθ' οὐκ ἔθηκε, πῶλος ἡνίας ἄτερ.
Κᾶπειτα τὸν μὲν συμφοραὶ κατέδραμον·
65 Οὐ συμφοραὶ μὲν· οὐ γὰρ ἄπτεται σοφῶν
Τῶνδ' ἐνθάδ' οὐδὲν, ὥς δοκεῖ τοῖς πλείοσιν
Υφ' ὧν ὀλεῖται καὶ τὸ φαίνεσθαι σοφόν.
Ὁ δ' εὐδρομῶν ἅπαντα, καὶ τόδ' εὐδρομεῖ,
Κράτιστος εἶναι τὴν ἀρετὴν νομίζεται.
70 Λόγου δὲ μάρτυς αὐτὸς, ὃς λέγει τάδε.

Ἄνω καθήμενόν με τῶν ὀρωμένων,
Καὶ νοῦν μόνοις μιγνύντα τοῖς νοουμένοις,
Ῥίψαντα δόξαν, κτήσιν, ἐλπίδας, λόγους,
Τὸ μὴ τρυφᾶν τρυφῶντα, καὶ μάζη στενῇ
75 Βίον γλυκαίνουνθ', ὕβρεως ἐλεύθερον,
(Ἡ πάντα δεῖ σε προσδοκᾶν, κἂν ἦς σοφός),
Παρ' ἐλπίδας τις τῶν καλῶν ἀποσπάσας
Ἐκδημον ἤγαγε· ὅστις, οὐκ ἔχω λέγειν.
Εἶτ' οὖν τὸ θεῖον Πνεῦμα, εἶθ' ἀμαρτάδες,
80 Ὡς ἂν δίκας τίσαμεν τῆς ἐπάρσεως;
Τὸ δ' οὖν πρόδηλον, σύλλογοί τε ποιμένων
Καὶ λαὸς ὀρθόδοξος, ἀλλ' οὕτω πλατὺς,
Ἄρτι πρὸς αὐγὰς ἡλίου μικρὸν βλέπων
Ὡς ἂν τις ἔλθοι τῷ λόγῳ παρρησία,
85 Μικρὸν τ' ἀναπνεύσωσι τῶν κύκλῳ κακῶν,
Λάλων τε γλωσσῶν, καὶ πολυσχιδοῦς πλάνης,
Υφ' ὧν ἔκαμνον οὐκ ἔχοντές τι σκέπης,
Οἷόν τι τερπνὸν ἐν μέσῳ βάτων ῥόδον,
Ἡ τις μέλαινα ῥᾶξ ἐν ἁώρῳ βότρυϊ,
90 Οὕτω μὲν οὖν ἐπήλθον εὐσεβῆς ξένος,

не налагал запоров, был как жеребец без узды.

Затем, на одного (то есть на мудреца — А. Я.)

обрушивались несчастья

65 (впрочем, это не несчастья: ведь не касается мудрецов ничто из здешнего), какими их считает большинство

людей,

которые поэтому вообще не признают, что несчастный может хотя бы казаться мудрым⁵.

Другой же, успешный во всем, имеет успех и в этом:

то есть в том, чтобы считаться в высшей степени

добродетельным человеком⁶.

70 Свидетелем же вышесказанного являюсь я,

говорящий эти слова.

Я находился выше вещей, видимых чувственными очами, и мой ум сообщался только с областью умопостигаемого⁷.

Я оставил славу, имение, надежды, литературную

деятельность,

роскошествовал тем, что был избавлен от роскоши,

и небольшим куском хлеба

75 услаждал жизнь. Я был свободен от оскорблений

(впрочем, ты должен ожидать всего, даже если

ты мудрец!).

Но некто⁸, оторвав от благ, против моих ожиданий

увел меня

в чужие края. Кто это был, я не буду говорить.

Дух ли божественный, грехи ли мои были причиной того,

80 что я поплатился за мое превозношение?

Но внешняя причина этого была такова: собрания

пастырей

и православный народ (хотя он и не был еще многочислен) увидели, наконец, слабый луч света⁹:

они могли уже относительно свободно исповедовать

православную веру;

85 они постепенно снова стали дышать свободнее среди

окружавших их зол,

болтливых языков и многочисленных заблуждений:

они страдали от всего этого, но не имели защиты.

Да и возможно ли, чтобы было приятно розе посреди

терния

или зрелому плоду винограда среди неспелых гроздьев?!

90 Итак, вот [в каком положении находились дела, когда]

пришел я, благочестивый странник,

Ὅρκοις τε καμφοδεῖς, καὶ λιταῖς πολυτρόποις,
Αἶς ἀντιβῆναι τῶν λῖαν καταφρόνων.
Ἐπεὶ δ' ἐπήλθον, Καππάδοσσα γῆν λιπὼν,
Ἦ πίστεως ἔρεισμα τοῖς πᾶσιν δοκεῖ,
95 Οὐ λαὸν, οὐδὲν τῶν ἀναγκαίων ἐμοὶ
(Ταῦτ' ἐστὶν ἐχθρῶν πλάσματα, ψευδεῖς λόγοι,
Φθόγου καλύμματ' ἀστόχως εὐρημένα),
Ἦμᾶς ἔρεσθαι τὰπίλοιπα βούλομαι.
Ἦμεῖς γάρ ἐστε μάρτυρες μόχθων ἐμῶν.
100 Τί σκαιὸν, ἢ πρόσαντες, ἢ βλάβην φέρον,
Ἦ εἶπον, ἢ ἔπραξα τοῦτ' ἔτος τρίτον;
Πλήν ἔν γε τοῦτο, τῶν κακῶν ἐφεισάμην,
Ἦφ' ὧν λιθασθεῖς εἰσόδου προοίμιον
Ἦκαρτέρησα. Καὶ γὰρ εὐσεβέστερον
105 Παθόντα τὰ Χριστοῦ με οὕτω καὶ φέρειν.
Ὅρῳ, πένητες οἶα δωροῦνται Θεῷ.
Καὶ τοῦτο δ' ἔγκλημ', εἰ δοκεῖ, ποιούμεθα.
Σῆς μὲν, τίς εἶπεν, ὁστέων, αἰσθητικαὶ
Φρένες. Τόδ' ἔργοις τοῖς ἐμοῖς ἐγνώρισα.
110 Τὸ χάλκεόν μοι σῶμα φροντίσιν τακέν
Ἦδη νένευκεν· ἄλλο δοῦναι δ' οὐκ ἔχω,
Πλείω χρεωστῶν, κἂν τὰ πάντων εἰσφέρω.
Τί ἂν πάθοι τις συζυγεῖς σαδρῷ φίλῳ;

Ἄλλ' ἀνιτέον μοι πρὸς τὸν ἐξ ἀρχῆς λόγον.
115 Κέκλημ', ἔπηξα λαὸν ἐν μέσῳ λύκων,
Ποίμνην ἄνδρον τοῖς λόγοις ἐπήγασα,
Ἦσπειρα πίστιν τῷ Θεῷ ῥίζουμένην,
Τριάδ' ἔλαμψα τοῖς πρὶν ἐσκοτισμένοις.
Ἦπὸς τις ἤμην ἐν γάλακτι, φάρμακον
120 Πειθοῦς βία· καὶ τοὺς μὲν ἤδη δεσμίους,
Τοὺς δ' ἐγγυὲς εἶχον, οἱ δ' ἔμελλον αὐτίκα.
Πᾶσιν δὲ θυμὸς ἐκλίδη, τὸ πρὶν ζέων,

уступив заклинаниям и многим мольбам,
отвергнуть которые было бы с моей стороны проявлением
чрезмерной гордыни.

Но когда я пришел, покинув землю Каппадокии¹⁰,
являющуюся для всех оплотом истинной веры

95 (но не народ или какую-нибудь из моих обязанностей¹¹:
все это суть козни врагов, лживые речи,
невежественно придуманное прикрытие их зависти...) —
я хочу, чтобы теперь вы сказали, что последовало затем:
ведь вы — свидетели трудов моих.

100 Разве что-нибудь неблагоприятное, резкое или вредное
я сказал или сделал в течение этих двух с лишним лет¹²?
Кроме разве одного того, что я пощадил дурных людей,
которые в самом начале побили меня камнями,
и я перенес это терпеливо. Поистине, весьма благочестиво,

105 чтобы я так и переносил страдания Христовы.

Ты видишь что бедные приносят в дар Богу¹³.

Но мы можем даже это, если угодно, вменить себе в вину.
Кто-то сказал, что чувственный разум¹⁴ подобен тле,
разъедающей кости. В этом я убедился на

собственном опыте:

110 тело мое, прежде крепкое как медь, а теперь
изнуренное заботами,
уже клонится к земле. Но ничего другого я все равно
не могу дать,
хотя я и должен больше, даже если внесу все.

А что еще может случиться с тем, кто связал себя
с немощным другом?¹⁵

Однако мне пора вновь обратиться к начатой речи.

115 Меня позвали, и я сплотил народ, который находился
среди волков;

я напоил словом жаждавшую паству¹⁶,

посеял веру, укорененную в Боге,

распространил свет Троицы на тех, кто раньше находился
во тьме.

Я уподобился закваске в молоке и лекарству

120 благодаря силе убеждения; поэтому одни уже
присоединились [к истинной вере],

другие были близки [к этому], а иные еще только
собирались [прийти].

Но настроение всех, бывшее прежде бурным, изменилось,

Καὶ φίλτρον ἤδη τῷ λόγῳ συνεκράθη·
Ἐλπίς δὲ παντὸς, καὶ ῥοπή τις μετρία.
125 Ῥώμης τόδ' οἶδεν ἄστυ τῆς εὐδαίμονος,
Καὶ τῆς μάλιστά φημι τὸ πρῶτον γένος,
Οἳ μ' ἠξίωσαν καὶ λόγου τυχόν τινος,
Παρ' οἷς πλέον, καὶ μικρὸν εὐκλείας ἔχειν,
Ἦν πρῶτ' ἐν ἄλλοις τιμίου παντὸς φέρειν.
130 Καὶ γὰρ τοσοῦτόν εἰσι πάντων κρείσσονες!
Οὗτοί με καὶ παρόντα εἶχον ἐν λόγῳ,
Καὶ νῦν ἀπόντος αἰτιῶνται τοὺς κακοὺς.
Πλέον γὰρ οὐδὲν εἶχον, ἢ τοῦτο, δρᾶσαι,
Οὐδ' αὐτὸς ἦτουν οὐδέν. ὦ πόλις, πόλις,
135 Ἴν' ἐκβοήσω καὶ τι καὶ τραγωδικόν.

Ἄλλ' οἱ καλοὶ τε κάγαθοὶ συμποίμενες
Φθόνῳ ῥαγέντες (ἴστε τοὺς Θρασωνίδας·
Οὐ γὰρ φέρει παίδευσιν ἢ ἀγροικία),
Καὶ τὴν ἐμὴν λαβόντες ἔκγονον πόνων
140 Ἀρρώστίαν συνεργόν, ἣν αἰδεῖσθ' ἔδει
Τοὺς καὶ τι μικρὸν τῷ Θεῷ κεκμηκότας,
Τό τε θρόνου τοσοῦτου μὴ στέργειν κράτος,
Κόσμου ῥαγέντος ἐν μάχης μεταιχμίῳ.
Ταῦτ' οὖν λαβόντες σὺν ῥοπῇ τοῦ δαίμονος
145 Προὔπεμψαν ἔνθεν ἀσμένως οἱ φίλτατοι,
Ὡσπερ τιν' ὄγκον ἐκ νεῶς βαρουμένης
Ῥίψαντες. Ἦν γὰρ φόρτος εὐφρονῶν κακοῖς.
Ἐπειτ' ἀροῦσι χεῖρας, ὥς ἄγνοϊ, Θεῷ,
Καὶ δῶρα πέμψουσ' ἐκ φρενὸς καθάρσια,
150 Καὶ λαὸν ἀγνίσουσι μυστικοῖς λόγοις,
Οἳ καμ' ἔπεμψαν ἔνθεν ἐκ πονηρίας,
Οὐ σφόδρ' ἄκοντα. Καὶ γὰρ ἦν αἰσχος μέγα,
Τούτων τιν' εἶναι τῶν καπήλων πίστεως.
ὦν οἱ μὲν ὄντες ἔκγονοι φορογράφων,
155 Οὐδὲν φρονούντες τοῦ παρεγγράφειν πλέον,

и истинное учение вызвало ответную любовь:
появилась надежда развить полный успех из этой
умеренной расположенности;

125 Это знает счастливый город Рим¹⁷ — здесь я, главным
образом, имею в виду тех, кто в нем первенствует.
Эти люди неожиданно удостоили меня некоей чести¹⁸,
а лучше у них иметь хоть немного славы,
чем быть первым по чести среди всех остальных:

130 в самом деле, они намного могущественнее всех!
Когда я был у них, я был в почете,
и даже сейчас, когда я удалился, они осуждают дурных.
Ведь они не могли сделать ничего, кроме этого,
да и сам я не просил их ничего делать. «О город, город!»

135 (если воскликнуть в духе трагедии¹⁹).

Но добропорядочные и благовоспитанные²⁰ мои сопастыри,
лопаясь от зависти (вы знаете Фрасонидов²¹:
неотесанность не переносит культуры),
взяли себе в союзники мою телесную немощь,
являющуюся спутником трудов моих,

140 которую надлежит почтить всякому,
кто хотя бы немного поработал для Бога;
они, кроме того, ссылались на то, что я не стремлюсь

к власти столь великого престола,
в то время как окружающий мир разрывался в борьбе²².

Итак, по наущению демона выдвинув это обвинение,
145 возлюбленные охотно выслали меня оттуда,
выбросив, как выбрасывают какой-нибудь лишний груз
из отягощенного корабля.

Ведь в глазах дурных я был грузом, поскольку имел
разумные мысли.

Затем они возденут руки, как если бы были чисты,
и предложат Богу «от сердца» очистительные дары,

150 освятят также народ таинственными словами.
Это те самые люди, которые с помощью коварства изгнали
меня оттуда²³

(хотя и не совсем против моей воли, ибо для меня
было бы великим позором
быть одним из тех, кто продает веру²⁴).

Из них одни, являясь потомками сборщиков податей,
155 не о чем другом не думают кроме незаконных
приписок²⁵;

Οἱ δ' ἐκ τραπέζης, τῶν τ' ἐκεῖσ' ἀγαλμάτων,
Οἱ δ' ἐξ ἀρότρων, ἡλίῳ κεκαυμένοι,
Οἱ δ' ἐκ δικέλλης καὶ σμινύης πανημέρου·
Ἄλλοι δὲ κώπην, ἢ στρατὸν λελοιπότες,
160 Ἄντλον πνέοντες, ἢ τὸ σῶμ' ἐστιγμένοι,
Λαοῦ κυβερνήται τε, καὶ στρατηλάται
Πεφήνας' οὐκ εἴξουσι καὶ μικρόν ποτε·
Ἄλλοι δὲ τεχνῶν ἐμπύρων τὴν ἀσβόλην
Οὔπω τελείως σαρκὸς ἐκνευμμένοι
165 Μαστιγίαι τε, καὶ μυλώνων ἄξιοι,
Πρὶν καὶ τὸ τίμημ' εἰσενεγκεῖν δεσπόταις,
Μικρὰν τιν' ἂν εὕρωσι παύλαν τῶν πόνων,
Ἐπειδ' ὑπερμαζῶσι καὶ δήμου τινὰς
Κλέψαντες, ἢ πείσαντες, ἢ τυραννικῶς,
170 Ἄνω τρέχουσι, κἀνδαροι πρὸς οὐρανόν,
Πόλον στρέφοντες, οὐ τὸν ἐκ κόπρων ἔτι,
Οὐδ' ἐξόπισθεν, ὡς τὸ πρὶν, νενευκότες,
Αὐτῶν δ' ἔχειν δοκοῦντες τῶν ἄνω κράτος,
Ἀριστερὰ λαλοῦντες, οὐδὲ τοὺς πόδας
175 Αὐτῶν ἀριθμεῖν εἰδότες, ἢ τὰς χέρας,
Ἄλλ' οὐ κάκιστα ταῦτα, οὐδ' ἐπισκοπῆς,
ᾧ λῶσθε; μὴ τοσοῦτον ἀρχαίως φρονεῖν,
Ὡς τηλικούτο πρᾶγμα τιμᾶσθαι κακῶς,
Μηδ' εἰ λίαν μοι τὸ χθαμαλὸν σπουδάζεται·
180 Οὐ γὰρ κάκιστον ἢ ἐπισκοπή. Χρεῶν
Πάντως τιν' εἶναι τῶν δ' ἀρίστων, ἐκλέγω
Τὸν πρῶτον· εἰ δ' οὖν, ἀλλὰ μὴ τὸν ἔσχατον·
Εἵπερ νομίζεσθαί τι δεῖ μου τὸν λόγον,
Καὶ νῦν μάλιστα ἐν ζάλῃ γλωσσαλγίας,
185 Καὶ τῶν μεγίστων ἀστέων, καὶ συλλόγων,

другие явились из меняльной лавки, после денежного
обмена,

третьи — от сохи, опаленные солнцем,
четвертые — от своей каждодневной кирки и мотыги,
иные же пришли, оставив флот или войско,

160 еще дыша корабельным трюмом или с клеймами
на теле²⁶,

Они вообразили себя кормчими и предводителями народа
и не хотят уступить даже в малом.

В то время как другие еще кузнечную копоть
не смыли полностью с тела,

165 достойные подвергнуться бичеванию или быть
сосланными на мельницу²⁷.

Если перед тем как принести дань своим господам,
им удастся

сделать небольшой перерыв в работе,
то они тотчас же зазнаются и обольщают некоторых
из народа

либо убеждением, либо принуждением.

170 Они стремятся вверх, как скарабеи к небу,
катя шар, только сделанный уже не из навоза²⁸,
и не опуская голову к земле как раньше:

они думают, что имеют власть над небом,
хотя болтают всякий вздор и даже не могут сосчитать,

175 сколько у них рук или ног.

Но разве все это не великое зло, недостойное
епископского сана,

о дражайший?! Не будем мыслить упрощенно

и о столь великом [деле] судить дурно

(хотя мне-то больше нравится униженное положение):

180 епископство, в самом деле, не есть нечто наихудшее.

[Напротив,] совершенно необходимо,
чтобы [епископом] был избран кто-нибудь из лучших:

я лично избираю
самого лучшего; если же не самого лучшего, то, во всяком

случае, не наихудшего²⁹
(если, конечно, мое мнение следует принимать

во внимание).

И [это важно] особенно сейчас, когда болтливость бушует
подобно шторму

185 и проникает в великие города и собрания³⁰.

ᾧ καὶ μενόντων ἀσφαλῶς, κέρδος πλεόν,
Καὶ μὴ μενόντων, ἢ βλάβη πληρεστέρα·
ᾧ δὴ χάριν σοι τοὺς καλοὺς ἐκλεκτέον.
Μόλις γὰρ ἂν τις τῶν μέσων οὕτω τύχοι,
190 Εἰ σφόδρ' ἀγωνίζοιτο, τοὺς καλοὺς κρατεῖν.
Οὕτω γινώσκειν, γνώμονος ἀψευδεστάτου.

Ἄλλ' οἱ τελῶναι, χ' ἁλιεῖς, ἥξουσί μοι
Εὐαγγελισταὶ, καὶ πένητες ἐν λόγῳ,
Κόσμον σαγηνεύσαντες εὐτελεῖ λόγῳ,
195 Καὶ τοὺς σοφοὺς λαβόντες εἴσω δικτύων,
Ὡς ἂν τὸ θάυμα μείζον ἢ τὸ τοῦ λόγου,
Καὶ γὰρ πρόχειρον τοῦτο τοῖς πολλοῖς λέγειν,
Πρὸς οὓς βραχύς μοι καὶ σαφὴς ἄγαν λόγος.
Δός μοι τὸ πιστὸν τῶν ἀποστόλων ἐνός,
200 Ἄχαλκον εἶναι, πῆραν οὐκ ἐξημμένον,
Ἄραβδον, ἡμίγυμνον, ὥς δ' ἀσάνδαλον,
Ἐφήμερον, πλουτοῦντα ἐλπίδας μόνας,
Μηδ' εὐπροσήγορόν τιν' εἰς δόξαν λόγου,
Τοῦ μὴ δοκεῖν θωπεῖαν ἰσχύειν πλεόν,
205 Μηδ' ἀσχολεῖσθαι πρὸς λόγους ἀλλοτρίους.
Τούτων τις ἔστω, καὶ τὰ πάντα δέξομαι,
Ἄφθογγον, αἰσχροῦ, δυσγενῆ, βοηλάτην.
Ὁ γὰρ τρόπος κάλυμμα τῆς μοχθηρίας.
Τούτων τις εἴης, χ' ἁλιεύοις βατράχους,
210 Ἐπειτα δώσομέν σε ἀγγέλων χοροῖς.
Ἐν οὖν τι δός μοι· μὴ καθήρης δαιμόνων;
Μὴ λεπρὸν ἐξέλκοις, μὴ νεκρὸν τάφου;
Μελῶν τε πῆξιν μὴ λάβοι παρειμένος;
Θές τῳ κάμνοντι χεῖρα, καὶ στήτω νόσος.
215 Οὕτω με πείσεις τοῦ λόγου καταφρονεῖν.

И если они пребывают [в истинной вере] непоколебимо,
то это для них великая польза,
а если не пребывают — вред преизбыточествующий.
Поэтому-то и должны быть тобой избираемы лучшие люди:
ведь едва ли кому-нибудь из людей средних способностей,
190 даже если бы он и ревностно поборолся, довелось бы
одолеть лучших людей.
Это мнение судьи, в высшей степени далекого ото лжи.

Но мне предстанут мытари и рыбаки,
бывшие евангелистами. Ведь они, немощные
в красноречии,
весь мир словно сетью уловили своим простым словом
195 и даже мудрецов поймали в свои рыбацкие сети,
чтобы таким образом чудо Слова стало еще более
[очевидным].
Причем этого мнения придерживаются многие,
против которых обращена моя краткая, но предельно
ясная речь³¹.

Дай мне веру одного из апостолов,
200 [дай силу] не иметь денег, дорожной сумы
и посоха; быть полураздетым, не иметь сандалий,
жить одним днем, быть богатым только надеждой³²;
быть неискусным в словесном мастерстве;
быть тем, о ком нельзя подумать, что он скорее льстит,
[чем говорит правду];
205 [дай силу] не углубляться в исследование
чуждых учений.

Пусть явится кто-нибудь, обладающий такими
достоинствами, и я приму все:
не имеющего дара слова, позорного, незнатного, волопаса.
Ведь [праведный] образ жизни покрывает [внешние]
недостатки.

Будь ты одним из таковых и, хотя бы ты был ловцом
лягушек³³,
210 тогда мы вознесем³⁴ тебя к ангельским хорам!
Так покажи мне хотя бы что-нибудь одно! Но разве
ты очищаешь от демонов?
изгоняешь проказу? мертвого воскрещаешь из гроба?
разве ты сможешь прекратить паралич?

Подай руку страждущему и прекрати болезнь!
215 Только так ты сможешь убедить меня пренебречь
знанием³⁵.

Εἰ δ' ἐκ δυοῖν σοι τοῦ ἐνὸς συγκειμένου,
Ἐπαινετοῦ τε, καὶ κατηγορουμένου,
Τὸ μὲν λογίζῃ, τὸ δὲ παρατρέχεις ἐκὼν,
Κλέπτεις κακούργως τὴν ὁμοίωσιν σφόδρα.
220 Ματθαῖος ἦν τελώνης, ἀλλὰ τίμιος,
Οὐχ ὡς τελώνης, ὡς δὲ Πνεύματος γέμων.
Πέτρος μαθητῶν ἄκρος, ἀλλὰ Πέτρος ἦν,
Οὐχ ὡς σαγηνεὺς, ἀλλ' ὅτι ζήλου πλέως.
Πείθει με τιμᾶν καὶ τὸ δίκτυον ὁ τρόπος.
225 Σοῦ δ' ἐκτρέπομαι, κἄν τι τῶν σεμνῶν φέρῃς,
Τοῦτ' ἔστιν ἡ πάγη τε, καὶ τὸ θήρατρον.
Γραφεύς τις εἷς ὁ τὰς καλὰς μιμούμενος
Μορφὰς ἐν ἄλλοις καὶ σπαράγμασιν μόνοις.
Ἦ πᾶν τὸ κάλλος γράψον, ἢ τὸ πᾶν πάρες.

230 Κάκεινο δ' εἶπε, πῶς ἀπαιδεύτους καλεῖς,
Τοιοῦτοι ὦν λόγοι τε, καὶ συγγράμματα,
Ὅν κάμνομεν νοῆσαι καὶ μικρὸν λάθος,
Οἱ τοῖς λόγοις ἄνωθεν ἐντεθραμμένοι·
Εἰς οὓς λόγος τοσοῦτος αὖθις καὶ πόνος,
235 Ὡς μεστὰ πάντα τυγχάνειν πονημάτων
Γλώσσης τε πάσης, καὶ φρενὸς εὐμαδεστέρας,
Καρπὸν φερούσης, ὕψος ἐξηγήσεων;
Πόθεν βασιλεῖς, καὶ πόλεις, καὶ συλλόγους,
Κατηγοροῦντας, εὐθύνοντας ἐν λόγοις,
240 Πρὸ βημάτων τε, καὶ θεάτροις ἐν μέσοις,
Σοφοὺς, νομικοὺς, Ἑλληνας ὠφρυωμένους,
Δημηγοροῦντες, εὐστομοῦντες καίρια,
Ἐπειθον, ἐξήλεγχον ἐν παρόρησίᾳ,

Если же нечто состоит из двух частей —
похвального и достойного порицания,
а ты берешь в расчет только первое, тогда как другое
охотно обходишь молчанием,
то ты весьма коварно искажаешь истинный образ вещи.
220 Матфей был мытарем, но он удостоился уважения
не как мытарь, но как человек, исполненный Духа.
Петр был главой учеников, но он был «Петром»³⁶
не как рыбак, но в силу того, что он был наполнен
рвением.

Его образ жизни убеждает меня чтить и рыболовную сеть.
225 Но я отвернусь от тебя, даже если ты будешь
прикрываться чем-нибудь благочестивым³⁷:
все это суть лишь западня и ловушка.
Ты подобен живописцу, который изображает прекрасные
формы, покрытые растерзанной и пораженной
проказой кожей:
или изображай всю красоту, или не изображай ничего!

230 Но и то скажи: можно ли назвать
невежественными тех,
кто составил такие [важные] учения и писания³⁸,
в которых мы с трудом уразумеваем лишь немного
из их глубокого смысла
(хотя мы с детства научены искусству слова)
для объяснения которых в свою очередь написано столько
книг и предприняты такие труды,
235 что все наполнено блестящими произведениями,
являющимися плодом скрупулезной работы,
написанными на всех языках и отличающихся научным
талантом,
имеющими своим плодом возвышенное толкование
[этих трудов³⁹]?
Как бы им (апостолам — А.Я.) удалось убедить царей,
города и собрания,
обвинявшие их и обладавшие великой силой красноречия,

240 [когда они оказывались] перед судьями и в театрах?
Как бы им удалось убедить мудрецов, юристов,
высокомерных Эллинов
(когда они выступали перед народом и были искусны
в красноречии)
и обличить их публично,

Εἰ μὴ λόγου μετεῖχον, οὐδὲ σὺ μὴ δίδως,

245 Ἴσως ἂν εἴπῃς, ἐν ῥοῇ τοῦ Πνεύματος,
Λέγων ἀληθῶς· ἀλλὰ τὸν τεύθεν σκόπει.

Σοὶ δ' οὐ μέτεστι Πνεύματος; καὶ μὴν φρονεῖς
Τούτῳ μάλιστα. Πῶς φρονεῖς οὖν τοῦ λόγου
Τοῖς τοῦτον ἐκζητοῦσιν; ἀλλ' ἦτοι μάτην

250 Δίδως σὺ τοῦτο τῇ φύσει τοῦ Πνεύματος,
Καὶ τοῖς δικαίοις· τῷ μὲν, ἐμπνεῖν τὸν λόγον,
Τοῖς δ' ἐμπνέεσθαι, ἥ πεφῆνασιν σοφοί.

Οὕτως ἀφύκτως ἐνδέη τοῖς σοῖς λόγοις,

ᾧ ταῦτα λαλῶν σύ γε προθύμως, καὶ μόνον,

255 Ἄ μὴ λαλεῖσθαι κρεῖσσον, ἀλλ' ἔνδον μένειν.

Ἄφωνον οἶδα πνεῦμα τῶν ἐναντίων·

Καὶ τοῦτο σιγᾶν κρεῖσσον, ἢ λαλεῖν κακῶς.

Τῶν μὲν λύοις τὴν γλῶσσαν, ὦ Θεοῦ Λόγε,

Ὅσοι λαλοῦσιν ἔνδικα, τῶν δὲ καὶ βάρει,

260 Ὅσοι φουσῶσιν ἀσπίδων συρίγματα,
Πέμπουσί τ' ἰὸν ἔνδοθεν ἀδελφοκτόνον.

Οὕτω μὲν οὖν σύ· τίς δ' ἀπαιδεύτου λόγος

Ἄλλος γένοιτ' ἄν; ὥς δὲ τ' ἀληθὲς ἔχει,

Φρονεῖν τ' ἄμεινον, συντόμως ἐγὼ φράσω.

265 Ἦσάν ποτ', ἦσαν εὐμαθεῖς, εἶπερ τινες,
Οὐκ εὐμαθεῖς δὲ τὸν εὐπρεπεῖ πάντως λόγον.

Ἐχει γὰρ οὕτως· διττὸς ἡμῖν πᾶς λόγος,

Λέξεις τε, καὶ νοῦς· αἱ μὲν, οἷον ἔκτοθεν

Ἑσθῆμ', ὁ δ' ἔνδον σῶμα ἡμφιεσμένον.

270 Καὶ τοῖς μὲν ἄμφω καλὰ, τοῖς δὲ θάτερον·
Ἡ αἰσχροὺς αὖθις, ὡς μάθησις, ἢ φύσις.

Ἡμῖν δὲ, τοῦ μὲν ἐκτὸς οὐ πολὺς λόγος,

Ὅπως ποθ' ἔξει· τοῦ δ' ἔσω λίαν πολὺς.

Ἐν νῷ γὰρ ἐστὶν ἡμῖν ἡ σωτηρία,

если бы они не были причастны к той культуре⁴⁰,
в знании которой ты им отказываешь.

245 Может быть, ты скажешь о силе Духа,
и это будет справедливо, но обрати внимание на то,
что из этого следует:
ты-то разве не причастен Духу? и, само собой,
ты очень гордишься этим. Почему же ты лишаешь
культуры (λόγος)

тех, кто стремится к ней? Но ты, конечно, напрасно
250 приписываешь это⁴¹ природе Духа
и праведникам: свойство Первого — вдыхать Слово (lTgoj),
праведники же Им вдохновляются, и поэтому они
являются мудрыми⁴².

Таким образом, ты запутался в своих же словах,
о, ты, усердно говорящий именно
255 то, о чем лучше не болтать, но что должно скрывать
внутри себя.

Я знаю, что дух противников безгласен⁴³:
лучше, чтобы он молчал, чем говорил дурное.
Отверзи уста, Слово Божие, тех,
кто говорит правильно, и отяготи уста тех,
260 кто извергает, хрипя, шипение аспидов
и изливает из сердца братоубийственный яд.
Вот таков и ты: какой
еще может быть речь невежды? Какова же истина
и как лучше мыслить, я кратко расскажу.

265 Были некогда люди, выдающиеся, как никто другой,
но совершенно⁴⁴ несведущие в изящной словесности⁴⁵.
Ведь дело обстоит вот как: всякая наша речь двояка —
она состоит из слов и смысла; первые подобны внешней
одежде, а второй представляет собой находящееся внутри
тело, которое она одевает.

270 Причем, в то время как в одних случаях хороши
обе составляющие, в других только какая-нибудь одна;
а бывает так, что плохи обе составляющие —
как образование, так и природные способности оратора.
Мы же не проявляем большой заботы о том,
как обстоит дело с внешней стороной речи, но обращаем
внимание на ее внутреннюю составляющую.
Ведь наше спасение заключается во внутреннем смысле,

275 Πλήν ἐκλαλουμένῳ τε, καὶ δηλουμένῳ.
Πηγῆς τί κέρδος ἐστὶν ἐμπεφραγμένης;
Τί δ' ἡλιακῆς ἀκτῖνος, ἣν κρύπτει νέφος;
Τοιοῦτόν ἐστι νοῦς σοφὸς σιγώμενος,
Οἶον ῥόδου τὸ κάλλος, ὃ κάλυξ σκέπει
280 Οὐκ εὐπρεπής· τὸ τερπνὸν ἐκφαίνει δ', ὅταν
Αὔραις ῥαγεῖσα τὸν τόκον θεατρίσῃ.
Εἰ δ' ἦν αἰεὶ τὸ κάλλος ἐσκεπασμένον,
Οὐδ' ἂν τις ἦρος ἦν χάρις τοῦ τιμίου.

Οὐδὲν πλεον ζητοῦμεν, ὥς οὕτω λαλεῖν,
285 Ὡς οἱ δοκοῦσιν εὐτελεῖς τὰ τοῦ λόγου.
Εἰ δ' οὖν, παρίστη τὰς ἐκείνων ἐμφάσεις.
Αὐγῆς ποθῶ τι καὶ μέρος τῆς σῆς λαβεῖν.
Εἰ μὲν γὰρ οὐδὲν εἰσιν οἱ γεγραμμένοι
Λόγοι, τοσοῦτον πῶς ἐπαιζόμεν χρόνον
290 Ὡς πῶς θαλάσσης ψάμμον ἠρίθμουν μάτην,
Νύκτας συνάπτων ἡμέραις ἐν τοῖς πόνοις,
Ὡς ἂν τις ἔλθοι εἰς γε ῥυτίδας λόγος;
Εἰ δ' εἰσὶν, ὥσπερ εἰσὶν, εὖ γεγραμμένοι,
Μὴ δῶς ἀράχναις τῶν δικαίων τοὺς πόνους
295 Πέξευέ μοι τὴν λέξιν, ἀγροικοστόμει,
Οὐδὲν διοίσου· οἶδα καὶ βαίνειν κάτω.
Λιτὴ τράπεζα πολλάκις μοι φιλτέρα
Τῆς ὀψοποιῶν χειρὶν ἐξησκημένης.
Ἐσθῆς δ' ὁμοίως· ὥς δὲ κάλλος εὐπρεπές,
300 Οὐχ ὃ γράφουσι χεῖρες, ἢ φύσις δ' ἔχει.
Ὁ νοῦς ἀνείτω, καὶ τόδ' ἡμῖν ἀρκέσει.
Οὐδὲν τὸ κομψὸν, τοῖς θέλουσι δώσομεν.
Μή μοι τὰ Σέξτου, μηδὲ Πύρρωνος πλέκε·
Χρύσιππος ἔρρει, μακρὰν ὃ Σταγειρίτης.
305 Μηδὲ Πλάτωνος στέργε τὴν εὐγλωττίαν.

275 хотя и [не просто в смысле, но] в смысле,
изъясненном и раскрытом⁴⁶.

Какая польза в источнике, если он не имеет выхода,
или в солнечном луче, если он закрыт облаком?

Также и мудрая мысль, когда она молчит,
подобна красоте розы, скрываемой

280 некрасивой чашечкой: она являет свою
привлекательность, когда,
раскрытая дуновением ветра, выставяет напоказ
свой цветок.

Если же красота всегда была бы скрыта,
не было бы драгоценного очарования весны.

Мы ничего так не хотим, как произнести речь так,

285 как это делают те, кто считается неискусными в слове.
В противном случае покажи способность говорить
столь же выразительно⁴⁷.

Я очень хотел бы получить хоть сколько-нибудь
твоего света.

В самом деле, если Писания суть ничто,
зачем я потратил столько времени?

290 Для чего я впустую занимался «подсчетом
морского песка»,
соединяя ночи с днями в трудах,
чтобы какое-то понимание [Писаний] пришло ко мне
хотя бы в старости?

Если же Писания сами по себе хороши,
не отдавай паукам труды праведных⁴⁸!

295 Используй простую, пастушескую манеру речи —
я не имею ничего против этого: более того, и сам я умею
«ступать в простоте».

Обычный обед часто мне приятнее
приготовленного руками поваров.

Равным образом [мне приятны скромная] одежда
и внешняя красота,

300 не деланная, рукотворная, но природная [красота].

Пусть возвысится ум⁴⁹, и этого нам будет достаточно.

Никакого изящества — оставим его тем, кто стремится
к нему!

Не приводи мне⁵⁰ аргументов Секста⁵¹ и Пиррона⁵²!

Прочь, Хрисипп⁵³! Подальше, Стагирит⁵⁴!

305 Не возлюби сладкоречия Платона!

Ῥίψον τὸ κάλλος, ὧν τὰ δόγματ' ἀποστρέφῃ.
Ἐμφιλοσόφει τῇ εὐτελείᾳ τοῦ λόγου.
Ἡμῖν ἀρέσκεις, καὶ ἀπαιδεύτως λαλῇς.

Δίδαξον ἡμᾶς, ὡς θέλεις, δίδασκε δὲ,
310 Τίς ἢ Τριάς μοι, πῶς ἐνίζεται Θεὸς,
Καὶ τέμνετ' αὖθις, ἐν σέβας, φύσις μία,
Μονὰς, Τριάς τε, ἀγγέλων δὲ τίς φύσις,
Κόσμου τε δισσοῦ, καὶ προνοίας ἐνδίκου,
Καὶ πολλὰ μὴ δίκαια τοῖς πλείστοις δοκῇ.
315 Ψυχῆς τε, σώματός τε τίς λόγος, νόμων
Πρώτου τε, δευτέρου τε· σάρκωσις δὲ τίς
Τοῦ καὶ νοητῶν πλείστον ἐξεστηκότος.
Καὶ τῶν ἀνίσων μίξις εἰς δόξαν μίαν,
Νέκρωσις εἰς ἔγερσιν, οὐρανὸς πάλιν,
320 Ἀνάστασις δὲ, καὶ κρίσις τίνος λόγου,
Ἦ τίς δικαίοις, τίς δ' ἁμαρτωλοῖς βίος.
Πῶς ῥεῖ τὰ πάντα, φάσκε μοι, ποῦ δ' ἴσταται
Εἴ σοί τι τούτων ἐτρανώθη Πνεύματι,
Τὸ σύμπαν, εἴτε καὶ μέσως, εἴτ' ἐνδεῶς,
325 Ὅσον κεχώρηχ' ἢ κάθαρσις σῆς φρενός.
Μή με στερήσῃς· εἰ δὲ πάντῃ τυφλὸς εἶ
Τί χειραγωγεῖς μὴ βλέπων; Ὡ τοῦ σκότους
Τῷ μὴ βλέποντι χρωμένων διδασκάλῳ,
Ὡς εἰς βόθρον πέσωσι ἀγνοίας ἅμα!

330 Οὔτοι μὲν οὕτως· οἱ δὲ καὶ ἦσσαν κακόν·
Ἄγνοια γὰρ κακὸν μὲν, ἀλλ' ἦσσαν κακόν.
Τί δ' ἂν τις εἴποι, καὶ κακῶν μεμνημένος;
Εἰσὶν γὰρ, εἰσὶν ἀθλιώτεροί τινες,
Δύστην', ἀπευκτὰ τοῦ βίου κυβεύματα,
335 Τὴν πίστιν ἀμφιδέξιοι, καιρῶν νόμους,
Οὐ τοὺς Θεοῦ σέβοντες, Εὐριπποὶ λόγων
Παλιρρόοοι, ἢ κλάδων μετακλίσεις,

Отбрось красоту [тех мудрецов, от] учения которых
ты должен отвращаться!
Философствуй в простоте слова!
Ты нам приятен, хотя ты говоришь просто.

Учи нас, если хочешь, но учи.

310 Кто для меня Троица? Как соединяется Бог
и как, напротив, разделяется, в то время как едина
Его святость, природа,
Единица и Троица? Какова природа ангелов?
какова природа двоякого мира⁵⁵ и истинного предведения⁵⁶
(даже если многое не покажется правильным
большинству людей)?

315 Каковы причины души и тела⁵⁷, Законов —
первого и второго⁵⁸? Что есть воплощение
Того, Кто значительно превосходит умопостигаемые
сущности?
что есть смешение неравных природ для единой славы⁵⁹?
[Что есть] смерть [Христовой] для воскресения и тем самым
для неба?

320 Каково воскресение [мертвых] и каков Суд?
Какая жизнь ожидает праведников и какая грешников?
Почему все течет⁶⁰, скажи мне, и где останавливается?
Если тебе что-нибудь из этого открыто Духом —
все ли, половина ли, та ли часть,

325 которую позволяет [тебе знать] чистота твоего
разума —
не лишай меня этого! Но если ты совершенно слеп,
почему ты указываешь путь, когда сам лишен зрения?
О мрак

тех, которые имеют своим учителем незрячего,
чтобы упасть вместе с ним в яму неведения.

330 Эти — таковы⁶¹ (и они суть меньшее зло:
потому что хотя неведение есть зло, но это меньшее зло).
Но что сказать, если вспомнить о плохих,
так как есть, есть некоторые еще более дурные.
Злополучные, презренные игральные кости жизни;

335 двусмысленные в делах веры; почитающие законы
временной выгоды,
а не законы божественные. Их слова, подобно Эврипу⁶²
или гибким ветвям, колеблются вперед и назад.

Θῶπες γυναικῶν, τερπνὰ δηλητήρια,
Μικροῖς λέοντες, τοῖς κρατοῦσι δ' αὖ κύνες,
340 Πάσης τραπέζης εὐφυεῖς ἰχνεύμονες,
Θύρας κρατούντων ἐκτρίβοντες, οὐ σοφῶν,
Τὸ πρὸς χάριν τιμῶντες, οὐ τὸ συμφέρον,
Ὡς ἂν κακοὺς ποιῶσι καὶ τοὺς πλησίον.

Εἵπω τι τούτων καὶ σοφὸν, κελεύσετε;
345 Ὃς μὲν τις εὐγένειαν, ὃς δ' εὐγλωττίαν,
Πλουτόν τις ἄλλος, ὃς δὲ κομπάζει γένος.
Οἱ δ' οὐκ ἔχοντες, ἐξ ὅτου δόξουσί τι,
Ποιοῦσιν αὐτοὺς γνωρίμους πονηρίᾳ.
Σοφὸν δὲ καὶ τό· οὐ γὰρ εἰδότες λόγων,
350 Γλῶσσαν ἔδθησαν τῶν λαλιστέρων ὁμῶς.
Εἰ δ' ἦν τις ὀφθαλμῶν καὶ χερῶν ἕρις,
Καὶ ταῦτ' ἂν ἡμῶν ἐξεκόψατ', ὦ σοφοί!
Ταῦτ' οὐ πρόδηλος ὕβρις; οὐ βλάβη σαφής;
Τούτων ἀνέξεται τίς; ὦ μυστήριον!
355 Ἦδη σχεδὸν τι τῆς ὅλης οἰκουμένης,
Οἴαν λαβόντες ἐκ Θεοῦ σωτηρίαν,
Ὡς σφόδρα χρώμεθ' ἀναξίοις τοῖς προστάταις!
Βοήσομ' οὐ ψευδῇ μὲν, οὐχ ἥδιστα δέ.
Σκηνή τις (οἶμοι!) παίζετ' εὐπρεπεστέρα·
360 Νῦν τὰ προσωπεῖα, τὰ πρόσωπα δ' ὕστερον.
Αἰσχρὸν μὲν εἰπεῖν, ὥς ἔχει, φράσω δ' ὁμῶς.
Ταχθέντες εἶναι τοῦ καλοῦ διδάσκαλοι,
Κακῶν ἀπάντων ἐσμέν ἐργαστήριον,
Σιγῇ βοῶντες, καὶ δοκῶμεν μὴ λέγειν·
365 Πρόεδρος ἡ κακία· πονεῖτω μηδὲ εἷς·
Κακοὶ γίνεσθε, τοῦτο συντομώτατον,

Они — соблазн для женщин; они — отравя, приятная
на вкус;
они — львы по отношению к более слабым, но псы
по отношению к власти имущим;
340 они — хищники с прекрасным чутьем
на всякое угощение;
они истирают пороги дверей власти имущих, но не пороги
мудрых⁶³;
они думают только о своей выгоде, но не об общественной
пользе,
чтобы творить зло своим ближним.

Я могу рассказать и об их своего рода «мудрости»,
если позволите.

345 Один хвалится благородным происхождением,
другой красноречием,
третий богатством, четвертый семьей.

Те же, которые не имеют чем похвалиться,
достигают известности благодаря испорченности.

Но «мудростью» является и вот что: не владея речью сами,
350 они связывают с помощью закона язык тех, кто более
красноречив.

И если бы была некая борьба с использованием глаз
и рук,

вы удалили бы также и их, мудрецы!

Разве это не очевидное насилие и не явный вред?!

Кто потерпит все это? Таинственная вещь:

355 В то время как уже почти вся вселенная
получила от Бога столь великое спасение,
сколь недостойных предстоятелей⁶⁴ мы имеем [в Церкви]!
Я буду кричать о правде, хотя она крайне неприятна.

Думаю, что играется некая прекрасная театральная сцена:

360 сейчас [мы видим] маски, а потом⁶⁵
[увидим истинные] лица.

Мне стыдно сказать, как обстоят дела, но я все же скажу.

Хотя мы поставлены быть учителями блага,

мы являемся мастерской всех зол

и наше молчание кричит (даже если будет казаться,
что мы не говорим):

365 «Лукавство стоит во главе⁶⁶; пусть никто
не беспокоится об этом;

будьте дурными — это самое простое

Καὶ λῶον· ἡ δὲ πρᾶξις ἴσταται νόμος.
Μόλις γὰρ ἂν τις ἐκ βίας διδασκάλων
Νεύσειεν εἰς τὸ κρεῖσσον· εἰ δ' ἔχοι τύπον
370 Μοχθηρὸν, ἥλω. Ροῦς κατὰ πρᾶνοῦς τρέχων.

Τὸ δ' αἴτιον. Βολαῖς μὲν ἡλίου φασὶ
Κρίνειν νεοττῶν ὄψιν ἀετὸν πανσόφως·
Ἐξ ὧν νόθον μὲν, καὶ τὸ μῆ, γινώσκεται.
Καὶ τὸν μὲν ἐξεῤῥίψε, τοῦ δ' ἔστι πατήρ.
375 Ἡμεῖς δὲ πάντας ῥαδίως καθίζομεν,
Ἐὰν μόνον θέλωσι, λαοῦ προστάτας,
Οὐδὲν σκοποῦντες τῶν νέων, ἢ τῶν πάλαι,
Οὐ πρᾶξιν, οὐ λόγον τιν', οὐ συνουσίαν,
Οὐδ' ὅσον ἦχον γνωρίσαι νομίσματος,
380 Οὐδὲ χρόνου πύρωσιν ἐνδεδειγμένους,
Ἄλλ' αὐτόθεν φανέντας ἀξίους θρόνων.
Εἰ γὰρ τόδ' ἴσμεν, ὡς τὸν ἐξελεγμένον
Χεῖρω τίθῃσιν, ὡς τὰ πόλλ', ἐξουσία,
Τίς ἂν προβάλοιτ' εὖ φρονῶν, ὃν ἀγνοεῖ;
385 Καὶ εἰ τοσοῦτο τὴν ἐμὴν ἔργον μόνην
Ψυχὴν κυβερνᾷ ἐν βίου τρικυμίαις,
Πῶς παντὶ δώσεις αὐχένας λαοῦ τόσου,
Πλήν εἰ καταδύσαι τὸ σκάφος σπουδὴν ἔχεις;
Πόθεν λίθοι μὲν δυσπόριστοι τῶν καλῶν,
390 Καὶ γῆς ἀρώματ' οὐ τόπον παντὸς φέρειν,
Ἴππος δ' ὁ μὲν κάκιστος ἐν μέσῳ πολὺς,
Τὸν δ' εὐγενῇ τρέφουσιν οἵκοι πλουσίων·
Ὅ δὲ πρόεδρος ῥαδίως εὐρίσκεται,
Μηδὲν πονηθεὶς, πρόσφατος τὴν ἀξίαν;
395 Ὡς τῆς ταχείας τῶν τρόπων μεταστροφῆς
Πεσσῶν κυλίσματ' ἐν κύβοις τὰ τοῦ Θεοῦ.

и лучшее». Практическая деятельность становится
законом.
Ведь если иной даже под влиянием учителей
с трудом может
обратиться к благу, то когда есть
370 плохой пример, он пленен: он словно поток,
бегущий по склону.

Вот причина этого: говорят, что орел в лучах солнца
премудро судит о зрении новорожденных птенцов:
так он распознает, кто из них настоящий, а кто — нет.
Одного выбрасывает вон, признавая себя родителем
другого⁶⁷.

375 Мы же с легкостью поставляем на кафедру всех,
если только они желают этого, делаем их начальниками
над народом⁶⁸,
и при этом не исследуем внимательно ни их настоящее,
ни прошлое,
ни деятельность, ни подготовку⁶⁹, ни круг знакомых —
даже настолько, чтобы можно было распознать
«звон этих монет»

380 и то, очищены ли они огнем времени, —
но поспешно [поставляем] тех, которые показались
нам достойными престолов.

В самом деле, если мы знаем, что избранного
власть в большинстве случаев делает хуже,
то какой же благоразумный человек предложит того,
кого не знает?

385 И если для меня столь великим трудом является
окормление единственно своей души в житейских бурях,
то как ты доверишь каждому встречному бразды
правления столь великим народом,
если только ты не хочешь потопить корабль?

И в то время как трудно добыть драгоценные камни,

390 и не на всяком месте земли произрастают
благовонные травы,
и тогда как в дурных клячах нет недостатка повсюду,
чистокровных лошадей разводят в домах богачей, —
то почему предстоятеля находят с легкостью,
да еще новичка, который не понес трудов.

395 О быстрая перемена нравов!

О случайные повороты игры! О дело Божие, доверенное
игральным костям!

Ἦ κωμικὸν πρόσωπον, ἀδρόως τεθὲν
Τῶν εὐτελεστάτων τε καὶ μικρῶν ἐνί,
Πέφηνεν ἡμῖν οὗτος εὐσεβῆς νέος.
400 Πολλή τις ὄντως ἡ χάρις τοῦ Πνεύματος,
Εἶγ' ἐν προφήταις καὶ Σαοῦλ ὁ φίλτατος.
Χθρὲς ἦσθα μίμων καὶ θεάτρων ἐν μέσῳ
(Τὰ δ' ἐκ θεάτρων ἄλλος ἐξεταζέτω),
Νῦν αὐτὸς ἡμῖν ἡ ξένη θεωρία.
405 Πρώην φίλιππος, καὶ Θεῶ πέμπων κόνιν,
Ὡς ἄλλος εὐχὰς, ἢ νοήματ' εὐσεβῇ.
Τὸ δ' αἴτιον, πίπτων τις ἀρματηλάτης,
Ἦ τις τὰ δεύτερ' ἵππος ἐν δρόμοις φέρων.
Ἴππων δ' ἀήρ σοι κοῦφος ἀντετύπτετο,
410 Ὡς ἐκ φρενῶν πεσόντι καὶ μεμνηνότε
Νῦν εὐσταλῆς τις καὶ βλέπων αἰδῶ μόνην,
Πλήν εἰ λαθῶν που πρὸς τὸ ἀρχαῖον δρόμοις,
Ὡς λοξὸς, οἶμαι, πτόρδος ἐκφυγὼν βίαν
Χειρὸς κατευθύνουσαν εἰς ταυτὸν τρέχει.
415 Χθρὲς ῥητορεύων τὰς δίκας ἀπημπόλεις,
Στρέφων ἄνω τε καὶ κάτω τὰ τῶν νόμων,
Ἐξ ὧν ἀπώλλυς, οὓς ἔσωξεν ἡ δίκη,
Στάθμη δικαίᾳ χρώμενος τῷ πλείονι.
Νῦν μοι δικαστῆς, καὶ Δανιήλ τις ἀδρόως.
420 Χθρὲς μοι δικάζων σὺν ξίφει γυμνουμένῳ,
Τὸ βῆμ' ἐποίεις ἔννομον ληστήριον,
Κλέπτων, τυραννῶν, καὶ πρὸ πάντων τοὺς νόμους.
Ὡς ἡμερὸς μοι σήμερον! Οὐδ' ἐσθῆτά τις
Οὔτως ἀμείβει ῥαδίως, ὥς σὺ τρόπον.
425 Χθρὲς ἐν χορευταῖς ἐστρέφου θηλυδραῖς,
Γάμων δὲ κήρυξ ἦσθα Λυθαῖς ἐν μέσαις,
Ὡδὰς λυγίζων, καὶ πότοις γαυρούμενος.

Или: о комическая маска, одетая неожиданно
на одного из самых скверных и ничтожных людей:
и вот перед нами новый блюститель благочестия!

400 Поистине велика благодать Духа,
если среди пророков и дражайший Саул⁷⁰!

Вчера ты был среди мимов и театров
(а что было, кроме театров, пусть разужнает
кто-нибудь другой),
сейчас же ты сам для нас необыкновенное зрелище.

405 Прежде ты был страстным любителем лошадей
и посылал Богу пыль,
как иной возносит молитвы и благочестивые мысли.

Причиной этого бывали упавший возница
или лошадь, которая пришла второй на бегах;
тебя поражал легкий запах лошадей,

410 и ты был как сошедший с ума и неистовствующий.
Сейчас ты степенен, твой взгляд наполнен только
кротостью

(за исключением того, что втайне ты предан старой
страсти,
как, думаю, искривленный побег, который уклоняется
от руки, стремящейся его выпрямить, и возвращается
в первоначальное положение).

415 Вчера, ораторствуя, ты продавал судебные процессы,
поворачивая то в одну, то в другую сторону все,
что касается законов.

С помощью этого ты губил тех, кого должна была
спасти справедливость,
используя в качестве истинной меры большую мзду.
Сейчас же ты внезапно стал мне судьей и как бы
вторым Даниилом⁷¹.

420 Вчера, когда ты судил меня с обнаженным мечом,
ты сделал суд узаконенным вертепом разбойников,
крадя, чиня насилие прежде всего против законов.
Сегодня как же ты кроток! Никто одежду
не меняет так легко, как ты свои нравы!

425 Вчера ты находился среди женоподобных
танцовщиков,
вместе с Лидийскими женами участвовал в непристойных
плясках,
выводил песни и гордился попойками.

Νῦν σωφρονιστῆς παρθένων καὶ συζύγων·
Ὡς σου τὸ καλὸν ὑποπτον ἐκ τοῦ πρὶν τρόπου!
430 Σίμων Μάγος χθές, σήμερον Πέτρος Σίμων.
Φεῦ τοῦ τάχους! φεῦ, ἀντ' ἀλώπεκος λέων!

Σὺ δ' εἶπέ μοι, βέλτιστε, καὶ πράκτωρ φόρων,
Ἦ καὶ στρατοῦ τιν' ἐκλελοιπὼς ἀξίαν,
Πόθεν πένης ὦν, εἶδ' ὑπερβαλὼν Κύρον
435 Τὸν Μῆδον, ἢ τὸν Κροῖσον, ἢ Μίδαυ πόροις,
Πλήρη τὸν οἶκον δακρύων κεκτημένος,
Μετῆλθες εἰς τὸ βῆμα, καὶ κρατεῖς θρόνου,
Ἐπειτα πάντα συλλαβὼν ἔχεις βία,
Τέλος, τυραννῶν καὶ Θεοῦ μυστήρια
440 Οἷς οὐδὲ θάρρῃν προσβλέπειν ἐχρῆν ἴσως
Τοὺς μὴ λίαν πόρρωθεν ἡντρεπισμένους;
Τὸ λουτρὸν, ἢ κάθαρσις ἐξήμειψέ σε;
Μεῖνον· φανήτω· καὶ τί σοι φθονήσομεν;
Ἐμὸν τὸ κέρδος· τῷ χρόνῳ τι δὸς μόνον·
445 Αἰτῶ σε μικρὰν τοῦ πόδου προδεσμίαν.
Εἰ δὲ καθαρθεῖς σήμερον δώρω Θεοῦ,
Βρύεις τὸν αὐτὸν βόρβορον ἐκ ῥαθυμίας,
Πηγῆς μενούσης, ἢ βρύει τὰ πρὶν κακὰ
(Ἦ γὰρ πλύσις κάθαρσις οὐ πάντως τρόπου,
450 Τῶν δ' ἐκφυέντων ἐκ τρόπου βλαστημάτων),
Σαφῶς τόδ' ἴσθι, πένδιμος ἡ σωτηρία.
Ὅσῳ τὸ πρὶν μὲν δεξιαι γοῦν ἐλπίδες·
Νῦν δ' οὐδὲ τοῦτο. Ἐν χάρισμ' ἐνὸς Θεοῦ.

Ἔστω δὲ μὴ κακός τις· ἀρκέσει τόδε;
455 Καὶ κηρὸν οὖν στέργομεν, ὅς τύπους πάλαι

Сейчас ты блюститель целомудрия дев и замужних
женщин.

Как подозрительна твоя благость, если учесть твои
прежние привычки!

430 Вчера Симон Волхв, сегодня Симон Петр!

Ах какая быстрота: вместо лисы — лев!

Скажи мне, любезный, ты, бывший сборщиком податей
или оставивший какую-нибудь должность в армии,
как ты, будучи прежде бедным, а затем превзошедший Кира
435 Мидийца⁷², или Креза⁷³, или Мидаса⁷⁴ своими доходами
(владея домом, который полон слез),

проник в святилище⁷⁵ и завладел престолом?

Как затем ты взял силой все и обладаешь этим?

Как, наконец, ты захватил насильно и самые Божественные
таинства,

440 на которые не должны даже смотреть

те, кто не имеет еще достаточно продолжительной

подготовки?

Тебя изменило крещение, которое является очищением?

Постой! Пусть это будет явлено! Чему тут завидовать?

Мне это только на пользу — дай только срок.

445 Прошу тебя немного потерпеть с твоим желанием.

И если сегодня, хотя ты очищен даром Божиим,

ты по нерадивости выплескиваешь ту же самую грязь,

поскольку остался ее источник, который выплескивает

прежние пороки:

ведь крещение не есть очищение характера человека,

450 но очищение лишь того, что произрастает

из его характера,

тогда пусть станет ясным для тебя следующее: твое

спасение прискорбно.

Сколь прежде были благоприятны по крайней мере

надежды!

Но теперь нет и этого: есть только благодатный дар⁷⁶

одного Бога.

Предположим, что некто неплохой человек. Достаточно

ли будет этого?

455 И что же, мы будем любить самое восковую дощечку,

которая переписана и с нее стерты прежние

отпечатки?

Τοὺς πρὶν λεανθεῖς, τοὺς καλοὺς μετεγγραφῇ.
Γενοῦ Ζαχαῖος· τοῖς μὲν ἡδίκημένοις
Μὴ πλεῖον, αὐτὸ τὸ κεφάλαιον, εἰ δοκεῖ,
Μόνον κατάρδες· οὐ γὰρ φέρεις τὸ τοῦ νόμου.
460 Τοῖς δ' αὖ πένησιν εἰσένεργχ', ὅσον θέλεις,
Καὶ τότε Χριστὸν ἐστιάσεις ἀξίως.
Εἰ δ' ἔνδον ὄντων τῶν σκύλων, ἥν μικρὰ δοὺς
Πένησιν, οἷε τυγχάνειν ἐλεύθερος,
Τὸ θεῖον ἡμῖν πέπρατ', εἰ θέμις λέγειν.
465 Πῶς γὰρ δίκαιον, τὴν βλάβην μὲν τὴν ἐμὴν
Ἐλῦτον εἶναι, σοὶ δὲ τὸ χάρισμα ἔχειν,
Τὸ μὴ δίκας δοῦναί σε τῶν τολμημάτων;
Ἐχεις χάρισμα; τῶν δ' ἄλλοτρίων γενοῦ
Πόρρωθεν· οὕτως ἡ κάθαρσις παντελής.
470 Εἰ δ', ἡνίκ' ἤσθα τοῦ χαρίσματος μέσος,
Εἶχες τὰ μὴ σὰ, μηδὲ πάντ' ἐξεπλύνου,
Ὅκνω τὸ ἐξῆς, παντὶ δ' οἶομαι σαφές.
Ζήτει χάρισμα· νῦν γὰρ οἶδ' ὀφειλέτην,
Κὰν ὁ θρόνος σε λῖαν ὑψηλὸν φέρῃ.
475 Ὡν ἡδίκηκαμεν γὰρ, οὐχ ὧν πταίομεν,
Τὸ λουτρὸν ἐξάλειψις. Ὡστε παντελῶς
Σαυτὸν καθαίροις, ἀλλὰ νυνὶ μὴ γελῶ,
Ἐλλους καθαίρων αὐτὸς ἐσπιλωμένος.
Εἰ μὴ μόνω σοι τοῦτο ἐκ Θεοῦ γέρας,
480 Ὡς ἂν γράφει χεὶρ βασιλέως πρὸς χάριν,
Τὸ καὶ προσεπαινεῖσθαί σε τῆς τυραννίδος.
Εἰ δ' οὐδὲ τὸ λουτρὸν ἐκκαθαίρει παντελῶς
Τοὺς, ὥσπερ εἶπον, τὴν χάριν δεδεγμένους
(Θεὸν γὰρ οὐποτ' οὐδὲ εἰς σοφίζεται,
485 Τὸν συνδέοντα καὶ σοφοὺς σοφωτέροις),
Τίς ἂν καθήρῃ τῶν μετὰ κρίσιν κακῶν

Стань Закхеем⁷⁷: верни несправедливо обиженным
хотя бы то, что, по твоему мнению, является самым
необходимым,
не больше (раз уж ты не можешь исполнить предписанное
законом).

460 Бедным же дай, сколько хочешь,
и тогда только ты достойно примешь Христа
за твоей трапезой.

Но если захваченное⁷⁸ остается у тебя и ты думаешь,
будто, давши немного бедным, ты свободен⁷⁹,
то выходит, что мы продали Бога, если можно так сказать.

465 В самом деле, справедливо ли, что вред,
причиненный мне,
остается, ты же, напротив, имеешь благодать
в том смысле, что не расплачиваешься за свои наглые
выходки?

Итак, у тебя — благодать? Но откажись от чужого,
И тогда очищение будет совершенным.

470 И если, в то время как ты был причастником
благодати,
ты владел не своим и не смыл с себя всего,
я боюсь того, что за этим последует: думаю, всем ясно,
о чем я говорю.
Ищи благодать! Потому что сейчас я вижу в тебе
должника,
хотя кафедра поднимает тебя на большую высоту.

475 От тех несправедливостей, которые мы совершили,
но не от тех, которые мы совершаем,
очищает нас крещение. Поэтому
очищай себя совершенным образом. Но сейчас
не становись посмешищем:

очищаешь других, а сам остаешься запачканным
(если только ты не получил от Бога дар —

480 подобно милости, пожалованной императором —
быть удостоенным похвалы за свое тиранство).

Если даже крещение не очищает совершенным образом
тех, которые, как я сказал, восприняли благодать
(ведь никто никогда не сможет обмануть Бога,

485 Который даже мудрецов ставит в тупик способами
еще более мудрыми), —
кто тогда сможет смыть злодеяния, совершенные
после помазания⁸⁰,

Τοὺς αὖτις ἐγχρωσθέντας ἰλύος βάθει,
Καὶ τῆς ἄνωθεν εἰκόνοσ τὴν ἀξίαν
Καθυβρίσαντας ἐρπετῶν ἢ θηρίων
490 Μορφαῖς, ἀφ' ὧν ποιοῦμεθα ζηλουμένων;
Πλάστης γὰρ ἄλλος ὁ τρόπος καδίσταται,
Ὅν ἔργον ἐκρίψαι τε καὶ πόρρω βαλεῖν.
Οὐδὲν γάρ ἐστι δεύτερον καδάρσιον.
Ἄπαξ γεγέννημ', εἴτ' ἀνεπλάσθη Θεῷ.
495 Τυχόν τιν' ἄλλην ὕστερον πλασθήσομαι
Πλάσιν, καθαρθεῖς τῷ φιλοτρόπῳ πυρί.
Νῦν δ' οὐδὲν οἶδα φάρμακον, πλὴν δακρύων,
Ἐξ ὧν συνούλωσις μὲν ἔρχεται μόγις,
Οὐλαὶ δ' ὅμως μένουσιν, ὡς ἐμὸς λόγος,
500 Τῶν πρὶν κακίστων τραυμάτων κατήγοροι.
Εἰ δ' ἔστιν, ὅστις καὶ πλέον θάρρει Θεῷ,
Ἐμὸν τὸ κέρδος· πειθέτω μόνον λέγων.
Εἴποι τάχ' ἂν τις, ὡς ἐπισκόπων χέρες,
Τό τ' ἐν μέσῳ κήρυγμα, λουτροῦ τις χάρις,
505 Ἄς τ' ἐκβοῶμεν, ὡς ἀνάξιοι, μέσας
Φωνάς, διδόντες τὴν κάθαρσιν τῇ κλίσει,
Καὶ τῷ τυραννήσαντι δηρὸν Πνεύματι,
Κρίσει δικαίων καὶ σοφῶν ἐπισκόπων.
Οὓς θάπτον οἶμαι τοῦ μύσουσ τι λαμβάνειν,
510 Ἦ τῆς ἐαυτῶν λαμπρότητος προσνέμειν.
Ῥᾶον κακοῦ γὰρ ἢ καλοῦ μετουσία·
Γνώση δ' ἐκείθεν, ὡς ἀληθεύει λόγος.
Κρέας γὰρ εἰ ψαύσειεν ἡγιασμένον
Ποτοῦ, Μιχαίας φησὶν, ἢ βρωτοῦ τινος,
515 Οὐκ ἂν ποδ' ἀγνίσειεν, οὐ φαῦσαν τύχοι·
Ἐκ τῶν δ' ἀνάγνωιν ἀγνὰ κοινωθήσεται.
Ταῦτ' οὖν ὁ θεῖος Παῦλος εὖ πεπεισμένος,
Ἐν οἷς τυποῖ Τιμόθεον ἐξ Ἐπιστολῆς,
Νόμον τίθησι, μὴ προχειρῶς τὰς χέρας
520 Ἄγειν ἐπ' ἄλλον, μηδὲ κοινουῖσθαι τρόπον·
Ἀρκεῖν γὰρ ἡμῖν φόρτον οἰκείων κακῶν.

с тех, которые снова до краев наполнены грязью
и которые достоинство божественного образа
оскорбляют личинами гадов и хищных зверей,
490 каковым уподобляемся, когда им подражаем?
В самом деле, характер становится вторым творцом:
его трудно отбросить и отдалить от себя⁸¹,
поскольку не существует второго очищения⁸².
Один раз я родился, затем был вновь сотворен⁸³ Богом.
495 Может быть, буду сотворен еще раз позже⁸⁴,
когда буду очищен человеколюбивым огнем.
Сейчас же я не знаю никакого лекарства, кроме слез⁸⁵,
с помощью которых с трудом достигается заживление,
между тем рубцы, как я думаю, остаются
500 и обличают прежние тяжелейшие язвы.
Если же есть кто-нибудь, кто более уповает на Бога,
это и мне на пользу: только пусть он убедит меня
своими доводами.

Может быть, кто-то скажет, что руки епископов⁸⁶
и публичное провозглашение⁸⁷ суть нечто подобное
благодати крещения,
505 вкупе со словами о нашем недостойнстве, которые
мы возглашаем всенародно,
и при этом сила очищения приписывается
коленопреклонению
и, конечно, властвующему Духу, —
согласно суждению справедливых и мудрых епископов,
которые, думаю, скорее готовы опозориться,
510 чем украсить свойственным их сану блеском.
Ведь легче быть причастником зла, нежели блага!
А что моя мысль верна, узнаешь вот на основании чего:
если освященное мясо прикоснется,
по словам Михея⁸⁸, к какому-нибудь питью или еде,
515 оно не освятит тем самым то, к чему прикоснется,
тогда как чистое осквернится от прикосновения
к нечистому.
Поэтому божественный Павел, твердо убежденный в этом,
когда в своем послании наставляет Тимофея⁸⁹,
предписывает ему не возлагать поспешно руки
520 ни на кого, чтобы так не запятнать себя,
потому что нам достаточно своих грехов.

Ἔστω δὲ λουτρὸν, εἰ δοκεῖ, καὶ τοῦτό σοι.
Τίς ἐγγυᾶται τὸν τρόπον, χρόνου δίχα,
Δεικνύντος, ὡς ἔσμηξε καὶ βάθος χάρις,
525 Ἀλλ' οὐκ ἐπιπολῆς, ὡς βαφή τις ἐκ πόας
Ἡ λαμπρότης, ἧς καὶ τὸ καλὸν ἐκπλυτον;
Ἔστω δὲ καὶ τοῦθ' ἡ κάθαρσις παντελής·
Ὁ βαδμὸς ἡμειψέν σε· ἄγγελον βλέπω.
Τοῦτ' οὖν ὁ πιστὸς, καὶ σέβων ἐμοὺς νόμους,
530 Δώσει προθύμως, ἐνδιδοὺς τῷ δόγματι.
Ὁ δ' ἐκτὸς οὐδέν' οἶδε, πλην εὐδοξίας,
Ὅρον τίθεσθαι τοῦ καλοῦ τῆς πίστεως·
Ὅς τῶν μὲν αὐτοῦ μηδὲ ἐν λογίζεται,
Τῶν σῶν δὲ πικρὸς ἴσταται κατήγορος·
535 Πῶς τοῦτον, εἰπὲ, πείσομεν δόξαν λαβεῖν
Ἀλλην, παρ' ἣν δεδώκαμεν τῷ πρὶν βίῳ;
Πῶς γλῶσσαν ἐμφράξομεν, ἢ τίσιν λόγοις;
Περιφρονεῖν γὰρ οὐδὲ τοῦτ' ἐμῶν νόμων,
Οἳ πάντοθεν ξέουσιν, ὡς ἄγαλμά τι,
540 Τὸν προστάτην, ὡς μή τι τοῦ λαοῦ βλαβῇ.
Καὶ τοῦτ' ἀφήσω, τὴν χάριν δόξη κρατεῖν.
Πάντες τεθήπασί σ', οὐδ' ὁ μῶμος ἄπτεται.
Εὐδὺς μετ' Ἡλίαν σὺ τῷ σεμνῷ λόγῳ.
Πῶς ὢν ἄπειρος κάμαθῆς ἄνω κάθη
545 Τῶν ἐκπονουμένων τε καὶ ποδουμένων
Πολλοῖς; τέθηπά γ', εἶγε σοι ποδουμένων.
Τὸ γὰρ φρόνημα οὐδὲ μὲν μαθεῖν ἔα,
Πείθον τὰ μὴ προσόντα ῥαδίως ἔχειν.
Ἀλλ' οὐχὶ τοῦτο· ἀλλ' ἐκεῖνο πῶς φύγῃς,

Допустим, если хочешь, что это⁹⁰ аналогично крещению.
Только кто поручится, если не будет доказано временем,
что благодать очистила характер глубоко,

525 а не поверхностно, как это бывает с красками,
созданными на основе трав,
или с блестящими вещами, красота которых
смывается водой?

Допустим также, что епископство есть совершенное
очищение.

Высокое положение изменило тебя: я вижу ангела.

Верующий, уважающий те же законы, что и я,
530 примет это с готовностью, потому что верит учению
[Церкви].

Но тот, кто стоит вне [Церковной ограды], не знает,
как иначе судить о благе веры,
если [у священнослужителей] нет доброго имени:
и хотя он не видит ни одного своего
недостатка, он становится строгим обличителем твоих.

535 Как, скажи, мы убедим его составить о нас
иное мнение, отличное от того, которое уже внушили ему
своей жизнью?

Как заградим ему уста? И какими доводами?
Ведь просто пренебречь такими упреками — не в моих
правилах,

Согласно которым предстоятель — словно некая статуя —
должен быть

540 повсюду отшлифован, чтобы никто из народа не впал
в соблазн.

И в том я соглашусь с тобой, что добрая слава делает
благодать более действенной.

Все поражены тобой, и не касается тебя хула.

Сразу после Илии — ты⁹¹, если сказать торжественно.

Но почему ты восседаешь так высоко, если ты неискушен
и невежествен

545 в том, чем ревностно занимаются и к чему стремятся
многие? [Я разумею добродетели, причем] я бы удивился,
если бы это было предметом и твоих желаний,

поскольку гордыня не позволяет тебе овладеть [ими],
внушая тебе убеждение, что ты с легкостью обладаешь
теми качествами, которых на самом деле не имеешь.

Но допустим, что это не так; но как ты сможешь избежать

550 Ὅμοῦ μαθητῆς καὶ διδάσκαλος δοκεῖν,
Θήγοντα θήγων, ὡς ὀδόντες τῶν συῶν,
Δέον διδάσκειν ἐκμαθόντα τοὺς νόμους·
Τίς ἢ τοσαύτη σύγχυσις τοῦ πράγματος;
Πόθεν τὸ δόγμ' εὖωνον οὕτω γίνεταί;
555 Πύκτης μὲν οὐδεῖς, ὅστις οὐ τὸ πρὶν χέρα
Προὔβάλλετ', οὐδ' ἐσκέψατ' εὐκαιρον στάσιν.
Οὐδὲ σταδιεὺς μὴ τῶ πόδε προγυμνάσας.
Αὐλοὺς δὲ τίς ποτ' εὐφρονῶν αὐδήμερον
Τέτμηκεν, ἐξήσκησεν, ἡγωνίσαστο;
560 Γραφεὺς δὲ τίς ποτ' ἄκρος ἠκούσθη ποτὲ,
Μὴ πολλὰ μίξας χρωμάτων μορφώματα;
Ἐρῶτήρευσεν δ', ἢ νόσους τίς ἤλασε,
Πρὸ πλειόνων λόγων τε καὶ νοσημάτων;
Μικροῦ γ' ἂν ἦσαν αἱ τέχναι τιμήματος,
565 Εἰ τῷ θέλειν ὑπῆρχε τὸ κτᾶσθαι μόνον.

Τὸν δὲ πρόεδρον δεῖ κελευσθῆναι μόνον
Εἶναι καλόν τε κάγαθόν παρ' αὐτίκα.
Καὶ τοῦτ' ἐκεῖνο· Πραῖξις ἐστὶν ἡ φάσις.
Χριστὸς κελεύει, καὶ κτίσις παρίσταται.
570 Καὶ τοῦτο σιγῶ. Πῶς δὲ σὺ βλέπων κάτω
Τοῦτον μένοντα τοῦ Θεοῦ παραστάτην,
Ψαυχενεῖς τε καὶ θρόνων στέργεις κράτος,
Ἄλλ' οὐχὶ φρίσσεις, οὐδ' ἐπιτρέμεις θρόνοις,
Μὴ βοῦς ἐλαύνης κρείσσονας βοηλάτου;
575 Σκόπει γὰρ οὕτως, εἰ σχολή σοι καὶ βλέπειν.
Οὗτος χαμεύνης, καὶ κόνει βεβρωμένος,
Καὶ σάρκας ἐξέτηξεν ἀγρυπνίαις,

550 того, чтобы не выглядеть сразу и учеником,
и учителем
(то есть не «точить точащего», подобно клыкам свиней),
хотя должно научать законам, прежде тщательно
изучив их.

До какой же степени все перепуталось!
На каком основании наше учение оказывается столь
дешевым?

555 Нет ни одного кулачного бойца, который прежде
не научился бы
обороняться и выбирать удобную позицию,
ни бегуна, который не упражнялся бы в беге.
Кто, будучи в здравом рассудке, в один и тот же день
стал бы вырезать флейту,
учиться флейте и в игре на ней соревноваться?

560 Слыхано ли было когда-либо о каком-нибудь
искусном художнике,
который бы не смешивал множество видов красок⁹²?
Кто ораторствовал или же исцелял недуги
прежде нежели изучил искусство произнесения речей
или характер болезней?

Сколь малого бы стоили искусства,
565 если, только захотев, можно было бы тотчас
овладеть ими!

Но довольно всего лишь приказа, и предстоятель
в один миг оказывается полным совершенством⁹³!
Это тот самый случай, когда говорят: «Сказано —
сделано».

Христос приказывает, и тварь — тут как тут!

570 Впрочем, об этом молчу. Но как же ты можешь,
взирая сверху вниз
на того, кто остается служителем Божиим,
раздуваться от спеси и стремиться к власти престола,
вместо того, чтобы, пребывая на нем, содрогаться
и трепетать
от мысли, что ты пасешь волов, которые лучше своего
волопаса?

575 Рассмотрим это вот каким способом, — если у тебя
есть время хотя бы бросить на это взгляд:
этот человек спал на земле и пропитался пылью,
изнурял плоть в бдениях,

Ψαλμωδίαις τε καὶ στάσει νυχθημέρῳ,
Καὶ νοῦ πρὸς ὕψος ἐκ πάχους ἐκδημίαις.
580 Τί γὰρ τάφοις δεῖν εἰσφέρειν τε χροῦν ὅλον,
Σκώληξί τ' εἶναι δαφιλεστέραν τροφήν,
Γεννῶντα, καὶ τρέφοντα τοὺς γεννωμένους;
Καὶ δακρύων ἔσμηξε πηγαῖς τοὺς σπύλους,
Εἴ πού τιν' εἶχε καὶ βραχὺν ῥαντίσμασιν,
585 Οἷς βάλλεθ' ὅστις καὶ σοφὸς πηλῶ βίου·
Τύποις τε σαρκῶν ἐσφράγισται τιμίους
Ἐσκληκότων εὐχῇ τε καὶ πολλοῖς πόνοις,
Οἷς ἡ παλαιὰ γεῦσις ἐτρύχασέ με
Εἰς γῆν στραφέντα τὴν ταπεινὴν μητέρα,
590 Ῥίγει τε, πείνη, καὶ στενοῖς ῥακώμασι
Ποδῶν λαβεῖν ἔνδυμα τὴν ἀφθαρσίαν,
Καὶ γαστρὸς ὕβριν ἐνδεεῖ κατ' ὕβρισε
Τροφῇ, τὸ θνήσκειν μνώμενος κατ' ἡμέραν.
Τροφήν γὰρ οἶδεν ἀγγέλων ἀπλὴν Θεόν.
595 Οὗτος πένης νῦν, ἥ δ' ὅτε ζάπλουτος ἦν·
Ἄλλ' ἐκβολὴν ἔστερξε, καὶ κοῦφος πλέει,
Ῥίψας πένησιν, οὐ βυθῶ, τὸ φορτίον.
Οὗτος φυγῶν πόλεις τε καὶ δήμου κρότους,
Καὶ τὴν ζάλην, ἥ πάντα τὰν μέσῳ στρέφει,
600 Τοῦ νοῦ τὸ κάλλος τῷ Θεῷ συνήρμοσε,
Μόνος τὰ θεῖα καὶ μόνῳ κοινούμενος.
Οὗτος τὸ καλὸν σῶμα (πῶς γὰρ οὐ καλὸν
Τὸ τῶν ἀρίστων) μαργάροις συνέκλεισε,
Δεσμοῖς σιδηροῖς, λαθρίῳ κοσμήματι,
605 Σφίγγας ἑαυτὸν οὐδὲν ἡδίκηκότα,
Ὡς μήποθ' ὕβρισειεν ὦν ἐλεύθερος,
Καὶ συνδέων αἰσθήσιν αὐτῷ τὴν πλάνην.
Τούτῳ τὸ Πνεῦμ' ἔδειξε γράμματος βάθην,
Λύσαν τὰ πολλῶν ἐσφραγισμένα φρεσί.

610 Τοιαῦτα κάλλη καὶ σύ μοι φράζειν τὰ σά·
Οἶκος, γυνὴ σφριγῶσα, τεκνίων ὁδὸς,

псалмопениях и денно-нощном [молитвенном] стоянии,
изгоняя свой ум от праха к горнему⁹⁴

580 (в самом деле, зачем нужно нести во гроб
весь свой прах⁹⁵

и быть для червей более обильной пищей,
которая их рождает и рождающихся питает?),
потоками слез смыл пятна [грехов],
если у него где и было какое-нибудь хоть маленькое
пятнышко от брызг,

585 которые пачкают даже мудреца в жизненной грязи.
Он запечатлен досточтимыми отметинами плоти,
иссушенной молитвой и многими трудами
(которыми прародительское вкушение⁹⁶ истерзало меня,
обратив к земле, матери-кормилице),

590 холодом, голодом и убогими лохмотьями
(поскольку он желал облечься в нетление).

И ненасытность чрева он обуздал малостью
пищи, каждодневно помышляя о смерти,
ибо он знает, что единственная пища ангелов — Бог.

595 Сейчас он беден, хотя некогда был весьма богат,
но возлюбил изгнание и плывет налегке,
бросив всю свою кладь бедным (а не в море)⁹⁷.

Он убежал из городов, от шума толпы

И от бури, которая переворачивает все, что застигает,

600 для того чтобы согласовать с Богом красоту ума,
войдя в общение с божественными сущностями один
на один⁹⁸.

Свое прекрасное тело (как же не назвать прекрасным
то, что благородного происхождения?) он оправил
в «жемчуг» —

тайное украшение железных вериг.

605 Он утеснил себя, не сделавшего никакой
несправедливости

(чтобы никогда не допустить бесчинства, если он будет
свободен),

и укротил в себе вводящее в заблуждение чувство.

Ему Дух явил глубину Писания,
опровергнув то, что запечатлелось в сознании
большинства.

610 Расскажи мне и ты о своих благах:

о доме, о раздраженной жене, о донимающих детях,

Κτήσις, κελευσταὶ, πράκτορες, βοαὶ, δίκαι,
Ἄπαντα μεστὰ φροντίδων καὶ πραγμάτων.
Τράπεζα φλεγμαίνουσα τῶν αἰοιδίμων
615 Ταῖς ὀψοποιῶν καὶ κερασμάτων πλοκαῖς,
Γῆς καὶ θαλάσσης καρποφορούντων ἐντέροις
(Ἐξ ὧν ὁ νοῦς βαπτίζετ', οὐδ' ἔχει πλάτος),
Μύροις, γέλωσι, ψαλμάτων συνουλίαις,
Οἷς κυμβάλων δεῖ καὶ ποδὸς ψοφημάτων.
620 Ἄλλοι δὲ λύσσης ἔμπλεοι τῆς συμφύτου,
Νοσοῦντες, οἰδαίνοντες, ἐστιλβωμένοι
Γυναιξίν, ἄρτι νυμφίοι, τὸ μέτριον,
Οὔπω λύσαντες παστάδας γαμηλίους,
Ἡ καὶ πόθοις συζῶντες ἀζύγοις ἔτι,
625 Πρὶν καὶ παρειὰν, ἀνδρικῶ κοσμήματι,
Θριξίν καλύψαι, παντελῶς ἀρτίχνοοι,
Νέοι τὸ σῶμα, τὸν τρόπον νεώτεροι,
Ἡ καὶ παλαιῶν ἡμερῶν, πλήρεις κακῶν.
Ἐπειτ' ἀσάρκων εἰσὶ τέκνων προστάται,
630 Ἄ πνεῦμα τίκτει σαρκὸς ἐξενωμένον.
Τιμῶν πάθη μαθόντες, οἷς πεπόνθασι,
Συνήγοροι σφῶν ἐν κακοῖς ἀλλοτρίοις.
Διδόντες, ὥσπερ λαμβάνουσ', ἐξουσίαν.

Οὔτοι μὲν οὕτως· καὶ τάχ' ἂν καὶ βελτίους
635 Αὐτῶν γενόμενοι, κωλύονται τοῖς θρόνοις.
Τὸ γὰρ κρατεῖν τὸν ἄφρονα ποιεῖ χεῖρονα.
Ὁ δ' ἐγκρατῆς ἔστηκεν ἡτιμωμένος,
Κάτω νενευκῶς, πρὸς Θεὸν μόνον βλέπων,
Στέργων μαθητοῦ χώραν, οὐ μὴδ' ἄξιος
640 Ἴσως μαθητῆς, οὗτος ὁ νῦν διδάσκαλος.
Εἵπερ τὸ κρατεῖν οὐ τόπῳ γνωρίζεται.
Τοιαῦτ' ἐν ἡμῖν ἰσχύειν τὸν βάσκανον!
Οὔτω σοφίζετ' εὐστόχοις πονηρίαις,

об имуществе, о дворецких, о сборщиках податей,
криках, судах:

все полно тревог и забот.

Стол блистает яствами

615 благодаря ухищрениям поваров, искусных
в смешении того,

что земля и море приносят желудку

(в каковое ум погружается и не имеет более должной
широты⁹⁹),

полон благовоний, смеха, песен в сопровождении флейты,
зовущих ударять в кимвалы и притопывать ногами.

620 А других захлестывает врожденная похотливость:

одержимые страстью, распаленные, воспламеняемые

женщинами, молодые, с позволения сказать, женихи,

еще не имевшие брачного ложа;

или те, которые сожительствуют вне брака

со своими любовницами, еще

625 прежде, нежели их щеки покроются мужским

украшением — бородой, совершенные юнцы

не только телом, но еще более характером;

или те, что полны грехов давних дней;

затем те, которые суть покровители чад не по плоти,

630 рождаемых бесплотным Духом:

научившись поклоняться страстям, которым они

предавались,

они становятся покровителями собственных грехов

в чужих пороках

и позволяют другим ту же распущенность, какую

позволяли себе.

Вот таковы они. Может быть, они и сделались бы лучше,

635 но им мешают престолы,

ибо власть делает безумца еще хуже.

Воздержный же, претерпевая бесчестье, стоит

с опущенной головой, устремляясь к одному только Богу,

довольствуясь уделом ученика, хотя его учеником

недостойн

640 быть его нынешний учитель, —

если только власть над кем-то понимается не в смысле

местоположения.

Настолько среди нас силен завистник¹⁰⁰!

Так он хитроумно измышляет лукавства, которые бьют точно

в цель,

Ὅταν δῆμόν τιν', ἢ πόλιν πληῖσαι θέλῃ.
645 Πρὸς οἷς ἐκάστου πειρᾶται, καὶ σύντομον
Νόμον δίδωσι πονηρίας τὸν προστάτην.
Ἐπειτα χαλκὸς χρυσὸν ἡμφιεσμένος,
Ἡ καὶ χαμαιλέοντος ἑκστασις χροῶς,
Πώγων, κατηφὲς ἦθος, αὐχένος κλάσις,
650 Φωνὴ βραχεῖα, πιστὸς ἐσκευασμένος,
Νωθρὸν βάδισμα, πάντα, πλήν φρενὸς, σοφὸς,
Τὸ πρῶτον ἐν πρῶτοις τε τῶν νυνὶ καλῶν,
Ἐφουδ' τὸ σεπτὸν, ἢ Σαμουήλ διπλοῖς,
Σκίμπους ταπεινὸς, οὐδ' ὅλως δεσμούμενος,
655 Τὰ πρὸς κάρηνον παρθένων κοσμήματι
Λίνφ περισφίγγων τε καὶ σακκούμενος,
Τὰ πρόσθεν εὐχῆς σύμβολα προκείμενα.
Πῶς μὴ τι ῥήξω ῥῆμα τῶν ἐμοὶ ξένων;
Οὐκ ἂν δυναίμην μὴ τι καὶ θυμοῦ φέρειν
660 Κύβευμ'. Ἐπίσχες, ἢ τρυφὴν, ἢ τὰς τρίχας.
Τί καὶ τὰ μὴ σὰ, καὶ τὰ σὰ ζητεῖς ἔχειν;
Χωρὶς τὰ Μυσῶν καὶ Φρυγῶν ὀρίσματα.
Χωρὶς τὰ Μερῶα καὶ Σιλῶα ῥεύματα.
Τὰ μὲν γὰρ οὐδὲ γευστά· τῶν δὲ καὶ νόσοι
665 Ἡττῶντο πρῶτον ἀγγέλῳ κινουμένων.
Διπλοῦν φυτεύεις ἀμπελῶνα, δισσὰ δὲ
Σπείρεις· τὸ δ' ἔνδυμ' ἐκ δυοῖν ὑφασμένον.
Τὰ δ' οὐχ ὁμοζυγοῦντα συζυγῇ τιθεῖς.
Ἀπηγόρευτο δ', εἴπερ οἶσθα, τῷ νόμῳ
670 Τὸ πλεκτὸν, ἐκκλίναντι τὸν δισσὸν τρόπον
Ἄλλος γυναικῶν κόσμος, ἄλλος ἀρρένων.
Ἄλλο κολοιῶν ὕψος, ἄλλο δ' αἰετῶν.
Αἰσχροὺς μεγάλων μίμησις ἐν μικροῖς λίαν.
Μικροπρεπὲς γάρ. Οἱ Φαραὼ φαρμακοὶ
675 Σαφῶς σε πειθέτωσαν ἱστορούμενοι.
Ἄλλ' εἴ τις εἶναι τῶν σοφῶν ἐσπούδακας,
Μή μοι μόνην τὴν ῥάβδον εἰς ὄφιν τρέπειν.
Ζητῶ τὰ πάντα, κ' εἶναι τὸν μέγαν Ἀαρῶν.

когда хочет поразить какой-либо народ или город,
645 кроме тех, которыми он искушает каждого, и
делает из такого предстоятеля свод законов лукавства.
И тогда перед нами медь, облеченная в золото
или хамелеон, меняющий цвет кожи:

борода, смиренный нрав, поникшая глава,
650 немногословие, все облачение верующего,
величавая поступь, мудрость во всем, кроме разума...

Но первое из первых его нынешних благ —
достопочитаемый ефод или облачение Самуила;
есть смиренное ложе, даже без покрывала;

655 на голове — [длинные волосы] — украшение дев,
перевязанные льняной нитью и помещенное в чехол —
все это суть видимые признаки молитвы.

Как не разразиться речами, мне несвойственными?

Не могу не сказать несколько слов, вызванных гневом:

660 удержи либо распушенность, либо волосы!

Почему ты хочешь одновременно обладать тем, что не твое,
и тем, что твое?

Одно дело — границы Мисийцев и Фригийцев¹⁰¹,
другое — воды Мерры¹⁰² и Силоама¹⁰³!

Первые непригодны для питья, а вторые исцеляли болезни,

665 после того как ангел приводил их в движение¹⁰⁴.

Ты растишь двойную лозу, сеешь два раза,

одежда твоя сшита из двух кусков,

ты поставляешь под одно ярмо то, что не может быть
сопряжено.

Сочетание несовместимого, если ты знаешь,

запрещено законом,

670 который стремится избежать двусмысленности.

Одно украшение у женщин, другое у мужчин,

одна высота для воронов, другая для орлов.

Постыдно, когда ничтожные подражают великим:

Это производит жалкое впечатление. Пусть рассказ

о чародеях фараона

675 с ясностью убедит тебя¹⁰⁵.

Но если ты ищешь занять место среди мудрецов,

не превращай только жезл в змея¹⁰⁶!

Я очень хочу, чтобы ты во всем был подобен

великому Аарону,

Εἰ δ' ἐντέταξαι σὺν μάγοις Αἰγυπτίων,
680 Εἰ καλὸν, ἐξάσκησον εὐθέως ὅλον·
Οὐδεὶς φθόνος σοι τῆς καλῆς μιμήσεως·
Εἰ φαῦλον, ἐκτὸς στήθι· φείσαι τῶν ἐμῶν·
Ἐμὸν γὰρ ἴσθι, καὶ ὑποκρίνη σοφῶς.
Ἀποστρεφείς με καὶ σὺ τὴν μίαν ἀμνάδα.
685 Μοιχεύεται τὸ σχῆμα. Τίς Νάθαν φράσει;
Ῥήξω τὸ φαιὸν προσδραμῶν χιτῶνιον,
Εἴ που λαβοίμην· καὶ γὰρ ἐν τούτοις ποτὲ
Τρυφᾶτε, ὥσπερ βρωμάτων ἐν χεῖροσιν,
Ὅταν πάθῃτε πλησμονὴν ἐν τιμίῳ.
690 Ῥήξόν τι καὶ σὺ τῶν ἐμῶν, ἅν του λάβῃ
Τῶν μαλθακωτέρων τε καὶ νόθων ἐμοί.
Τούτων τί ἂν γένοιτο ἐνδικώτερον;
Ἔστω Λάβαν τὰ λευκά· τὰπίσημα δὲ
Τοῦ πολλὰ μοχθήσαντός ἐστι ποιμένος,
695 Νυξὶν παγέντος, ἡλίῳ κεκαυμένου.

Αἰσχροῶν μὲν οὖν αἰσχιστον ἢ τρόπου πλάσις.
Ὅμως φύλασσε, καὶ μ' ἐπαινέτην ἔχεις.
Νῦν δ' οἶόν ἐστι τοῦτο, καὶ τῷ προσφερές;
Ἄρ' ἔστι καὶ παιζαί τι τερπνῷ πλάσματι
700 Σπουδῆς μεταξύ· καὶ γέλως ἐν δακρύοις,
Γαλῆν καθίζει μῦθος εἴσω παστάδος·
Νύμφη γὰρ εἶκε, νυμφικῶς ἐσταλμένη·
Ἔδνα, κρότοι, γέλωτες, ἦν λαμπρὸς γάμος.
Ἡ δ' ὥς ἶδεν μὺν διατρέχοντ' ἐν τῷ μέσῳ,
705 Νύμφη μὲν ἦν, γαλῇ δέ· τῷ φανέντι γὰρ
Ἐπιδραμούσα δεῖπνον εἶχεν, οὐ γάμον.
Τοιοῦτός ἐστι πᾶς νόθος διδάσκαλος.

но если ты в числе египетских магов,
680 занимайся сразу же всем [их искусством],
если оно хорошо
(никто тебя не осудит за подражание тому, что хорошо);
но если дурно, держись подальше! Пощади то,
что принадлежит мне!
И знай, что это — мое, несмотря на все твое искусное
притворство.
Ты лишаешь меня моей единственной овечки¹⁰⁷.

685 Одежда обманчива: найдется ли Нафан, чтобы
сказать об этом?

Я прибегу и разорву на тебе темный хитон,
если смогу тебя схватить. В самом деле, порой вы
наслаждаетесь этими одеждами, вроде как самой
грубой пищей,
когда у вас вызывают тошноту изысканные блюда.

690 Разорви также и ты нечто мое, если найдешь
что-нибудь слишком изысканное или чуждое мне.
Что было бы более справедливым, чем это?

Лаван¹⁰⁸ пусть имеет белых [овец], тогда как пятнистые¹⁰⁹
принадлежат пастырю, который много потрудился,

695 тому, кто замерзал от ночного холода и был
опаляем солнцем¹¹⁰.

Итак, наиболее постыдное из всех постыдных дел есть
сокрытие истинного характера.

Все же удерживай его, и я произнесу тебе похвалу.

Но [то, что происходит] сейчас, возможно ли это?

И на что это похоже?

Можно ли смеяться над каким-нибудь забавным

вымыслом,

700 когда «забот полон рот»? [Это будет] «смех сквозь
слезы¹¹¹».

В рассказе кладут на брачное ложе кошку¹¹²,

Украшенную, как невеста:

свадебные подарки, рукоплесканья, смех: блестящая

свадьба.

Но кошка, когда увидела мышь, пробежавшую среди [гостей]

705 (она, хотя и была невестой, все же оставалась кошкой),
бросилась на нее

и получила обед, но не свадьбу.

Таков и всякий лжеучитель:

Τὸ γὰρ πεφυκὸς οὐ ταχέως μεδίσταται.

Ἀλλ' εὐστροφός τις οὗτος ἐν τοῖς πράγμασιν,
710 Ὃν οὐκ ἐπαινεῖς, ἐντελής τε προστάτης
Τρίβων παλαιῶν καὶ νέων κινήμάτων·
Ὁ δ' εὐσεβὴς μὲν, χρήσιμος δ' αὐτῷ μόνῳ.
Τίς ταῦτά φησιν; ὥς λίαν κακότεροπος!
Οὐδεὶς γὰρ ἐστίν, ὅστις αὐτῷ ζῇ μόνῳ,
715 Οὔτ' οὖν καλῶν τις, οὔτε μὴν τῶν χειρόνων.
Ἀλλ' ὥσπερ οὗτος, οὗ τύχοι σπάσας, ἀήρ
Εὐωδίας μετέσχεν, ἢ δυσωδίας,
Οὔτω τάχιστα τοῖς πέλας ποιούμεθα,
Καλοῖς μὲν ἦττον, τοῖς κακοῖς δὲ καὶ λίαν.
720 Μᾶλλον γὰρ εὐμίμητον ἢ πονηρία.

Εἰ δ' οὗτος ἡμῖν καὶ πρόεδρος ὢν τύχοι,
Εἰ μὲν κάκιστος καὶ πονηρίας πλέως,
Τοῦτ' ἔσθ' ὃ καὶ νῦν, ῥάμνον ἄρχειν τῶν ξύλων·
Εἰ δὲ κράτιστος, αὖθις ἐν στύλῳ πυρὸς
725 Ἐγούμενῳ πορεύετ' Ἰσραὴλ μέγας
Πρὸς ἣν ἅπαντες σπεύδομεν γῆν ἐλπίδος,
Κἂν μὴ κυκλῶν τις, μὴδ' ἀγοραῖος ὢν τύχοι,
Πρωτεὺς σοφιστῆς εἰς κλοπὰς μορφωμάτων,
Ἦ καὶ Μελάμπους, ἢ τις ἄλλος ἄστατος,
730 Πᾶσιν τὰ πάντα ῥαδίως τυπούμενος,
Πρὸς τὴν ἀπάντων ἀθρόαν καταστροφὴν.
Πῶς οὖν ἄχρηστον, εἶπέ μοι, τοῦτον καλεῖς,
Πρὸς ὃν βλέποντες βελτίους γενοίμεθ' ἄν;
Ἦ πῶς ἄριστον προστάτην καὶ δεξιὸν,
735 Πρὸς ὃν βλέπων σὺ, τοὺς ἐμοὺς διαπτύεις;
Τό τοι περιττὸν καὶ πρόσαντες τοῖς σοφοῖς·
Τὸ δ' εὐγενὲς μάλιστα πιθανώτατον.
Ἐκεῖνος εἴης, ὥς σου φρὴν, οὗτος δ' ἐγώ.
Ἦ καὶ γραφέων ἄριστος οὗτός σοι δοκεῖ,

ведь природные качества не меняются быстро.

– Но весьма ловок в делах тот человек,

710 которого ты не одобряешь; он совершенный

начальник;

он лавирует между старыми и новыми течениями.

Тот, другой — благочестив, но полезен только одному себе.

– Кто это говорит? Какой испорченный человек!

Ведь нет такого, кто жил бы только сам в себе,

715 ни среди хороших, ни среди дурных.

Но подобно этому воздуху, который, смотря по тому,

что он впитывает,

бывает благовонным или зловонным,

и мы быстро приспособляемся к соседям:

к хорошим хуже, к дурным же очень [быстро],

720 потому что легче подражать злу.

И если такой человек становится у нас епископом¹¹³,

если он наихудший и полон мерзости,

то тогда [исполняется написанное:] «терновник царствует
над деревьями¹¹⁴».

Если же [становится епископом] наилучший, то тогда снова
великий Израиль в столпе огненным,

725 ведущем его¹¹⁵, шествует

в землю надежды, достичь которой стремимся все мы,

хотя [этот человек] не вертится без дела и не всегда
площадей,

не Протей¹¹⁶, изощренный в коварной перемене образов,

и не Мелампод¹¹⁷ или кто-либо другой, непостоянный,

730 с легкостью принимающий любое обличье

в зависимости от внезапного изменения обстановки.

Итак, почему ты, скажи мне, называешь бесполезным

того, глядя на которого мы могли бы стать лучше?

Или почему ты называешь наилучшим и ловким

епископом¹¹⁸

735 того, глядя на которого ты с презрением

отвергаешь моих¹¹⁹?

Несомненно, что излишнее неприятно мудрецам,

тогда как благородное в высшей степени убедительно.

Будь ты тем, как подсказывает твоя душа, а я буду этим.

Может быть, ты думаешь, что наилучший из живописцев

740 Οὐχ ὃς γράφει κινούμεν' ἀπλοῖς χρώμασι,
Ζεῦξίς τις, ἢ Πολύκλειτος, ἢ τις Εὐφράνωρ,
Ἄλλ' ὃς μὲν ἀνθηραῖς τε καὶ παντασίοις
Βαφαῖς ἄμορφα σώματ' ἐξεργάζεται,
ᾧ Καλλίμαχος, καὶ Κάλαϊς ἦστην, ὡς δοκῶ,
745 Μόγισ γράφοντες εἰκόνας τῶν εἰκόνων;
Τοιοῦτός ἐστι πᾶς ἀνὴρ πολύτροπος.

Ταῦτ' οὖν ὁρῶν ἔκαμνες εὐρεῖν ποιμένα.
Ὡς μικρὸν ἐσπούδακας! ἐγκαλύπτομαι.
Ὡς περ λογιστὴν ἐσκόπεις τὸν προστάτην.
750 Κόπρων μέλει σοι, μειζόνων δ' ἐμοὶ λόγος.
Ἐν ἔστω τοῦδ' ἔργον ἱερέως, καὶ μόνον,
Ψυχὰς καθαίρειν ἐν βίῳ τε καὶ λόγῳ,
Ἄνω φέροντα ἐνδέοις κινήμασι,
Γαληνὸν, ὑψίνουν τε, τὰς θείας μόνας
755 Ἀκηλιδώτους ἐμφάσεις τυπούμενον,
Ὡς περ κάτοπτρον ἐνδοθεν μορφούμενον·
Ἀγνάς τε πέμπειν προσφορὰς ὑπὲρ τέκνων,
Ἐως ἂν αὐτοὺς προσφορὰν καταρτίσῃ.
Τὰ δ' ἄλλ' ἀφείσδω τοῖς τάδ' ἐντελεστέροις.
760 Οὕτως ἂν ἡμῖν ἀσφαλῶς ἔχοι βίος.

Ἐπεὶ δέ σοι μέγιστον ἡ παρρησία,
Ἐστω μένδ' οὐδ' ἔμοιγε φαίνεται βραχὺ,
Εἰ σὺν λόγῳ τε χρώμεθα, καὶ μετρίως.
Ὅμως ἄκουσον, ὡς ἔχει· τοῦ γὰρ σοφοῦ
765 Πλέον τὸ σιγᾶν, ἢ τὸ σὸν περιτρέχειν.
Καὶ σοῦ μὲν ἔστι καὶ τὸ θάρσος, ὡς θράσος·
Τοῦ δ' εὐγένεια καὶ τὸ συντελεῖν λόγον.
Εἴ που δὲ καιρὸς ἐμπέσοι παρρησίας,
Ὅψεις μαχητὴν τὸν προῶν, καὶ πηλίκος
770 Ἐστὶ κατορθῶν, τηνικαῦτα γνωρίσεις.
Γνώση, τί κέρκωψ, καὶ τί βρυχᾶται λέων,

740 не есть тот, кто пишет движущиеся фигуры простыми
красками —
какой-нибудь Зевксис¹²⁰, Поликлет¹²¹ или Евфранор¹²² —
но любой, кто с помощью ярких и светлых
цветов создает бесформенные тела
(как мне кажется, именно из таких были Каллимах¹²³
и Калаис¹²⁴,
745 которые с трудом делали копии копий)?
Таков всякий «бывалый»¹²⁵ человек.

Итак, с таким взглядом на вещи, ты стремился
найти пастыря?
Как мало ты старался! Мне стыдно за тебя.
Ты рассматривал предстоятеля с точки зрения счетовода!
750 Ты заботишься о навозе, я же говорю о вещах более
значительных.

Одно только пусть будет заботой иерея:
очищать души жизнью и словом,
вознося их горе устремлением к божественному:
безмятежный, с возвышенным умом
755 он носит в себе только чистые божественные образы,
наподобие зеркала, создающего в себе самом свои формы.
Он посылает чистые приношения за [духовных] детей
до тех пор, пока не подготовит их самих как приношения.
Пусть все остальное будет оставлено для более
совершенных в этом.
760 Так наша жизнь может стать более безопасной.

Если же для тебя наивысшим благом является свобода
говорить,
Пусть так и будет: мне также это не кажется
незначительным,
если используем ее с умом и умеренностью.
Но все же послушай, как обстоит дело: мудрецу ведь
765 более приличествует молчание, нежели твоя
«обходительность»,
и тогда как твоими качествами являются дерзость
и наглость¹²⁶,
ему¹²⁷ свойственны благородство и краткость речи.
Но если однажды представится случай говорить свободно,
ты увидишь, как кроткий становится воинственным,
770 и сможешь тогда узнать, как он успешен в этом.
Узнаешь, что такое плутовка-обезьяна и как рычит лев,

Ὅταν τὸ μὲν σὸν ἐκπτύητ' ἀνθρώπινον,
Κάμπτοντος εἰς γῆν τοῦ κακοῦ συνειδότος,
Ὁ δ' ὢν ἄληπτος λαμβάνηται ῥαδίως.
775 Τρόπου γὰρ οὐδέν ἐστι πιθανώτερον.
Οὕτως ἔλαττον κἀνθάδ' ὁ τρίβων ἔχει·
Ὅμως δὲ λαμπρὸς ἐν μέσοις καθέζεται,
Ἀλλοτρίαν τράπεζαν ἐκκαρπούμενος,
Περιφρονῶν ἅπαντας, ὡς ἀμβλώματα,
780 Τοσοῦτον, ὅσον αὐτὸς περιφρονητέος,
Ἐν τοῦτ' ἔχων φρύαγμα λαμπρὰν τὴν πόλιν,
Ἐφ' ᾧ σε δεῖ καὶ μᾶλλον ὄλλυσθαι κακῶς.
Πλείους γὰρ οὕτω δημιουργεῖς τοὺς κακοὺς.

Κάνθων δὲ τίς ποτ' ἀστικῶν ἄλλου πλέον
785 Κάνθωνος ἐζήτησεν ἀγροίκου φέρειν;
Ἄλλ' ἔστιν, ὥσπερ ἔστι, κἂν οἰκῇ πόλιν.
Τί ταῦτα; πῶς μὴ ταῦτα συμπράττη κακοῖς;
Πῶς δ' εὐδρομοῦσι μὴ σαφῆς ὄλισθος ᾗν;
Πάσχουσι γάρ τι καὶ σοφοὶ τῶν οὐ σοφῶν,
790 Ὅταν κακοῖς μὲν εὐροῇ τὰ πράγματα,
Λυπρὸν δ' ἔχωσιν οἱ κατορθοῦντες βίον.

Ἡ τοῦτ' ἄριστον, ὥσπερ ἐν ζάλη τινὶ
Πάντα στρεφούσῃ, μικρὸν ἐκκλίναντά τι,
Πάντων ἄνω τε καὶ κάτω δονουμένων,
795 Ἐν ἀσφαλείᾳ τὰς βραχείας ἡμέρας
Θέσθαι, τὸ γῆρας δ' ἐν καλῷ στῆσαι τέλει.
Θρόνους μὲν οὖν ἔχοιτε, καὶ τυραννίδας,
Ὑμεῖς, ἐπεὶ καὶ πρῶτα ταῦθ' ὑμῖν δοκεῖ·
Χαίροιτε, ὑβρίζοιτε, πατριαρχίας
800 Κληροῦσθε, Κόσμος ὑμῖν εἰκέτω μέγας·
Τόπους ἀμείβοιτ' ἐκ τόπων· τοὺς μὲν κάτω
Βάλλοιτε, τοὺς δ' ὑψοῦτε· ταῦθ' ὑμῖν φίλα.
Χωρεῖτ'· ἐγὼ δὲ συστραφήσομαι Θεῷ,

когда твое человеческое [красноречие] будет с презрением
отвергнуто

и твое дурное знание склонится к земле;
а тот, оказавшись неодолимым, будет принят слушателями
с легкостью.

775 Ведь ничто не убеждает лучше, чем образ жизни.
По этой же причине ловкач и в этом оказывается слабее.
Тем не менее он с блеском восседает посредине,
пользуясь плодами чужого стола,
и презирает всех как недоносков

780 в такой степени, в какой сам должен быть презираем.
Он имеет один только повод для высокомерия —

значительный город¹²⁸,
за который тебе следует скорее погибнуть позорной смертью,
потому что таким образом ты творишь еще больше злых дел.

Разве какой-нибудь городской осел стремится иметь
преимущество перед другим,

785 деревенским ослом?

Он есть таков, каков он есть, хотя и живет в городе.

Что это значит? Почему это соображение не остерегает
дурных?

Почему те, кто слишком спешит, не видят явной опасности
поскользнуться?

Ведь бывает, что и мудрецы поступают немудро,

790 видя, что у дурных дела идут хорошо,
а честные люди влачат жалкое существование.

Или, возможно, это и есть наилучший выход: словно
во время бури,

опрокидывающей все¹²⁹, можно, немного отступив,
покамест все мечется вверх и вниз,

795 провести в безопасности оставшиеся немногие дни жизни
и достойно завершить старость.

Итак, продолжайте держать в своих руках престолы
и власть,

если это кажется вам высшей наградой:

веселитесь, бесчинствуйте,

800 бросайте жребий о патриаршестве — пусть великий
мир уступает вам;

меняйте кафедру за кафедрой; одних

бросайте вниз, других — возвышайте: все это вы любите.

Ступайте своей дорогой! Я же обращаюсь мыслями к Богу,

ὦ ζῶ, πνέω τε καὶ πρὸς ὃν βλέπω μόνον,
805 ὦ πρὶν γενέσθαι μ' ἢ τεκοῦσ' ὑπέσχετο,
ὦ κίνδυνοί τε συνήψαν, καὶ νυκτῶν χάρις.
Τούτῳ τε δύσω νοῦ καθαρὰ κινήματα,
ὥς γοῦν ἐφικτὸν, προσλαλῶν μόνῳ μόνος.
Ταῦτα πρὸς ὑμᾶς τοὺς κακοὺς ὑπὲρ καλῶν,
810 Οἷς εἴ τις ἄχθεθ', εὗρεν, ὃν ζητεῖ, λόγος.

Τὰ δ' ἄλλα ἐκείθεν, ὦ φίλοι, λελέξεται.
Πλὴν ἐξιτήριόν τιν', εἰ δοκεῖ, λόγον,
Βραχὺν μὲν, ἀλλὰ χρήσιμον, δέξασθε μου,
ὥς οἱ πατρώας λαμβάνοντες ἐν τέλει
815 Φωνὰς, ἐπισκήψεις τε μνήμης ἀξίας.
Μεθ' ἃς λόγος τις οὐκέτ' ἐξακούεται,
ὦ καὶ πλέον μένουσιν ἐν βάθει φρενός.
Ἄλλον τιν' εἰ λάβοιτε Γρηγόριον, φίλοι,
Φεῖδοισθε μᾶλλον· εἰ δὲ μὴ, τὸ δεύτερον,
820 Εἴητε καλοὶ κάγαδοὶ τοῖς πλησίον,
Ὑμῖν τε αὐτοῖς, οἱ τέως ὁμόφρονες,
Ἔως κρατεῖσθε τοῖς ἴσοις παθήμασιν.
Ἦν τ' αὐτὸς ἐσπούδαζον εἰρήνην, αἰεὶ
Στέργοιτ', ἀφέντες τὰς ἰδίας ἀρρώστιας,
825 Ὑφ' ὧν τὸ κοινὸν ἐκταράσσετ' ἀθλίως.
Κάγῳ παρήσω τοῦμόν, εἴτε τι πλέον
Ἄλλων φρονούμεν, εἴτε μ' ὁ μακρὸς χρόνος
Ποιεῖ τραχὺν τε καὶ τὰ πλείω δύστροπον,
Εἴτ' οὖν πεπληγὼς ἐκ μέθης τὸν νοῦν μόνος
830 Μέθῃ τετρωσθαι τοὺς αἰόινους οἶομαι.
Νομίζεσθ', ὥς βούλεσθε. Πλὴν μέμνησθέ μου
Τοῦ πολλὰ μοχθήσαντος ἐν φίλων τρόποις,
Καλὸν δ' ἔχοντος τὸν λογισμὸν προστάτην,
Τό τ' ἐκλύον με τῶν κακῶν γήρας τόδε·
835 Οὔτῳ τάχ' ἂν μοι τῶν φίλων σπείσαιτό τις,
Πάλης θανούσης, ἥ φθόνος συνέρχεται.

для Которого я живу, дышу, и только на Него обращаю взгляд:

805 Ему еще прежде моего рождения посвятила меня мать,
с Ним меня связали опасности¹³⁰ и утешение¹³¹ ночей.

Ему я посвящу чистые движения моего ума,
говоря, насколько, конечно, это возможно, один на один
с Ним¹³².

Вот что, порочные, я хочу сказать против вас
в защиту благих;

810 И если иной этим удручился, значит моя речь нашла,
кого искала.

Остальное, друзья мои, будет сказано уже оттуда¹³³.

Но, если вам будет угодно, примите в качестве
прощального еще одно слово,

хотя и короткое, но полезное,
как от отца принимают последние слова

815 и достопамятные заветы,
после которых он уже навсегда умолкает,
отчего они тем полнее пребывают в глубине сердечной.

Если найдете другого Григория, друзья,
больше щадите его. Если же не найдете,

820 будьте тогда добры и честны¹³⁴ по отношению к ближним
и к себе самим, поскольку вы будете хранить единодушие
до тех пор, пока будете справляться с названными
мною страстями.

И то миролюбие, о котором я всегда ревновал, цените,
отбрасывая собственные слабости,

825 которые приводят в великое смятение общество
верных.

И я откажусь от свойственных мне [недостатков] —

горжусь ли я более других, делают ли
меня долгие годы слишком строгим и часто упрямым,
полагаю ли (хотя один я поражен опьянением ума),

830 что опьянением поражены трезвенники!

Думайте, как хотите, но все-таки помните,
что я много пострадал от поведения друзей.

Но всегда моим добрым покровителем был разум,
а также старость избавляла меня от бед.

835 Может быть, на этом со мною примирится кто-нибудь
из друзей,

раз угасла борьба, которой сопутствует
недоброжелательство.

Примечания

¹ Ср. 1 Кор. 3:13.

² Свт. Григорий намекает на случай, который имел место в самом начале его служения в Константинополе (см.: Письмо 77, 1-3): в пасхальную ночь 379 года, во время совершения им таинства Крещения ариане забросали его камнями. Этот эпизод оказал настолько сильное впечатление на него, что в своих писаниях он вспоминал о нем неоднократно.

³ Здесь виден сильный иронический подтекст: даже самые дикие животные не так опасны, как дурные епископы.

⁴ Ср.: Мф. 23:27.

⁵ Григорий хочет сказать, что в глазах толпы человек, который в общепринятом смысле является несчастным, не может быть также и по-настоящему мудрым.

⁶ Ср. Plat. Resp. II 361a4-b8: ἐσχάτη γὰρ ἀδικία δοκεῖν δίκαιον εἶναι μὴ ὄντα. δοτέον οὖν τῷ τελέως ἀδίκῳ τὴν τελεωτάτην ἀδικίαν, καὶ οὐκ ἀφαιρετέον ἀλλ' ἐατέον τὰ μέγιστα ἀδικοῦντα τὴν μέγιστην δόξαν αὐτῷ παρεσκευασμένοι εἰς δικαιοσύνην, καὶ ἐὰν ἄρα σφάλῃται τι, ἐπανορθοῦσθαι δυνατῷ εἶναι, λέγειν τε ἱκανῶς ὄντι πρὸς τὸ πείθειν, ἐὰν τι μὴνύηται τῶν ἀδικημάτων, καὶ βιάσασθαι ὅσα ἂν βίας δέηται, διὰ τε ἀνδρείαν καὶ ῥώμην καὶ διὰ παρασκευὴν φίλων καὶ οὐσίας. τοῦτον δὲ τοιοῦτον θέντες τὸν δίκαιον αὖ παρ' αὐτὸν ἰστώμεν τῷ λόγῳ, ἄνδρα ἀπλοῦν καὶ γενναῖον, κατ' Αἰσχύλον οὐ δοκεῖν ἀλλ' εἶναι ἀγαθόν ἐξέλοντα. ἀφαιρετέον δὲ τὸ δοκεῖν...

⁷ В годы, предшествовавшие призыванию в Константинополь, свт. Григорий подвизался в Исаврии (в Малой Азии) рядом с Селевкийей, городом, прославленным памятью св. мученицы Феклы.

⁸ Подразумевается свт. Василий Великий. Он умер 1 января 379 года, то есть еще прежде прихода к власти Феодосия Великого. Однако можно предположить, что еще до своей смерти он просил своего друга принять возможное предложение о замещении столичной кафедры и таким образом «увел» святителя от аскетической жизни.

⁹ Речь идет о придерживавшихся никейского исповедания духовенстве и мирянах, которые после смерти императора Валента в битве при Адрианополе в августе 378 г. и восшествия на трон императора Феодосия (19 января 379 года) получили надежду на восстановление Православия и прекращение гонений.

¹⁰ Каппадокия была оплотом Православия благодаря трудам свт. Василия Великого. Следует отметить, что Григорий утверждает: «покинув землю Каппадокии», а не Селевкии, как следовало ожидать. Это показывает, что Григорий пришел в столицу не сразу же после «призвания» его Василием, но спустя какое-то время.

¹¹ Этими словами свт. Григорий желает отвести от себя обвинения в оставлении сасимской кафедры, на которую он был поставлен: из-за козней ариан ему ни разу не удалось побывать в этом городе.

¹² Четкое хронологическое указание: 381 год, если считать от 379 года.

¹³ Бедные приносят в дар Богу свое тело. Григорий также не может дать ничего другого, кроме своего тела, изнуренного трудами и болезнями.

¹⁴ Ср.: Притч. 14:30.

¹⁵ Т.е. с телом, изнуренным болезнями.

¹⁶ Большая часть «слов» Григория приходится именно на константинопольский период его жизни.

¹⁷ Т.е. Константинополь, новый и второй Рим.

¹⁸ Немногом после своего входа в Константинополь (24 ноября 380 года) Феодосий отдал в распоряжение свт. Григория церковь свв. Апостолов.

¹⁹ Ср.: *Софокл*. Эдип-царь, 629.

²⁰ Οἱ καλοὶ τε καὶ αῑθοὶ — технический термин античной литературы, включающий все положительные качества гражданина полиса: добропорядочность, благовоспитанность, образованность, здесь употребляется, конечно, в ироническом смысле. Возможно, речь идет о тех участниках II Вселенского собора, которые были противниками свт. Григория.

²¹ Фрасонид — один из персонажей *Ненавидимого* — произведения Менандра, наиболее важного представителя новой аттической комедии. Имеется в виду человек безрассудный и самоуверенный.

²² Намек на глубокие разделения, потрясавшие Церковь в те годы. В первую очередь это Антиохийская схизма, возникшая в лагере никейцев: Восток поддерживал свт. Мелетия, в то время как Египет и Запад были на стороне св. Павлина. См.: *M. Simonetti*. Antiochia. III. Scisma. In DPAC I, coll.237s.

²³ Из Константинополя. Формально Григорий добровольно покинул кафедру после того как с прибытием египетских епископов ситуация на Соборе стала для него невыносимой. Они стали обвинять его в нарушении 15 канона I Вселенского Собора, т.е. неправомочном оставлении сасимской и назиянзской кафедр.

²⁴ Возможно, здесь содержится намек на то, что Максим Киник подкупил часть епископов. Об этом Григорий пишет в предыдущей поэме, и в стихе 1756 (PG) называет их Χριστεμπόρους.

²⁵ 155 τοῦ παρεγγράφειν. «Вносить в списки более чем нужно», т.е., «приписывать», прибавлять что-нибудь либо к сумме положенного налога, либо облагать податью лиц, которые по закону освобождены от налогообложения.

²⁶ По мнению Б. Майера (цит.соч.) речь идет о солдатах, подвергнутых наказанию в виде клеймения.

²⁷ Ср.: Лисий: «εἰς μύλωνα ἐμπέσειν» — вращение мельничных камней было одним из видов наказания для провинившихся рабов

²⁸ Это выражение восходит к басне Эзопа «Орел и скарабей».

²⁹ По мнению Толлия, Григорий имеет в виду Максима Киника.

³⁰ Здесь имеются в виду Константинополь и Антиохия, где в это время шли ожесточенные споры о преемнике свт. Мелетия.

³¹ Противники Григория с видимой легкостью указывают ему на тот факт, что апостолы были людьми самой скромной культуры, и, тем не менее, смогли уловить в свои сети даже мудрецов.

³² Ср. напр.: Мф. 10:10

³³ Работа еще более низкого уровня, чем рыбная ловля.

³⁴ Здесь и далее *pluralis modestiae*.

³⁵ Следует заметить, что существительное λόγος употребляется Григорием очень часто в одной и той же фразе в совершенно разных значениях. В данном случае, как кажется, лучше перевести λόγος как «знание» или «образование»

³⁶ πέτρος — «камень». Ср.: Мф. 16:18.

³⁷ Здесь τὰ σεμνά может значить все, так или иначе связанное с внешними проявлениями религиозного благочестия, способными ввести в заблуждение неискушенных.

³⁸ Свв. Апостолы.

³⁹ Имеется в виду корпус Писаний Нового Завета.

⁴⁰ εἰ μὴ λόγου μετεῖχον, οὐδὲ μὴ δίδως.

⁴¹ Отрицание культурной традиции.

⁴² Автор пользуется термином λόγος в этой фразе дважды и оба раза употребляет его в разных значениях. Таким образом, имеет место своеобразная игра слов, помогающая Григорию победить оппонента, который лишает культуры (λόγος) тех, кто к ней стремится», в то время как Дух Святой, которым также обладает и противник Григория, вдыхает Слово (λόγος) в праведников, в силу чего они и становятся мудрыми. Необходимо отметить явную слабость этого аргумента автора: термин (λόγος) употребляется им здесь в совершенно разных значениях.

⁴³ Мф. 9:32.

⁴⁴ У Б. Майера — πάντες. В данном случае при переводе предпочтение отдано редакциям Толлия (Tollius) и Кайллау (Caillau) — πάντως.

⁴⁵ Т.е. свв. пророки и апостолы, которые были исполнены священного учения, но совершенно чужды красноречия (λόγος), столь ценимого толпой.

⁴⁶ Здесь видим блестяще проведенный переход от «защиты к нападению»: да, уразумение внутреннего смысла есть главная наша задача, но смысл этот должен быть надлежащим образом раскрыт и изъяснен — это главная цель культуры образования, в том числе и античного, на которую указывает здесь свт. Григорий. В следующих строках он развивает свою мысль.

⁴⁷ Григорий иронически предлагает своему воображаемому оппоненту, если тому не кажутся обоснованными слова автора о простоте речи, совмещенной с ясностью и стройностью слога, произнести речь, убедив слушателей с помощью одной духовной силы, т.е. без обращения к словесному мастерству.

⁴⁸ Григорий призывает не прекращать изучать писания свв. отцов, не оставлять покрываться паутиной богословские сочинения древности.

⁴⁹ «ὁ νοῦς ἀνείσθω».

⁵⁰ «μή μοι... πλέκε...», т.е., собственно: «не приплетай мне...».

⁵¹ Секст Эмпирик, греческий философ, живший приблизительно между II и III веками по Р.Х. Является представителем последнего периода развития античного скептицизма, основные черты учения которого он зафиксировал в *Пирроновых законоположениях*.

⁵² Пиррон Элидский (ок. 360-270 до Р.Х.). От этого мыслителя начинается свою историю скептическая философская школа. По свидетельству его ученика Тимона Флиунтского, Пиррон утверждал возможность познания природы вещей в себе самом. Поскольку, таким образом, знание добра и зла уже заложено изначально в человеке, следует воздерживаться от любого суждения (ἐποχή). В этом отказе от суждений человек обретает спокойствие души (ἀταραξία). Нередко именно скептики, вместе с Хрисиппом и Аристотелем, были рассматриваемы православными как вдохновители софизмов ариан.

⁵³ Хрисипп (ок. 281-204 гг. до Р.Х.), стоический философ, названный «вторым основателем» стоицизма за труды по систематизированию этого направления античной мысли. Сила его диалектики позволяла ему одерживать верх в полемике с эпикурейцами и представителями Новой Академии.

⁵⁴ Аристотель. В другом месте (*Речь 23, 12*) Григорий противопоставляет простую манеру разговора галилейских рыбаков, с одной стороны, и Аристотеля, с другой: ἀλιευτικῶς, ἀλλ' οὐκ ἀριστοτελικῶς.

⁵⁵ То есть мира сущностей умозрительных и материальных.

⁵⁶ «Предведению» посвящены две поэмы Григория: *I, 1, 5* и *I, 1, 6*.

⁵⁷ Ψυχῆς τε σώματός τε τίς λόγος — здесь налицо употребление стоической терминологии. Начиная с Филона, позднестойческое понятие *сперматических логосов* широко использовалось в святоотеческой письменности доникейского периода, главным образом, в александрийской экзегезе.

⁵⁸ Т.е. Ветхого и Нового Заветов.

⁵⁹ Т.е. Божественной и человеческой природ в личности Иисуса Христа.

⁶⁰ Знаменитое «πάντα ῥεῖ» Гераклита Эфесского.

⁶¹ Имеются в виду епископы, враждебно относящиеся к внешней культуре.

⁶² Еврип — это пролив между Эвбеей и беотийско-аттическим побережьем; его вечное волнение объяснялось тем, что он семь раз

в день менял свое течение.

⁶³ Ср.: Сирах 6:36.

⁶⁴ В греческом тексте: *πρόστατης*.

⁶⁵ Т.е., в день Страшного Суда.

⁶⁶ *Πρόεδρος ἢ κακία*.

⁶⁷ Согласно Аристотелю, морской орел так определяет вырождающегося: он заставляет птенцов смотреть на солнце и убивает того птенца, глаза которого начинают слезиться раньше.

⁶⁸ *Λαοὺ πρῶσταται*.

⁶⁹ Имеется в виду степень готовности к епископскому служению.

⁷⁰ Ср.: 1 Цар. 10:11 и 19:24.

⁷¹ «Даниил» в переводе с еврейского означает «Бог мой Судия».

⁷² Кир Великий (ум. 529 г. до Р.Х.), основатель персидской державы Ахеменидов. В других местах (поэмы I, 2, 10, 34; I, 2, 15, 89) упоминается свт. Григорием как пример безграничной власти и богатства.

⁷³ Крез, последний царь Лидии (560-546 гг. до Р.Х.), по словам Геродота, был самым богатым человеком на свете.

⁷⁴ Мифологический персонаж: Мидас, царь Фригийцев получил от богов дар превращать в золото любой предмет, к которому прикаснется. Поэтому он умер от голода, как вспоминает в одной из своих поэм сам Григорий (I, 2, 10, 411: «Золото нельзя было есть: оно было у Мидаса, и он умер»).

⁷⁵ *τὸ βῆμα*.

⁷⁶ То есть крещение. О крещении свт. Григорий пишет специально в *Гомилиях на Рождество Христово (Речи 38-40)*.

⁷⁷ См.: Лк. 19:8.

⁷⁸ То есть то, что добыто путем воровства или насилия.

⁷⁹ Имеется в виду: «быть свободным от обязанностей христианина».

⁸⁰ Т.е. помазания Святым Миром в таинстве Миропомазания.

⁸¹ Характер (*τρόπος*) формирует конкретного человека и делается в этом смысле как бы вторым его творцом.

⁸² Т.е. крещения.

⁸³ *ἀνεπλάσθη*: подразумевается второе рождение в таинстве св. Крещения.

⁸⁴ Т.е. в конце времен, во время парусии Христа.

⁸⁵ Слова, указывающие на силу покаяния. Покаяние есть очищение, сопряженное с гораздо большим трудом, нежели таинство Крещения. Степени покаяния, практиковавшиеся в древней Церкви, были предложены свт. Василием Великим и описаны главным образом в трех его канонических посланиях.

⁸⁶ Имеется в виду возложение рук епископов во время епископской хиротонии.

⁸⁷ Речь идет о провозглашении избранного на епископскую кафедру.

⁸⁸ Ошибка автора, который, весьма возможно, цитировал по памяти. Речь идет о месте из книги пророка Аггея (2:11-12): «...так говорит Господь Саваоф: спроси священников о законе и скажи: если бы кто

нес освященное мясо в поле одежды своей и полою своею коснулся хлеба, или чего-либо вареного, или вина, или елея, или какой-нибудь пищи, — сделается ли это священным? И отвечали священники и сказали: нет. Потом сказал Аггей: а если прикоснется ко всему этому кто-либо осквернившийся от прикосновения к мертвецу, — сделается ли это нечистым? И отвечали священники и сказали: будет нечистым».

⁸⁹ 1 Тим. 5: 22: «Рук ни на кого не возлагай поспешно и не делайся участником в чужих грехах».

⁹⁰ Т.е. епископский сан.

⁹¹ Как и во многих других местах этой поэмы, автор здесь едко ироничен — он хочет сказать: после Илии твоя очередь восходить на небо.

⁹² Т.е. таким образом художник подготовился надлежащим образом к написанию картины.

⁹³ εἶναι καλόν τε καὶ ἀγαθόν. Смотри об этом подробнее сноску 23 (к ст. 136). Здесь виден также сильный оттенок иронии.

⁹⁴ Имеются в виду аскетические упражнения.

⁹⁵ Т.е. тело.

⁹⁶ Плод древа познания добра и зла (Быт.3:1 и далее). Лишения суть последствия падения Адама и Евы в раю (Быт. 3:16 и далее).

⁹⁷ В отношении толкования этого места существуют разные мнения ученых. Наиболее логичной представляется версия о том, что здесь автор иронизирует над древнегреческими философами, некоторые из которых бросали свое богатство в море, чтобы тем самым достичь философской бедности. Благочестивый муж, по мнению свт. Григория, должен, напротив, раздать свое имение бедным по слову Евангелия: см.: Мф. 19:21.

⁹⁸ Ср. Plot. Enn. VI 9.11.49-51: *Καὶ οὗτος θεῶν καὶ ἀνθρώπων θεῶν καὶ εὐδαμονίων βίος, ἀπαλλαγὴ τῶν ἄλλων τῶν τῆδε, βίος ἀνήδονος τῶν τῆδε, φυγὴ μόνου πρὸς μόνον.*

⁹⁹ Ум человека, поглощенного исключительно гастрономическими изысками, не способен вместить предметы божественные.

¹⁰⁰ Т.е. диавол.

¹⁰¹ Мисия и Фригия — два древних региона Малой Азии, которые граничили друг с другом.

¹⁰² Воды Мерры были горьки (Исх. 15:23).

¹⁰³ Купальня Силоам в Иерусалиме, куда Иисус отправил слепорожденного для омовения, и тот вернулся оттуда исцеленным (Ин. 9:7).

¹⁰⁴ На самом деле эти слова должны относиться не к силоамской, но к другой купели — Вифезда (Ср.: Ин. 5:2). Это еще раз подтверждает предположение о том, что свт. Григорий в работе над этим произведением цитировал Св. Писание по памяти.

¹⁰⁵ Исх. 7:1 и далее.

¹⁰⁶ Исх. 7:8 и далее.

¹⁰⁷ Речь идет об эпизоде из 2 книги Царств, где пророк Нафан

упрекает Давида за Вирсавию, жену Урии Хеттеянина (2 Цар. 12:1-4).

¹⁰⁸ Отец Лии и Рахили, тесть Иакова (Быт. 29:5 и далее).

¹⁰⁹ Смотри: Быт. 30:32-33.

¹¹⁰ Смотри: Быт. 31:40.

¹¹¹ Сравни: *Гомер*. Илиада VI, 484.

¹¹² Речь идет об одной из басен Эзопа (76 Chambry).

¹¹³ ὁ πρόεδρος.

¹¹⁴ Суд. 9:14.

¹¹⁵ Исх. 13:21.

¹¹⁶ Вещий морской бог на острове Фаросе (Египет). Известен своей способностью принимать различные образы, ускользя таким образом от тех, кто хотел заставить его открыть будущее.

¹¹⁷ Сын Амитаона, прорицатель и врач, мифологический основатель культа Дионисия в Греции. Обладал способностью понимать язык животных.

¹¹⁸ *προστάτης* — «защитник», «покровитель», как уже отмечалось, в этой поэме регулярно употребляется Григорием применительно к епископам.

¹¹⁹ Б. Майер полагает, что здесь автор имеет в виду свою паству.

¹²⁰ Живописец из Гераклеи, причисленный древними к великим учителям живописи, 2-я пол. V века до Р. Х.

¹²¹ Поликлет (Старший), родом из Сикиона, аргосский ваятель и зодчий V века до Р.Х.

¹²² Греческий скульптор и живописец IV века до Р.Х.

¹²³ Афинский чеканщик и скульптор конца V века до Р.Х.

¹²⁴ Здесь, видимо, имеет место ошибка автора или его источника. Были, на самом деле, два греческих скульптора по имени Каламид (Каламис), но не было ни одного с именем Калаис.

¹²⁵ *πολύτροπος* — «изворотливый», «ловкий», «хитрый» — эпитет гомеровского Одиссея.

¹²⁶ Игра слов: ...καὶ τὸ θάρσος ὡς θράσος.

¹²⁷ Т.е. мудреца.

¹²⁸ Т.е. управляет епархией, которая имеет своим центром какой-либо крупный город.

¹²⁹ Свт. Григорий имеет в виду свое поприще в Константинополе: призвание, служение, заговоры с целью его удаления, его уход с кафедры.

¹³⁰ Свт. Григорий говорит здесь о морском путешествии, которое он совершил в молодости из Александрии в Грецию. Эти события описаны со всеми подробностями в поэме II, I, I.

¹³¹ То есть сон. Автор имеет в виду, скорее всего один эпизод из своей юности, после которого он пришел к решению вести девственную жизнь. Смотри: поэма II, 1, 45, 229 и далее.

¹³² Ср. выше.

¹³³ То есть из другого, горного мира.

¹³⁴ εἴητε καλοὶ καὶ ἀγαθοί.

А. В. ГАВРИЛИН

ЛАТВИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ТРИДЦАТЫХ ГОДАХ XX ВЕКА

Тридцатые годы были переломными в истории Латвийской Республики. 15 мая 1934 года был совершен государственный переворот, в результате которого в стране был установлен авторитарный режим Карлиса Ульманиса. В политической жизни Латвии появился новый термин — «вождь народа», который действовал по воле латышского народа и от его лица. Этот период закончился 17 июля 1940 года, когда территория Латвии была оккупирована Красной Армией. В августе 1940 года Латвия потеряла государственную независимость и была инкорпорирована в состав СССР.

Тридцатые годы — это период радикальных изменений и в положении Латвийской Православной Церкви:

- в ночь с 11 на 12 октября 1934 года был злодейски убит архиепископ Иоанн (Поммерс);
- 4 февраля 1936 года Патриарх Константинопольский Вениамин даровал Латвийской Православной Церкви (Митрополии) автономию;
- 10 марта 1936 главой Латвийской Церкви в юрисдикции Константинопольского Патриархата был избран Августин (Петерсонс);
- 28 марта 1941 года митрополит Августин принес покаяние в грехе раскола, и тем самым произошло воссоединение Латвийской Православной Церкви с Московским Патриархатом.

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Тихон своим актом № 1026 от 19 июля 1921 года даровал Рижской епархии самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-граж-

данских. Правительственные круги и радикально настроенные политические силы Латвии рассматривали сохранение канонической связи православных приходов Латвии с Московским Патриархатом как зависимость от «руки Москвы». Они неоднократно советовали церковному руководству последовать примеру Эстонской Православной Церкви, которая, в нарушение церковных канонов, в 1923 году перешла в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Несмотря на это, архиепископу Иоанну (Поммерсу), главе ЛПЦ в 1921-1934 годах¹, удалось не только отстоять право существования Латвийской Церкви в условиях независимого Латвийского государства (при условии сохранения ее канонических связей с Московским Патриархатом), но и при помощи неоднократных обращений к латвийскому правительству добиться утверждения 8 октября 1926 года кабинетом министров «Правил о положении Православной Церкви». В соответствии с этими «Правилами» Латвийской Православной Церкви были даны, наконец, права юридического лица².

В 30-х годах XX века в Латвии было 152 православных прихода: 76 русских, 74 латышских, один немецкий и один эстонский. Вторую половину 20-х — первую половину 30-х годов можно назвать временем стабилизации духовного и материального положения Латвийской Православной Церкви. В этот период она разворачивает широкие строительные и ремонтные работы, в результате которых к середине 30-х годов каждый седьмой православный храм Латвии был новоосвященным. Благодаря тому, что архиепископ Иоанн в 1925 году был избран депутатом II Сейма, а затем последовательно избирался депутатом III и VI Сеймов, голос в защиту Православной Церкви постоянно звучал с высшей законодательной трибуны страны. Архиепископ Иоанн никогда не делил православных по национальному признаку. Будучи сам латышом, в парламенте, как правило, он выступал в защиту интересов национальных меньшинств и, прежде всего, в защиту русского православного населения Латвии.

Нажим органов государственной власти на Синод резко усилился после установления в Латвии режима Карлиса Ульманиса и особенно после кончины архиепископа Иоанна. Цель — заставить церковное руководство освободиться от «власти Москвы», то есть прервать каноническую связь с Московским Патриархатом. Смену своего курса по отношению к Латвийской Православной Церкви кабинет министров К. Ульманиса открыто продемонстрировал сразу же после кончины Владыки Иоанна. А именно — запретил Синоду «из санитарных соображений»

выполнить последнюю волю усопшего — похоронить его в Рижском Христорождественском кафедральном соборе. В свое время архиепископ Иоанн, защищая собор от закрытия, выбрал его подклет в качестве своей резиденции³.

Впервые вопрос о преемнике архиепископа Иоанна был поднят на пленарном заседании Синода 26 ноября 1934 года. С докладом по этому вопросу выступил ректор Рижской духовной семинарии протоиерей Иоанн Янсонс. Он отметил, что у Латвийской Православной Церкви есть только три пути, «идя по которым можно выбрать канонического епископа». Первый путь — обратиться к Русской Православной Церкви, то есть, к Московскому Патриархату; второй — обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху; третий — к Сербской Православной Церкви. В своем докладе отец Иоанн Янсонс подчеркнул, что глава Церкви должен быть избран каноническим путем, поэтому самым правильным выбором является обращение к Московской Патриархии. При этом докладчик сослался на мнение покойного архиепископа Иоанна⁴. На этом же заседании группа латышских священников предложила обратиться за помощью к Константинопольскому Патриарху. Примечательно, что одним из основных аргументов этой группы были доводы о том, что в противном случае государство впредь не будет предоставлять «непослушной» Церкви денежных пособий⁵.

Однако вскоре оказалось, что Синод Латвийской Православной Церкви в условиях режима Карлиса Ульманиса не имеет самостоятельности в своих действиях. Весной 1935 года в решении вопроса о будущем главе Латвийской Церкви попытался принять участие Московский Патриархат. Распоряжением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) временное управление Латвийской Церковью было возложено на митрополита Виленского и Литовского Елевферия (Богоявленского). Однако министерство иностранных дел Латвии отказало ему во въезде в страну, а министерство внутренних дел «рекомендовало» Синоду Латвийской Православной Церкви не признавать канонических прав митрополита Елевферия и запретить священнослужителям из Литвы любую деятельность в Латвии. Интересно отметить, что протоиерей Иоанн Янсонс сообщил Владыке Елевферию, что эти действия Синода вызваны «тенденциями государства»⁶.

Полтора года министерство внутренних дел Латвийской республики не давало своего согласия на созыв церковного Собора, понимая, что его участники проголосуют за сохранение прежнего

статуса Латвийской Православной Церкви. За это время по указанию министерства практически полностью был обновлен состав Синода: из него вывели сторонников архиепископа Иоанна и заменили их «государственно мыслящими» священниками и мирянами. В нарушение канонов новый состав Синода в августе 1935 года обратился к Константинопольскому Патриарху Фотию с просьбой посвятить главу Латвийской Церкви. 11 ноября 1935 года Синод составил прошение Патриарху Фотию о даровании Латвийской Церкви автономии по образцу Эстонской Православной Церкви. Однако внезапная кончина Патриарха замедлила ход событий, осуществляемых по сценарию, разработанному МВД Латвийской республики. Только 4 февраля 1936 года новоизбранный Константинопольский Патриарх Вениамин назначил экзарха в Западной и Восточной Европе митрополита Фиатирского Германа (Стренопоулоса) своим представителем на Соборе Латвийской Православной Церкви и даровал Латвийской Православной Церкви (Митрополии) автономию.

Сторонники покойного Владыки Иоанна попытались выдвинуть свою кандидатуру нового главы Церкви — протоиерея Иоанна Янсона, пользовавшегося уважением большинства духовенства. Эту кандидатуру поддерживало и большинство Синода. МВД отменило решение Синода о выдвижении кандидатуры отца Иоанна Янсона, а накануне выборов главы Церкви по распоряжению властей был изменен церковный Устав. Впредь все важные вопросы церковной жизни — выборы епископов, учреждение новых епархий, викариатств и другие — должны были решаться только с согласия органов государственной власти⁷. Наконец в результате выборов, проведенных 10 марта 1936 года на Вселатвийском Церковном Соборе, новым главой Церкви был избран настоятель Даугавпилсской гарнизонной церкви протоиерей Августин (Петерсонс). Его основными заслугами признавались не авторитет в церковных кругах — отец Августин служил в Латгалии (Восточная Латвия) и большинству духовенства был просто незнаком, — а его «домовитость», качества проповедника, вдовство и «его давние связи с военными кругами»⁸. 29 марта 1936 года отец Августин был хиротонисан в митрополита Рижского и всея Латвии. Чин хиротонии совершили митрополит Фиатирский Герман, митрополит Принципский Фома, митрополит Иринопольский Константин, митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр и архиепископ Петсериский Николай. Тем самым правительство добилось избрания главой Церкви «удобного» для себя кандидата.

Для упрочения автономного статуса Латвийской Православной Церкви было принято решение образовать два викариатства — Елгавское и Ерсикское. Инициатива образования викариатств также исходила от латвийского правительства, которое предложило за государственный счет обустроить резиденции викарных епископов и выплачивать им жалование. Следует отметить, что Уставом 1936 года не были определены ни полномочия викарных епископов, ни границы планируемых викариатств. В 1936 году правительство выделило средства на содержание одного викарного епископа — Елгавского. 27 сентября 1936 года во епископа Елгавского был хиротонисан Иаков (Карпс). Чин хиротонии совершили митрополит Рижский и всея Латвии Августин, митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус), архиепископ Карельский и всея Финляндии Герман (Аав) и архиепископ Петсериский Николай (Лейсман). В 1938 году государство отпустило средства и на вторую викарную кафедру. 17 июля 1938 года во епископа Ерсикского (в 1939 году его титул был изменен на Мадонский) был хиротонисан Александр (Витолс)⁹. Чин хиротонии совершили митрополит Рижский и всея Латвии Августин, митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр, митрополит Карельский и всея Финляндии Герман и епископ Елгавский Иаков.

На Вселатвийском Церковном Соборе, созванном в июле 1936 года, переизбрали Синод Латвийской Православной Церкви, а также утвердили изменения в Уставе. Ликвидировалось приходское самоуправление и впредь причт прихода назначался, перемещался или увольнялся только главой Церкви и Синодом, Синод же определял размер жалования настоятеля (по старому Уставу эти права принадлежали собранию прихожан). Часть депутатов высказала недовольство тем, что митрополит Августин пресекал все попытки развернуть дискуссию по вносимым в Устав изменениям и требовал от депутатов формально голосовать за подготовленные заранее постановления¹⁰.

Уже в первом своем обращении к пастве митрополит Августин провозгласил о «слиянии целей» Православной Церкви и Латвийского государства, призвал православных Латвии всеми силами осуществлять на практике заветы «нашего Вождя — Карлиса Ульманиса... быть всем и всегда в единении»¹¹. Глава Латвийской Церкви, как и правительство Ульманиса, считал, что основой «единения» населения Латвии должен стать латышский язык. По распоряжению митрополита в октябре 1936 года преподавание в Православном богословском институте (единствен-

ном учебном заведении Латвии, которое готовило православных священников) было переведено на латышский язык, а преподаватели, не знавшие латышского языка, уволены¹².

Митрополит Августин настоятельно требовал переводить богослужение во всех храмах Латвии на латышский язык, а при храмах, у которых были только русские приходы, открывать и латышские. Заметим, что в середине 30-х годов в Латвии проживало 174389 православных, из которых латыши составляли 57600 человек, русские — 103438, белорусы — 8520, эстонцы — 1130, немцы — 587 человек и 3105 человек — представители других национальностей (украинцы, поляки, литовцы и другие). Из 124 священнослужителей Латвии 79 были русскими, 45 — латышами¹³. В большинстве приходов служба проводилась на церковнославянском языке. Конечно, нововведения митрополита вызвали резкое недовольство как прихожан, так и духовенства, особенно в латгальских приходах, где большинство просто не понимало латышского языка. Попытки же открыть при русских и латышских приходах были расценены верующими, как указание на то, что «у русских хотят отнять храмы». Уже осенью 1936 года в рижских храмах прошли шумные собрания прихожан, на которых верующие высказывали свое недовольство политикой митрополита¹⁴.

«Языковая реформа» митрополита Августина потерпела полный крах. Даже то сельское духовенство, которое владело латышским языком, понимало, что такими мерами можно оттолкнуть большинство прихожан от храмов, и продолжало совершать службу на церковнославянском языке. Столичное духовенство, находившееся под контролем церковного руководства, только в редких случаях совершало литургию на латышском языке, оправдывая себя или слабым знанием языка, или же тем, что прихожане практически не посещают «латышские» службы.

Еще одной акцией митрополита, вызвавшей повсеместный протест прихожан, была попытка перевода Латвийской Православной Церкви на новый календарный стиль. О этом было объявлено в декабре 1936 года. Согласно распоряжению митрополита, старый календарь впредь сохранялся только в тех приходах, в которых более двух третей прихожан решили его оставить. Однако и в этих приходах предполагалось в дальнейшем ввести новый календарь («практическая жизнь требует... согласования церковного календаря с календарем гражданским»)¹⁵. Против этого нововведения верующие в основном протестовали «ногами», то есть не посещали храмы в праздники по новому

стилю. Уже в декабре 1936 года представители латгальского духовенства попросили митрополита пересмотреть свое решение о переходе Церкви на новый календарь. Митрополит Августин не хотел уступать требованиям духовенства, однако акции недовольства продолжались, поэтому он попытался снять с себя ответственность за принятие такого непопулярного среди православных решения. В конце декабря митрополит заявил, что он не может отменить постановление Синода о переходе на новый календарь, однако «если на местах невозможно провести это решение в жизнь», то он «со своей стороны не будет возражать против отмечания праздников по старому и по новому стилю»¹⁶. В 1937 году единого порядка не было, каждый настоятель сам решал, подстраиваясь под настроения прихожан, какому календарю следовать. Однако уже в 1938 году в большинстве храмов служба проводилась только по старому календарю, новый же прижился лишь в некоторых малочисленных сельских приходах.

Авторитарные методы управления митрополита Августина, его стремления реформировать Церковь в соответствии с государственной идеологией настроили против главы Церкви многих православных Латвии. В 1939 году предполагалось созвать очередной Церковный Собор. Однако митрополит Августин, почувствовав непрочность своих позиций, на заседании Синода 20 апреля 1939 года предложил отложить созыв Собора и продлить срок полномочий нынешнего Синода. Синод в очередной раз согласился с его мнением и изменил статью Устава о периодичности созыва Собора с трех на пять лет, а свои полномочия продлил еще на два года. Такие действия Синода были уже прямым нарушением Устава Латвийской Православной Церкви 1936 года, согласно которому все изменения в Устав мог вносить только Церковный Собор¹⁷.

С падением летом 1940 года режима Карлиса Ульманиса полностью упал и авторитет митрополита Августина. Наиболее ярко это проявилось на апрельском (1941) Соборе Латвийской Церкви, когда никто из депутатов не выступил в защиту опального митрополита. Еще более очевидным это стало в годы немецко-фашистской оккупации территории Латвии, когда он (20 июля 1941 года) вновь объявил себя главой Церкви в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Его поддержала только небольшая группа латышских священников, представлявших пять малочисленных сельских приходов. Православные Латвии остались верными Московскому Патриархату, экзарху Прибалтики, митрополиту Виленскому и Литовскому Сергию (Воскресенско-

му). 15 июля 1942 года Собор епископов экзархата запретил митрополита Августина (Петерсона) в священнослужении¹⁸.

Если период управления Латвийской Православной Церкви архиепископом Иоанном (Поммерсом) — яркий пример деятельности независимого от государственной власти церковного руководства, которое опиралось на паству, на принцип соборности, строго следовало церковным канонам, и поэтому чувствовало себя сильным, то время управления митрополитом Августином (Петерсоном) — пример попытки следования церковным руководством установкам государственной власти без учета, а иногда даже вопреки церковным канонам и интересам своей паствы, попытки подменить принцип соборности абсолютной властью архиерея, опирающейся на правящий государственный режим. И пример митрополита Августина наглядно показывает, насколько непрочна власть такого церковного управления.

Примечания

¹ 24 сентября 2001 г. Собор Латвийской Православной церкви (ЛПЦ) канонизировал священномученика архиепископа Иоанна (Поммерса). Очень точную характеристику личности архиепископа Иоанна дал в своем письме к нему в марте 1922 г. митрополит Евлогий (Георгиевский): «Пред Вашей испытанной и исключительной энергией умолкают все протесты». (См. материалы Латвийского Государственного исторического Архива (далее — ЛГИА). Ф. 7131. Оп. 1. Д. 26. Л. 71.)

² *Valdobas vestnesis*, № 228, 1926.

³ *Вера и жизнь*, № 12, 1934. С. 185.

⁴ ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 74. Л. 80.

⁵ Синод обсуждал вопрос о выборах нового главы Латвийской Православной Церкви. В: *Сегодня*, газета, № 328, 1934.

⁶ ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 688. Л. 271; Ф. 1370. Оп. 1. Д. 2347. Л. 137; Д. 2758. Л. 1-17; Д. 2759. Л. 47.

⁷ ЛГИА. Ф. 7496. Оп. 1. Д. 338. Л. 8-9.

⁸ *Формаков А.* Протоиерей Августин Петерсон. Из воспоминаний и личных встреч. В: *Сегодня*, № 71, 1936.

⁹ ЛГИА. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 1980. Л. 71, 76-79; Д. 2351. Л. 96.

¹⁰ Там же. Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 688. Л. 158.

¹¹ Послание главы Латвийской Православной Церкви митрополита Августина к православному населению Латвии. В: *Сегодня*, № 132.

¹² ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 688. Л. 276.

¹³ Там же. Ф. 1370. Оп. 1. Д. 2343. Л. 1-10.

¹⁴ Там же. Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 688. Л. 278.

¹⁵ Jaunais stils. In: Ticoba un dzove, № 9, 1936.

¹⁶ ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 1/22. Д. 688. Л. 243.

¹⁷ Там же. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 105. Л. 33; Ф. 370. Оп. 1. Д. 2347. Л. 63, 66.

¹⁸ Осенью 1944 г. митрополит Августин (Петерсонс) эмигрировал в Германию. Там он проживал с семьей своего сына в Felbach (около Штуттгарта), где в 1947 г. провозгласил создание ЛПЦ в изгнании (в юрисдикции Константинопольского Патриархата). После переезда в Германию митрополит Августин почти непрерывно болел, поэтому практически не занимался церковной деятельностью. Августин (Петерсонс) скончался 5 октября 1955 г. в Гаутинге (около Мюнхена).

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1920-1948 ГОДОВ

Прежде всего нам необходимо определиться с терминологией. Понятие «экуменизм» зачастую понимается как поиск истины. Так как Православная Церковь уже обладает этой истиной в полноте, участвовать в поиске ее — абсурд. Но, отвечая своему спасительному назначению, Церковь должна содействовать тем, кто ищет истину, открывая вопрошающим православное учение о самой себе как о единой спасительной Церкви.

Так как в Православной Церкви вынесение решений по вопросам вероучительным, в том числе и относящимся к учению о Церкви (экклезиологии), является исключительной прерогативой епископата, нам необходимо упомянуть об экклезиологических направлениях, имевших место в период со времени становления церковных убеждений будущих архиереев Русской Православной Церкви Заграницей до их эмиграции из России. Это краткое обозрение также даст необходимый исторический контекст для понимания рассматриваемой темы.

В появившемся в 1841 году произведении «Церковь одна» Алексей Степанович Хомяков выступил против юридических определений Церкви, тем самым знаменуя борьбу против так называемого схоластического богословия. Ко времени начала академической карьеры архимандрита Антония (Храповицкого) и молодости других будущих архиереев Русской Зарубежной Церкви — 1894 году — относится защита магистерской диссертации Евгения Петровича Аквилонова: «Церковь, научные определения Церкви и апостольское учение о ней как о теле Христовом»¹ ставшей точкой отсчета нового направления в русском экклезиологическом богословии. Эта работа явилась плодом нового, обращенного к святоотеческому пониманию, под-

хода², семена которого были насажены митрополитом Московским Филаретом и А. С. Хомяковым. Аквилон, представитель академического богословия (СПбДА), пошел дальше, открыто выступив против засилия в русском богословии юридических терминов и схоластического подхода, причем работу свою он снабдил обильными ссылками на определения Церкви из творений святых отцов. Из этого нового курса, намеченного святителем Филаретом, Хомяковым и Аквилоновым, а не из схоластического богословия, по западному образцу, происходит магистерская диссертация Владимира Троицкого (МДА), впоследствии священномученика Илариона, «Очерки из истории догмата о Церкви» (1913)³. Отображением этого ученого труда стал неоднократно переиздававшийся в типографиях Русской Зарубежной Церкви очерк «Христианство или Церковь»⁴. В нем автор утверждает, что

насушной потребностью настоящего времени <...> можно считать открытое исповедание той непреложной истины, что Христос создал именно Церковь и что совершенно нелепо отделять христианство от Церкви и говорить о каком-то христианстве помимо Святой Церкви⁵.

Митрополит Антоний (Храповицкий), с одной стороны, разделял эти взгляды, а с другой, в известной мере противоречил им. Подход митрополита Антония и архиепископа Илариона (Троицкого) отображает экклезиологию святителя Киприана Карфагенского (III в.), согласно которой за оградой католической Церкви таинства не совершаются. Утверждение святителя Киприана, основанное на его экклезиологии, что всех еретиков и раскольников надо крестить, осталась на правах теологумена, так как Церковь в целом ряде канонических правил говорит о трех степенях приема. Теоретическое объяснение этих правил дает блаженный Августин, епископ Иппонийский (III в.). Да, есть единая, спасительная Церковь *Una Sancta*, но в отделившихся от нее сообществах, продолжает, в зависимости их удаления от Церкви, действовать ее спасительная, «предваряющая» благодать⁶, что дает основание говорить о членах Церкви и о христианах, которые таковыми членами не являются. Как представителя этого подхода в Русской Церкви назовем митрополита Московского Филарета. Далекий от какого-либо релятивизма в отношении к Церкви, несомненно почитавший *только* Православную Церковь Единою Святой, Соборной и Апостольской, святитель при этом

пишет в «Разговоре между испытующим и уверенным о Православной Восточной Кафолической Церкви»:

Никакую Церковь, верующую, яко Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложною. Христова Церковь может быть токмо либо чисто истинная, исповедующая истинное и спасительное Божественное учение без примешения ложных и вредных мнений человеческих, либо не чисто истинная, примешивающая к истинному и спасительному веры Христовой учению ложные и вредные мнения человеческие⁷.

Владыка Антоний (Храповицкий) явился, пожалуй, ведущим борцом дореволюционного периода как за восстановление внутренней независимости Церкви от государственного аппарата, так и против схоластического, или школьного, богословия. Вероятно, свои эkkлeзиoлoгичeские взгляды на то, что за оградой Православной Церкви не действует благодать, митрополит Антоний рассматривал в контексте возвращения от схоластическо-западного к древнему мистическому православному мировоззрению. И так, как часто бывает, борьба с одной крайностью — схоластическим влиянием — приводит к другой опасности, когда исконно православные понятия начинают приниматься за чужеродные... Взгляд митрополита Антония на инославие ярко выражен в ответе на приглашение американского пастора и филантропа Роберта Гардинера принять участие в конференции движения «Вера и церковное устройство» (Faith and Order), опубликованном в 1915 году в харьковском журнале «Вера и разум», цитируемом мною в обратном переводе:

Вне Православной Церкви нет благодати — все разговоры о действительности таинств — лишь талмудический софизм. Не имеет значения, имеет ли неправославный правую веру или нет. Важно действительное членство в Православной Церкви⁸.

Однако в том же ответе на приглашение принять участие в экуменической конференции архиепископ Антоний одобряет участие в ней представителей Православной Церкви: «Мы не будем сослужить, но — вместе искать истинное учение относительно противоречивых вопросов веры»⁹.

Конечно же, митрополит Антоний — наиболее крупная фигура из числа «отцов-основателей» Русской Зарубежной Церкви. К его взглядам примыкал и архиепископ Полтавский и Обоянский Феофан (Быстров), бывший ректор Санкт-Петербургской духовной академии.

Большинство из более чем 30 архиереев (цифра дана на 1921 год), оказавшихся за пределами советской России, не имели никакого отношения к экуменической деятельности в дореволюционный период. Исключение составляли архиереи, занимавшие кафедры в Северной Америке (Платон, Александр, Евфимий) и участвовавшие здесь в беседах с представителями Епископальной церкви, продолжая курс архиепископа, впоследствии Патриарха Московского, Тихона. С позиции русского епископата целью этих контактов было присоединение епископалов к Православной Церкви.

Митрополит Евлогий участвовал до революции в сношениях с англиканами, в 1912 году он стал первым председателем созданного в Петербурге «Общества ревнителей сближения Англиканской Церкви с Православной»¹⁰.

Говоря об отношении к экуменизму русских епископов в начале 20-х годов XX века, нельзя не обратиться к деяниям Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 годов. На Соборе был создан специальный отдел «По соединению христианских церквей перед лицом надвигающегося безбожия». 4/17 сентября 1918 года отделом был составлен проект постановления Собора, в котором говорилось уже не просто о «христианских», но о «дружественных Православию Церквях»:

Священный Собор с радостью видит искренние устремления старокатоликов и англикан к объединению с Православной Церковью на основе учения и Предания Древней Вселенской Церкви. Он благословляет труды и усердие лиц, которые трудятся в поисках пути к соединению с названными дружественными Церквями¹¹.

Этот проект был рассмотрен и утвержден Собором на последнем его, 170-м, заседании 7/20-го сентября 1918 года. Однако на последнем епископском совещании, которое должно было утверждать все решения принципиально богословского или догматического характера, этот проект не рассматривался. В цитированном выше отрывке хорошо просматривается принцип дореволюционного участия в экуменическом движении: переговоры *ведутся с теми Церквями, которые интересуются Православной Церковью*.

Высшее церковное управление на юге России, из которого произошло Высшее церковное управление заграницей, не осталось безучастным к выраженному на Соборе стремлению к христианскому единству. В августе 1920 года архиепископ Волынский Евлогий с благословения Высшего церковного управле-

ния на юго-востоке России¹² был уполномочен представлять Русскую Церковь на первом конгрессе движения «Вера и церковное устройство» (Faith and Order), проходившем в Женеве. Том самом конгрессе, о котором вели переписку с Гардинером архиепископ Антоний и архимандрит Иларион. На этой конференции архиепископ Евлогий постарался, чтобы была принята резолюция, в которой выражалось бы сочувствие гонимой Церкви Российской и порицание советской власти¹³. С этой конференции начались экуменические контакты митрополита Евлогия с представителями протестантизма, интенсивно продолжавшиеся до Второй мировой войны. В эмиграции он стал самым видным представителем, в архиерейском сане, Русской Православной Церкви довоенного периода в ее общении с экуменическим западом. Но в этой своей деятельности митрополит Евлогий главным образом проявился после разрыва отношений с Архиерейским Собором Русской Зарубежной Церкви в 1926 году.

Работавшая в 1921 году к Константинополе под руководством Севастопольского епископа Вениамина подготовительная комиссия для организации Всеагличного церковного собрания выпустила сборник материалов¹⁴, в котором приводятся выдержки из окружного послания Константинопольской Патриархии «к церквам христианским», во всем мире обретающимся (январь 1920 года) — считающегося знамением нового экуменического курса Поместных Православных Церквей. Примечательно, что в 1938 году в своем докладе «Экуменическое движение» на Втором Всезарубежном Соборе епископ Потсдамский Серафим (Ляде) ссылается без всякой критики на это послание, определяя его как «чрезвычайно важное»¹⁵.

Продолжая традицию Собора 1917-1918 годов, Высшее церковное управление заграничей на своем заседании 10/23 июня 1921 года в Сремских Карловцах постановило, чтобы будущее Загличное церковное собрание

не касалось вопросов догматических и вопросов о каноническом общении, а ограничилось бы вопросами, выдвигаемыми настоящим историческим моментом и совместной борьбой с общим врагом религий, что есть современное неверие и безбожие¹⁶.

На заседании самого Русского загличного церковного собрания от 16/29-го ноября был принят доклад Миссионерского отдела, возглавляемого епископом Лубенским Серафимом (Соболевым), в котором ставилась задача «выяснения света Право-

славия пред духовным взором инославного и иноверного населения за границей». Для выполнения этой задачи признается необходимой особая подготовка священнослужителей¹⁷.

Значительную часть в истории экуменических контактов Русской Зарубежной Церкви занимают ее отношения с англиканами. Начавшееся еще в XIX веке сближение англикан с Русской Православной Церковью продолжалось и в эмиграции.

20 ноября / 3 декабря 1921 года Архиерейский Синод Русского церковного управления заграницей постановил согласиться на сделанное еще в 1919 году предложение англиканского Общества сближения с Восточной Церковью о поступлении 10 русских священников на богословский факультет с целью ознакомления с учением и бытом Английской Церкви¹⁸. В 1925 году по случаю 1600-летия Первого Вселенского Собора митрополит Антоний был приглашен в Великобританию на устроенные по этому поводу торжества. На торжественном обеде в отеле «Холборн» митрополит Антоний в ответном слове на речь о соединении христианства министра авиации сэра Сэмуэла Хааре отметил, что существует Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, которая разделиться не могла, и в то же время существует христианство — т.е. отдельные люди, религиозные общества и целые народы, верующие во Христа как Бога и признающие Святое Евангелие и вообще Библию (вот пример противоречия максиме архиепископа Илариона: что христианства нет без Церкви):

Стремиться к объединению их должен всякий ревнующий о слове Божиим. Каковое соединение должно выражаться прежде всего в освобождении души нашей не только от всякой тени враждебного чувства к инакомыслящим, но и от преобладающего в уме нашем стремления их опровергнуть. Напротив, более угоден Богу будет тот из нас, кто приложил старание к уяснению всего того, что объединяет нас между собою, и будет стараться не о сокращении числа таких истин, но о возможном расширении их, и в особенности в отношении к тем христианским обществам и вероисповеданиям, которые дружественно идут навстречу нашей Церкви¹⁹.

При этом, по свидетельству митрополита Евлогия, на том же собрании владыка Антоний заметил, что

все инославные исповедания лишены иерархической благодати, Англиканскую Церковь нельзя выделять из ряда других христианских исповеданий, в том числе и католицизма²⁰.

Однако на тех же торжествах, при посещении студентов духовного колледжа в Кентербери, митрополит Антоний среди прочего сказал студентам следующее:

Взирайте с благоговением на предстоящее вам пастырское служение как на самую высшую заслугу пред Господом <...> Молодые избранники Божии, вы призываетесь к самому высшему на земле служению Богу — быть светом миру и солью земли²¹.

Вопрос соотношения теории и жизни: как можно приложить эти слова к служителям безблагодатного церковного сообщества?

В своей речи на Никейских торжествах в Англии митрополит Евлогий отметил важный аспект в отношении экуменического движения — работа, проводимая православными представителями на экуменических съездах, не является самодостаточной, но требует рецепции представляемой ими Церкви:

<...> окончательная оценка нашей русской экуменической работы принадлежит всей Матери-Русской Церкви, она и будет нас судить — либо благословит, либо в благословении откажет²².

Об отношении другого видного члена Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви, архиепископа Кишиневского Анастасия к англиканам можно судить по его речи, обращенной к британским паломником, посетившим Елеонский монастырь в Иерусалиме в 1926 году:

Мы ощутили в Англиканской Церкви дыхание *того «вселенского» начала* (курсив мой. — А. П.), какое всегда было живо в ее сокровенных недрах, не взирая на пережитые ею исторические потрясения, и проявляет себя особенно ярко ныне в так называемом англо-католическом движении, зародившемся в тридцатых годах прошлого столетия вокруг славного Оксфордского университета. Эта могущественная закваска преобразует постепенно все тело Англиканской Церкви, возвращая ее учение, дисциплину и богослужение к духу Древней Апостольской Вселенской Церкви. Она окрыляет душу Англиканской Церкви, делает последнюю живою и жизнедеятельною и влечет к единению с Православием <...> Да будет позволено нам заключить наше приветствие псаломскими словами... «Благословенны грядущие во имя Господне» (Мф. 21:9)²³.

Кажется, что слова эти вполне созвучны экклезиологии, глупо боко чтимого владыкой Анастасием митрополита Филарета Московского — сохраняется невидимая связь с Церковью. Однако почти эти же слова, произнесенные архиепископом Анастасием менее чем через 10 лет, при постриге игумении Марии (Робинсон), не позволяют сделать такой однозначный вывод:

В самом деле, что вызвало к жизни сто лет тому назад великое Оксфордское движение <...>, как не желание наиболее ревностных верующих англикан *восстановить утраченную связь* (курсив мой. — А. П.) с Древней Единой Вселенской Церковью, живое воспоминание (только лишь, а не мистическая связь! — А. П.) никогда не умирало в недрах англиканства. Православная же восточная Церковь имеет то преимущество пред другими христианскими исповеданиями, что она никогда не разрывала этого органического единства с древней Апостольской Церковью, оставаясь во всем верной ее духу, что и дало ей силу сохранить у себя всю полноту истины и благодати, какую даровал Своей Церкви ее Божественный Основатель Христос²⁴.

16 мая 1935 года в Лондоне по инициативе Russian Clergy & Church Aid Fund было устроено моление о прекращении гонений на веру в Советской России. На него прибыли: архиепископ Анастасий (заместитель председателя Архиерейского Синода), архиепископ Серафим Финляндский (управляющий западноевропейской епархией РПЦЗ) и от Константинопольской Патриархии митрополит Евлогий. За богослужением в англиканской церкви православные иерархи стояли в мантиях²⁵. В свою очередь на литургии и молебне в русском храме присутствовали в облачениях многочисленные представители англиканского духовенства²⁶. В 1920-30-е годы Синоды ряда Поместных Православных Церквей вынесли благоприятные решения в пользу признания наличия у англикан апостольского преемства²⁷. Каноник Дуглас, ведавший в Кентербери сношениями с Православной Церковью, в статье, помещенной в весеннем выпуске журнала The Christian East за 1928 год²⁸, сообщает о преподавании сербским Патриархом Димитрием Святого Причастия группе англиканских паломников в белградском кафедральном соборе. В той же статье сообщается о том, что епископ города Харбина предписал указом священнослужителям епархии преподавать таинства изолированным в этом дальневосточном городе англиканам. Дуглас не указывает имени архиерея, но очевидно, что речь идет об архиепископе Мефодии Оренбургском²⁹.

Архиепископ Камчатский Нестор, находясь в 1938 году с миссией на Цейлоне, обратился с запросом к митрополиту Анастасию можно ли принимать англиканских священнослужителей и мирян через исповедь (13 клириков выражали желание присоединиться к Православию), что заметно облегчило бы их присоединение. Архиепископу Нестору был послан Указ Архиерейского Синода от 4 января 1939 года, в котором говорилось, что ввиду того, «что по вопросу о принятии в общение англиканского духовенства в сущем сане еще нет определенного постановления всей Православной Церкви (курсив мой. — А. П.) и что Российская Церковь до последнего времени не выносила никакого определения по сему вопросу, признать, что разрешение его в положительном смысле превышает компетенцию Архиерейского Синода», продолжать принимать англикан согласно существующей практике — то есть через хиротонию.

До самой оккупации Югославии в 1940 году у Русской Зарубежной Церкви сохранялись живые отношения с англиканами³⁰. После того как в 1943 году Московская Патриархия установила взаимосвязь с Церковью Англии, отношения последней с РПЦЗ были сведены на нет³¹.

* * *

От краткого обозрения так называемых экуменических контактов Русской Православной Церкви Заграницей с англиканами перехожу к рассмотрению ее взаимоотношений непосредственно с экуменическим движением.

В связи с тем, что советская пропаганда использовала факт обращения Русской Зарубежной Церкви, например послание Собора 1921 года «Ко всем верующим в Бога», чтобы обвинить церковных беженцев в измене Православию, Российский Заграничный Синод постановил «воспретить представителям русских заграничных церквей принимать меры сближения с инославными церквями без ведома Высшего русского церковного управления заграницей»³².

Причины отказа Русской Зарубежной Церкви от участия в первом конгрессе «Практического христианства» «Жизнь и деятельность» (Life and Work), имевшем место в Стокгольме в августе 1925 года³³, можно определить как весьма характерные для последующих взаимоотношений Русской Зарубежной Церкви с экуменическим движением. Во-первых, потому, что ее цели и задачи слишком расплывчаты; во-вторых, потому что ее ини-

циаторы не православного упования; в-третьих — невозможность участия в конференции, в коей участвуют епископы Блейк, Нюльсен, доктор Ф. М. Нортс и их единомышленники, так как они скомпрометировали себя нехристианскими поступками; в-четвертых — из-за опасения, что конференция выльется в косвенную поддержку большевистской России, поскольку на ней ожидалась делегация «Живой Церкви» и дипломатических представителей Совдепии. Русская Зарубежная Церковь была Церковью беженцев от советской власти, и «официальные представители Русской Зарубежной Церкви принципиально отказывались участвовать в общественных организациях наряду с представителями советской России»³⁴.

Демаркационная линия юрисдикционного размежевания прошла также и через экуменические связи. Резкий полемический климат в отношениях между «соборянами» и «евлогианами» не давал возможности вести конструктивный диалог представителям обоих лагерей Русского Православия в Европе. В таких условиях религиозные философы и мыслители из Богословского института в Париже могли предложить западным экуменистам куда больше, чем представители охранительного православного направления, занятого Архиерейским Собором РПЦЗ.

Если Англо-русское содружество, впоследствии ставшее носить имя преподобного Сергия и святого мученика Албания, имело главным образом дело с парижскими богословами, то Братство преподобного Венедикта Нурсийского находилось в ведении Архиерейского Собора — его председателем был архиепископ Берлинский и Германский Тихон. Братство считало, что святоотеческий период, когда возникло венедектинство, — общий для востока и запада и должен служить почвой для сближения. При этом осуждался всякий прозелитизм (не ясно, что имелось в виду), как извращение апостольской проповеди, но принималось апостольское свидетельство. В 1935 году впервые в Православной Церкви, братство начало проводить октавы, или седмицы, христианского единства (инициатором коих явился англиканский священник Спенсер Джонс, в 1916 году октавы были рекомендованы для всей Католической церкви). В том же 1935 году архиепископ Дамиан Царицынский (РПЦЗ), настоятель монастыря Святого Кирика с семинарией при нем в Болгарии отслужил соответствующий случаю молебен и сказал проповедь. Архиерейский Собор 1935 года одобрил идею октавы и дозволил ее соблюдение епархиальным архиереям по их усмотрению³⁵. Однако в 1937 году (18/31 декабря) Архиерейский Собор опре-

делил — из-за того, что представленный Собору проект октавы проникнут папистской римско-католической тенденцией — «предложить всем Преосвященным впредь воздержаться от допущения так называемой «октавы» и от участия в ней»³⁶.

На проходившей в 1937 году конференции экуменических движений «Вера и церковное устройство» (Faith and Order) и «Жизнь и деятельность» (Life and Work) Архиерейский Синод командировал епископа Серафима Потсдамского. В постановлении об этом назначении от 18/31 декабря 1931 года говорится:

Сохраняя веру в Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Православную Церковь, Архиерейский Синод исповедует, что Церковь сия никогда не разделялась. Вопрос в том только, кто принадлежит к ней и кто не принадлежит. Вместе с тем Архиерейский Синод горячо приветствует все попытки инославных исповеданий изучать Христово учение о Церкви в надежде, что через такое изучение, особенно при участии представителей Святой Православной Церкви, они в конце концов придут к убеждению в том, что Православная Церковь, будучи столпом и утверждением истины (Тим. 3,15), полностью и без каких-либо погрешностей сохранила учение, преподанное Христом Спасителем Своим ученикам. И с этой верой и такой надеждой Архиерейский Синод с благодарностью принимает приглашение Комитета продолжения Всемирной конференции о «Вере и порядке»³⁷.

Епископ Потсдамский Серафим, сообщает в своем отчете³⁸ о второй конференции, посвященной вопросам «Веры и церковного устройства», что цель ее должна была заключаться в том, чтобы установить, в какой мере существующие различия в области веры и церковного строя и в будущем могут быть рассматриваемы как препятствия к полному единению и церковному общению³⁹. «Православная делегация воздержалась от голосования как общего доклада, так и декларации»⁴⁰. В своем отчете епископ Серафим указал, что участие православных делегатов имело большое и полезное значение для инославного мира, ибо они внесли в дискуссии подлинно церковный дух, раскрывая участникам конференции богатство и красоту Православия. Поэтому Архиерейский Собор и Синод должны командировать своих представителей и на будущие конференции.

Епископ Серафим, также в качестве представителя Архиерейского Синода в 1937 году присутствовал на Второй конференции движения «Жизнь и деятельность» (Life and work). Эта конференция практического христианства разочаровала его из за

отказа обличить большевизм в то время как на конференции делались нападки на правые течения, такие, как итальянский фашизм. По мнению епископа Серафима, дух Православия не нашел должного выражения в докладах конференции, находившейся под влиянием масонства. В будущем православные должны или совершенно отказаться от участия в подобных конференциях или же усилить свое представительство, чтобы не быть «букетом цветов» на столе протестантов⁴¹. На этой конференции было подтверждено намерение о создании Всемирного Совета Христианских Церквей, объединяющем в себе движения Faith and Order и Life and Work.

По докладу епископа Серафима об Оксфордской конференции для практического христианства Второй Всезарубежный Собор принял резолюцию, все содержание которой посвящено выявлению всемирного зла большевизма, так как его защищали участники Оксфордской конференции. В резолюции говорится о политических, общественных и национальных движениях, «которые написали на своем знамени непримиримую борьбу против большевизма и *пока* (курсив мой. — А. П.) спасли западноевропейские народы от большевизации, от гибели последних остатков христианской культуры от русской Голгофы»⁴².

Предполагаю, что отношение к экуменическому движению общественно-политических деятелей, окормлявшихся в Русской Зарубежной Церкви, весьма отчетливо выражено в докладе Н.Ф.Степанова Второму Всезарубежному Собору (1938): «Иудейско-католическое сближение и, в связи с ним, перспективы дальнейшей эволюции экуменического движения»⁴³. К нашему предмету относятся следующие постулаты этого доклада:

Католичество влияет на иудейство; иудейство на масонство; масонство на экуменическое движение... Подводя итоги экуменическому движению за последние десять-двенадцать лет, т.е. за период, истекший со Стокгольмской и Лозаннской до Оксфордской и Эдинбургской конференции, нельзя не отметить происшедшую за это время сильную эволюцию, выразившуюся в отказе от мысли объединения всех Церквей и переходе к практическим задачам к решению чисто политических вопросов. Идея соединения Церквей помимо Рима провалилась, и экуменизму нужно неизбежно поменять свое название...⁴⁴

Однако нельзя сказать, чтобы точка зрения Н. Ф. Степанова выражала все отношение к экуменическому движению отцов Собора. Доклад профессора Н. С. Арсеньева «Православная

Церковь и западное Христианство в наши дни» был посвящен интересу к Священному Преданию Православной Церкви вообще и, в частности, заботе о гонимой Церкви Российской среди инославных. Заканчивается доклад следующим призывом:

Глаза многих инославных братьев смотрят на вас «Да не хулится ваше доброе!». Да не обратится на нас упрек: «ради вас имя Божие хулится перед народами!» Но да будем мы призваны, не только устами, но всей жизнью нашей взывать к Единому Богу и Отцу — перед лицом инославных братьев, среди которых многие из нас поставлены жить: «Да святится имя Твое!» Да будем мы служителями и благовестниками мира ближним и дальним, благовестниками Того, Который есть *«мир наш»* (Ефес. 2:14)⁴⁵.

По докладу Арсеньева Второй Всезарубежный Собор принял следующую резолюцию, утвержденную Архиерейским Собором того же 1938 года:

Ознакомившись с докладом профессора Н. С. Арсеньева «Православная Церковь и западное христианство», отмечающим, что прямым следствием гонений на Православную Церковь со стороны безбожной власти в СССР явилось углубление и расширение внимания к нашей Церкви со стороны наиболее чутких представителей богословской мысли протестантства и католичества, Собор призывает Божие благословение на труды тех, кто жизнью и словом раскрывает перед западным христианским миром истинность нашей Святой Церкви и высоту ее мученического подвига в настоящее время⁴⁶.

Второй Всезарубежный Собор подвел итог участию Русской Зарубежной Церкви в экуменическом движении в межвоенный период. В докладе Всезарубежному Собору⁴⁷ епископ Серафим Потсдамский отметил, что православные на экуменических конференциях всегда излагали и защищали священные догматы :

Поэтому православные делегаты, как в Лозанне, так и в Эдинбурге, считали своим долгом подать и огласить особые заявления; этим они ясно отмежевали Православную Церковь от других исповеданий, именующих себя «церквами».

Епископ Серафим в своем докладе оценивает конференцию движения о «Вера и порядок» как удобное поле для просветительной и миссионерской деятельности. Замечательна заключительная часть его доклада:

Нам необходимо рассеять все недоумения и часто просто карикатурные представления о Православии, до сих пор распространенные в инославных кругах... Примирение с существующим положением оторванности большей части христианского мира от Православной Церкви, равнодушное отношение к экуменическим исканиям единства Церкви было бы непростительным грехом, ибо мы должны носить ответственность за судьбу тех, которые еще пребывают вне ограды Церкви и за будущую судьбу всего христианского мира. Поэтому мы не можем отказываться от участия в экуменическом движении и этим своим участием выразить активно свою волю к воссоединению всех с Православной Церковью.

Но участвуя в экуменическом движении, мы должны остерегаться уступчивости и снисходительности, ибо это крайне вредно и опасно, укрепляя инославных в убеждении, что они уже являются членами истинной Церкви. В области догматики и других существенных и основных вопросов мы не можем уменьшать свои требования.

Мы стоим пока только в начале экуменического движения. Может быть, оно заглохнет с течением времени, а может быть, оно разовьется вширь и вглубь. И было бы большой ошибкой следить за этим движением, ограничиваясь только ролью постороннего наблюдателя, не участвуя активно в нем, не стараясь направить его в надлежащее русло. Христос повелел: «Идите, научите все народы». На экуменической конференции присутствуют представители различных народов, христианских, но пребывающих еще вне ограды Церкви. Следовательно, мы должны осуществлять это повеление Христа Спасителя и на этих конференциях. Но, повторяю, мы не должны делать никаких уступок, не соглашаться ни на какие компромиссы, открыто и ревностно раскрывать все заблуждения и проповедывать только истинное и чистое Православие.

Фактически этот доклад стал последним аккордом активного участия Русской Зарубежной Церкви в экуменическом движении. Прения по вопросу об участии в этом движении⁴⁸ проводились после двух вышеупомянутых докладов епископа Серафима, а также доклада Н. Ф. Степанова, посвященного влиянию франк-масонства на Оксфордскую конференцию. Центром «антиэкуменической» группы стал архиепископ Богучарский Серафим (Соболев)⁴⁹. Он сказал:

«Внецерковное объединение ничего, кроме вреда, не принесет. Православная Истина выражается в благодати Святого Духа, именно в том, чего экуменическое движение знать не хочет». Владыка указал на пример одного, принявшего Православие, католика, который многие годы искал в своей церкви преподобного Серафима Саровского. Он же решил, что истина там, где есть преподобный Серафим. Этим подтверждается только, что объединение может произойти лишь на почве благодатной жизни. Цели экуменического движения не достижимы. «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых»⁵⁰.

В этих словах, перекликающихся со словами владыки Антония, что все инославные исповедания лишены благодати, видна характерная в отношении к экуменическому движению проблема взаимопонимания: ведь речь идет не о «внецерковном объединении», а о свидетельствовании «о нашем уповании»⁵¹.

Противоположный подход на Втором Всезарубежном Соборе был выражен блаженнейшим митрополитом Анастасием:

Приходится колебаться между двумя опасностями — соблазном или отказом от миссионерской работы исповедания Православия. Какое опасение возобладает? Будем исходить из положительных предположений. Облагодатствованная Церковь должна вести миссионерскую работу, ибо так можно спасти некоторых колеблющихся. Наряду с вождями, желающими обезличить Православие, другие, например молодежь, приходят на конференции с истинным исканием. Сравнивая то, что они видят и слышат у своих пасторов и у православного пастыря, они поймут истину. Иначе они останутся одиночками. Слышны положительные отзывы о выступлениях епископа Серафима на конференциях, исходящие от инославных. Надо учитывать и то, что англо-саксонский мир находится в кризисе, ищет истину. Протестантизм тоже ищет свою опору. У нас, к тому же, имеется традиция участия в таких конференциях, установленная покойным митрополитом Антонием. Во избежание соблазна надо разъяснять суть дела.

Проходивший в 1933 году Архиерейский Собор принял «Положение об Архиерейском Соборе», в котором говорится, что его ведению подлежат дела касающиеся отношений Православной Церкви к инославным исповеданиям. Исходя из этого, резолюция по вопросу об экуменизме была принята на Архиерейском Соборе, проходившем в 1938 году, после Собора Всезарубежного. Суть этого документа сводится к следующему: Русская Православная Церковь Заграницей запрещает своим

чадам участвовать в экуменическом движении. Однако ради целей миссионерских, по уполномочению церковной власти, представители РПЦЗ могут присутствовать на конференциях, безкомпромиссно разъясняя учение Православной Церкви, ни в коем случае не допуская отклонения от православной точки зрения.

О данной позиции в отношении к экуменическому движению говорят два следующих свидетельства. С одной стороны, выдержка из статьи «Восточное Православие и экуменизм» из журнала экуменического совета Нидерландов *Oikumene, Gemeenschap der Kerken* за апрель 1955 года⁵², где д-р В. Ф. Гольтерман указывает на принципы Собора 1938 года как лежащие в основе позиции, как это ни парадоксально, выраженной на Эванстонской Ассамблее Всемирного Совета Церквей одним из его создателей — протоиереем Георгием Флоровским.

С другой стороны, следующий отзыв, высказанный протоиереем Григорием Разумовским в докладе на однозначно «антиэкуменическом» Совещании глав автокефальных Церквей в Москве в 1948 году:

Русская Православная Церковь благодарит Бога за то вразумление, которое Он дал нашим зарубежным русским братьям, понявшим всю отдаленность от истинной церковности деяний и намерений Оксфордской конференции 1937 года и удержавшимся от вступления в экуменическое движение на Карловацком соборе 1938 года⁵³.

Итак, ссылки на авторитет этого Собора как «за», так и «против» участия в экуменическом движении, свидетельствует, в моем понимании, о верности этих решений, отвечающих назначению Церкви бескомпромиссно свидетельствовать о Православии везде, где это только возможно.

Годы войны, изоляция центра Русской Зарубежной Церкви под властью нацистского режима, считавшего экуменическое движение масонским предприятием, фактически сняли с повестки дня вопрос об экуменизме. Ввиду этих же причин, объединение двух экуменических движений «Вера и церковное устройство» (*Faith and Order*) и «Жизнь и деятельность» (*Life and Work*) во «Всемирный Совет Церквей» смогло состояться только в 1948 году в Амстердаме. На вопрос профессора М. В. Зызыкина о возможности его участия в амстердамском конгрессе ему был послан ответ из Архиерейского Синода (11/21 февраля 1948 г.), о том, что, к сожалению, он не может быть назначен

представителем Русской Зарубежной Церкви, так как Синод не получал приглашения из Амстердама, и что «мы не участвуем в Экуменическом совете»⁵⁴. О том, что линия фронта «холодной войны» разделила как новосозданный Всемирный Совет Церквей, так и экуменическое движение свидетельствует письмо от 1 августа 1948 года митрополита Крутицкого Николая, полученное за несколько дней до открытия первой ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Амстердаме, в котором выражается благодарность за приглашение и сообщается об отказе Русской Православной Церкви участвовать в экуменическом движении, а также выражается надежда, что Всемирный Совет Церквей не будет расценивать в качестве представителей Русской Православной Церкви как тех русских православных верующих, кто находится под омофором Константинопольского Патриарха, так и «раскольников» из группировок митрополита Феофила в Америке и митрополита Анастасия в Мюнхене, которые не имеют ничего общего с Русской Православной Церковью⁵⁵.

Итак, мне видится резонным подвести следующий итог всему вышесказанному. Из исследованных мною материалов следует, что эkkлeзиология Русской Зарубежной Церкви в период с 1920 по 1948 годы почти всецело (вопрос о взглядах митрополитов Анастасия и Серафима (Ляде) не до конца ясен) соответствует подходу святителя Киприана Карфагенского, который не признавал крещения не только еретиков, но и раскольников.

Однако в практическом отношении РПЦЗ продолжала принятие инославных в Церковь через миропомазание, что соответствовало подходу святителя Василия Великого и церковным канонам, хотя митрополит Антоний объяснял это тем, что пустая форма при соединении с Церковью получает содержание.

РПЦЗ следовала принципу дореволюционного экуменизма, выраженному в том, что диалог ведется с теми, кто интересуется Православием. С таковыми лицами допускались совместные молитвы. С самого начала своего существования в рассеянии (Собор 1921 года) епископат Русской Церкви осознавал свою ответственность за свидетельство о Православии перед иноверным миром. К этому свидетельству без компромиссов в области вероучения и канонического строя и сводилось участие представителей РПЦЗ в межконфессиональном общении. В экуменических контактах представители РПЦЗ могли участвовать только по полномочию от высшей церковной власти, которая, в свою очередь, указывала на ограниченность своей компетенции, ожидая решения вопросов отношения к инославным всеми

поместными Церквами. В первую очередь, конечно полнотой Русской Церкви.

К сожалению, разделенность внутри самой Русской Церкви не способствовала диалогу между участвующими в экуменических собраниях представителями Архиерейского Собора и митрополита Евлогия. Хотя именно благодаря подлинному экуменизму в 1935 году удалось восстановить мир в русском церковном рассеянии. Общий принцип Русской Зарубежной Церкви не участвовать где бы то ни было вместе с представителями Советской России сказался и на отношении к экуменическому движению.

Итак, к окончанию рассматриваемого нами периода в Русской Православной Церкви Заграницей, с одной стороны, были сильны настроения, выраженные в докладе Н. Ф. Степанова и замечании архиепископа Серафима на Втором Всезарубежном Соборе, — что представительство в экуменическом движении недопустимо.

Противоположную позицию, основанную на необходимости Церкви вести просветительскую работу в духе свидетельства апостола Павла перед философами в афинском ареопаге, выразили митрополит Анастасий и епископ Серафим (Ляде).

Оба подхода к экуменическому движению имели свои опасности. Первый — заболевание ксенофобией, второй — превращение представителей Православной Церкви «в букет цветов на столе протестантов». Эту дилемму предстояло решать руководству Русской Зарубежной Церкви в ранний период «холодной войны».

Примечания

¹ Весьма признателен протоиерею Александру Голубову за его доклад *Defining the Church: The Ecclesiology of Evgeny Akvilonov* на симпозиуме в Свято-Владимирской академии (*Russian Theological Traditions: Yesterday and Today*), 3 октября 2002 г., посвященный этой работе, благодаря которому я обратил на нее внимание, а также за сделанные им ценные замечания в отношении терминологии и определений, использованных в настоящем докладе.

² Впоследствии переработанная и дополненная дважды: в 1896 и 1904 гг.

³ Этот абзац написан для этой работы протоиереем Александром Голубовым.

⁴ Христианство или Церковь. Изд. 2-е, испр. и доп. (Сергиев Посад, 1912). Переиздан, например, в 1959 г. в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле по благословению Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей.

⁵ Там же. С. 63-64.

⁶ По мысли протоиерея Георгия Флоровского «О границах Церкви». См.: Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 159-170.

⁷ Цит. по работе священника В. Цыпина «К вопросу о границах Церкви». Богословские труды. Юбилейный выпуск Московской Духовной Академии — 300 лет МДА. М., 1986. С. 209.

⁸ *Georges Florovsky*. The Orthodox Churches and Ecumenical Movement. Christianity and Culture. Vol. 2. P. 230. Reference: Correspondence of Archbishop Antony with the representatives of the Episcopal Church in America. Vera i Razoum, 1915-1916 translation from French in Russian.

⁹ Там же. Приводится в обратном переводе с английского.

¹⁰ Fr Daniel Degyansky. Orthodox Christianity and the Spirit of Contemporary Ecumenism. Etna, 1992. P. 32. Согласно Die Russisch Orthodox Kirche im Ausland. Einnichtungen. P. 194. Цит. по неопубл. работе Fr. Georg Seide History of the Russian Church Abroad. The Church Abroad and the Non-Orthodox Churches. И. К. Смолич. История Русской Церкви 1700-1917. М., 1997. С. 374.

¹¹ Д-р Гюнтер Шульц. Вопрос о соединении Церквей на поместном Соборе Российской Православной Церкви 1917-18 годов. В: Православие и экуменизм. М., 1999. С. 66-67.

¹² Граф Н. Д. Жевахов. К церковной смуте. В: Церковные ведомости 15-16. Сремски Карловцы, 1927. С. 5.

¹³ Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия. Париж. С. 369.

¹⁴ Заграничное Русское Церковное собрание: материалы подготовительной комиссии. Вып. 1. Константинополь, 1921.

¹⁵ Деяния Второго Всезарубежного Собора РПЦЗ. Белград, 1939 С. 305.

¹⁶ Архив Архиерейского Синода (далее — ААС) в Нью-Йорке.

¹⁷ Деяния русского всезаграничного церковного собора, состоявшегося 8-20 ноября 1921 года в Сремских Карловцах. Срем Карловци, 1922. С. 80.

¹⁸ ААС.

¹⁹ *Архиепископ Никон (Рклицкий)*. Жизнеописание Блаженнейшего Антония Митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк. С. 85.

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ *Архиепископ Никон*. Жизнеописание... С. 87.

²² Там же. С. 585.

²³ Англиканы и Православные. Церковные ведомости 11-12, 1926. С. 6.

²⁴ Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Юбилейное издание ко дню 50-летия священнослужения. Джорданвилль, 1948. С. 80.

²⁵ Это также замечательный пример внутрицерковного «экуменизма» так как запрещение митрополита Евлогия в священнослужении было снято только в ноябре того же года.

²⁶ Хроника: Моление в Лондоне о Русской Церкви. Церковная жизнь, 6, 1935. С. 100-101. Для англикан прибытие в русский храм означало соприкосновение страждущей христианской России.

²⁷ Пленарное заседание совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви 8-18 июля 1948 года. Деяния совещания глав и представителей православных Церквей в связи с празднованием 500 летия автокефалии Русской Православной Церкви. Т. 1. Москва, 1949. С. 317.

²⁸ *Canon J. A. Douglas, Ph. D. Economy and the Communion at Belgrad. The Christian East*, IX. 1. London, 1928. P. 16.

²⁹ Там же.

³⁰ Ответ Архиепископа Кентербирийского на поздравление Митрополита Анастасия от 17-го января 1940 г. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ) в Москве: ф. 6343, оп. 1, д. 293, 39 (Переписка Председателя Архиерейского Синода с главами Церквей. Апр. 1937-фев. 1941).

³¹ *Fr. George Seide. History.*

³² Постановление принято в соединенном присутствии с Церковным советом 25 января/7 февраля 1922 года. ААС.

³³ Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви заграницей от 9/22 октября 1924 года. Церковные ведомости, 21-22, 1924. С. 1.

³⁴ ГАРФ, ф. 6343, оп. 1, д. 279, 31 (Дело о командировании представителей белоэмигрантской церкви в Стокгольм).

³⁵ Седмица молитв о единстве Христианства' 18-го января — 25-го января 1937 года (листочка изданная в Эстонии в 1936 г.).

³⁶ ААС.

³⁷ Деяния Второго Всезарубежного Собора. С. 304.

³⁸ Вторая всемирная конференция о вере и церковном порядке в Эдинбурге. Церковная жизнь 1, 1938. С. 12.

³⁹ Одним из положительных плодов достигнутого в 1935 г. в Белграде примирения можно считать совместное участие в конференции наряду с владыкой Серафимом таких замечательных представителей парижской школы, как например архимандрит Кассиан (Безобразов), отец Георгий Флоровский.

⁴⁰ Пленарное заседание совещания глав и представителей православных Церквей в связи с празднованием 500 летия автокефалии Русской Православной Церкви 10 июля 1948 г. Деяния совещания глав и представителей автокефальных православных Церквей в связи

с празднованием 500 летия автокефалии Русской Православной Церкви 8-18 июля 1948 г. Т. 2. М., 1949. С. 19.

⁴¹ Вторая Всемирная Конференция для практического Христианства. Церковная жизнь 10 11, 1937. С. 161-163 Ср. слова д-ра Гавина: We Orthodox simply are flowers on the table of the American Protestant banquet. Living Church, Aug 7, 1937, p. 158.

⁴² Слово «пока» дает некоторое оправдание этому тексту Но, тем не менее, в этой защите националистических движений ярко выразилась опасность того, что, борясь против одного зла, можно не различить ту же сущность другого зла, враждующего против первого.

⁴³ Деяния Второго Всезарубежного Собора. С. 492-556.

⁴⁴ Архиерейский Собор на заседании 24 августа 1938 года принял предложенную Н. Ф. Степановым резолюцию в которой говорилось, что «принципы: раса, нация, патриотизм, а равно и монархия... не только не противоречат учению Православной Церкви... но способствуют духовному преуспеянию народов». Постановления и резолюции Собора РПЦЗ... Церковная жизнь, 10, 1938. С. 159-160.

⁴⁵ Выраженная здесь мысль о том, что «мы не в изгнании — мы в послании», правда уже вне контекста экуменического движения стала довольно популярной среди авторов Русской Зарубежной Церкви в послевоенный период.

⁴⁶ Постановления и резолюции Собора РПЦЗ... С. 159.

⁴⁷ Экуменическое движение. Деяния Второго Всезарубежного Собора. С. 305.

⁴⁸ Там же. 369 и далее.

⁴⁹ Взгляды архиепископа Серафима (Соболева) восторжествовали спустя 10 лет в Москве на совещании глав Православных Церквей посвященном 500 летию автокефалии Русской Церкви.

⁵⁰ Деяния Второго Всезарубежного Собора. С. 369.

⁵¹ Ср.: 1 Петр. 3:15.

⁵² Приводится в изложении по письму от 17 го июня 1955 года Яна Хугстратена из эмиграционной службы при центральном отделе Национального Совета Церквей США протоиерею Георгию Граббе. Архив Архиерейского Синода. Нью-Йорк. Дело 5/48.

⁵³ Прот. Разумовский. Экуменическое движение и Русская Православная Церковь. Деяния совещания, 2. С. 188.

⁵⁴ ААС. Дело 5-48.

⁵⁵ The Moscow Patriarchate and the First Assenbly of the World Council of Churches. The Ecumenical Review, 12, Winter, 1949. С. 188 189.

Епископ Бачский и Нови-Садский ИРИНЕЙ

**РОЛЬ РЕЛИГИИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ МИРНОГО
СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.
ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВА
ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ***

Христианство и ислам, без сомнения, представляют собой две наиболее распространенные и динамично развивающиеся религии на планете. И та и другая зародились на Ближнем Востоке, хотя по своей географии и демографии они одинаково вселенские и международные. Обе исповедуют универсальные общечеловеческие идеи, ставят общие цели, имеют одинаковую внутреннюю устремленность, однако каждая из них считает себя догматически и теологически законным наследником Божественно откровенной веры Авраама и единственно верным монотеистическим вероучением. У них есть различия в учении и доктрине, другими словами, в толковании Божественного откровения, которое принципиально и исторически является единственным и уникальным. Как показывает история, эти различия не возможно преодолеть, разве только Сам Господь вмешается и сотворит чудо. В тоже время между этими религиями существует удивительное сходство. Более того, на определенных уровнях религиозного и духовного опыта существует частичное их взаимопроникновение, причем таким образом и в таком количестве, что мы можем уверенно утверждать: между другими мировыми религиями подобного нет. Можно сказать, и по сути это верно, что ислам осознает себя как полное воплощение и исполнение иудаизма и христианства. Евреи и христиане видят в исламе только искажение своих учений, однако, и они узнают в нем их черты.

* Доклад на X конференции по диалогу между исламом и христианством. 28-30 октября 2002, Королевство Бахрейн. Перевод с англ. Веревкиной Е. В.

Христиане и мусульмане обычно живут вместе. Стран с исключительно мусульманским населением, где христиан практически нет, немного, исключительно христианских стран без мусульманских «примесей», должно быть, еще меньше. В большинстве стран одна из конфессий преобладает, другая же представлена меньшинством.

Если эти замечания верны в отношении христианства и ислама, то они еще более верны в отношении Православия и ислама. Во-первых, в обширном регионе традиционного Востока и, соответственно, всего мира сосуществование христианства и ислама на практике часто означает сосуществования Православия и ислама. Это мы наблюдаем в типично православных странах Балкан и Восточной Европы, на азиатских широтах России и Дальнего Востока России, а также в типично мусульманских странах, от Северной Африки и Ближнего Востока до Индонезии.

Исламский мир знает христианство в основном в его православном варианте, а среди христиан опять же только православные имеют вековой опыт жизни рядом с мусульманами. Тем более интересно, что кроме исторических и геополитических связей, со всеми их плюсами и минусами, и полным спектром отношений, начиная от искренней дружбы до трудноразрешимых противоречий и конфликтов, православный христианский и исламский миры близки также в духовном и религиозно-этическом плане. Эти связи, без сомнения, более тесны, чем между исламом и западным христианством — католицизмом и протестантизмом. Православие в собственном опыте переживает себя как истинное христианство — подлинное христианское, евангельское вероучение, отсюда и происходит само слово — «Православие», то есть правильное прославление Бога-Спасителя.

У меня сложилось впечатление, переросшее в убеждение, что мусульманские богословы, анализируя христианство как вероучение, и простые верующие мусульмане, субъективно оценивая сходство и различие разных христианских церквей, признают, что Православие ближе к истине, чем неправославные христианские вероисповедания. Могу привести яркий пример из собственного опыта. В ранней юности мне довелось беседовать с одним из мусульман, живших в нашей стране. Мой собеседник сказал мне, что многие духовные руководители мусульман требуют от желающего принять ислам западного христианина сначала перейти в Православие и лишь после этого обращать-

ся в ислам. Может быть, это мнение и ошибочно, и наивно, но, по крайней мере, показательно, что среди простых мусульман распространено положительное отношение к Православной Церкви.

Православие и ислам в основах своей исконной духовно-исторической диалектики устремлены друг ко другу, и это указывает нам еще один путь к диалогу, взаимоуважению и лучшему взаимопониманию. Это утверждение находит поддержку там, где, казалось бы, ее менее всего можно ожидать. Известный американский идеолог и теоретик «западных ценностей», создатель теории возможного «конфликта цивилизаций» Самуэль Хантингтон в своей классификации относит западные римско-католические и протестантские общества к одной цивилизации, а православные и исламские к другой, не связанной с западной, а напротив, наиболее резко противоположной ей. Теория Хантингтона, как в своем оригинальном виде, так и с различными переработками быстро и повсеместно распространилась, вплоть до того, что большинство американских и западноевропейских средств массовой информации стали использовать крайне популяризированные формулировки Хантингтона, да и сам подход к освещению событий стал строиться на его концепции. Особенно это проявилось после кровавого конфликта на территории бывшей Югославии в последнем десятилетии XX столетия, и еще более после террористических актов в Америке в сентябре 2001 года. Сербский народ был подвергнут массовой и чудовищной демонизации, вину за все злодеяния и преступления в Балканском регионе возложили прежде всего, а, может быть, и исключительно на сербов. Через подобные обвинения ядовитые стрелы были направлены и на Православную Церковь и православных людей в целом. Обвинения эти высказывались из уст авторитетных интеллектуалов, политиков, а иногда, к сожалению, и церковных лидеров Запада. Справедливо было бы обвинять терроризм и преступления, совершенные якобы во имя веры, но по существу против нее. Однако очень часто, даже слишком часто, многочисленные корреспонденты, заключив бесчестные сделки, обращали эту информацию в истеричные тирады против ислама как вероисповедания и цивилизационной модели. Вообще говоря, нельзя относить такие классические этнические, территориальные, политические и идеологические конфликты, как те, что происходили в Боснии, Косово и Метохии, на Кавказе и в Палестине, к разряду религиозных или даже «цивилизационных». Я не буду подробно останавливаться на этом, все здесь

присутствующие понимают это так же хорошо как и я, а многие, я уверен, и лучше меня*.

Быть может, вступление к моей скромной речи получилось не только чересчур объемным, но и, строго говоря, не относящимся к теме. Однако думаю, в этом есть смысл. Думаю, что в нем заложена идея, без которой не может иметь место ни серьезная встреча, ни диалог между православными и мусульманами. Эту идею можно сформулировать приблизительно так: мы можем и должны преобразовать нашу сущностную или промыслительную историко-географическую взаимозависимость и духовно-культурную взаимосвязь, данную или попущенную нам Богом, в общее сознание и свободный выбор, в моральный императив, в деяние, которое мы будем воспринимать как данное нам от Господа. Мы сделаем это не ради необходимости или выгоды, но во имя нашего религиозного сознания, и каждый из нас — на основе духовных постулатов собственной веры. Но главной целью этого преобразования будет не только развитие мирного сосуществования и терпимости как среди верующих, так и среди неверующих людей, но и взаимное одобрение и уважение, общность и братство, основанное на том, что все мы от Бога, и все мы хотим служить Ему. За этим последует содействие искреннему и непредвзятому диалогу и всецелое сотрудничество, особенно в борьбе за мир, справедливость, свободу, равенство, человеческое достоинство, за творение Божие, за нравственные ценности, за повышение ответственности в области биоэтики и генетических исследований и т.д.

Мне кажется, что все больше людей с обеих сторон готовы к диалогу и сотрудничеству в указанном выше смысле, несмотря на отдельные обстоятельства и дилеммы, возникающие из-за того, что несознательно, а зачастую и специально религиозные чувства и религиозное самосознание используют для разрешения политических споров, этнических конфликтов и территориальных разногласий. Однако одной доброй волей устойчивого прогресса на этом пути нам не добиться. Необходима соответствующая социальная среда, другими словами, соответствующий политический климат. Такой климат может быть только в обществах, законодательство и органы административного управления которых гарантируют полную религиозную свободу и свободу совести всем гражданам без исключения, то есть верующим всех известных,

* Подробнее об этом см.: С. Giannaras. Politistiki diplomatia. Афины, 2001. С. 129-141.

традиционных и исторических религий (единственным исключением в этом контексте могут и должны стать члены тех сект и полурелигиозных движений, которые своим учением или действиями угрожают общественному миру и морали или представляют опасность для целостности личности, семьи и общества). Так, межрелигиозное мирное сосуществование и успешное межрелигиозное сотрудничество будут развиваться в рамках гарантированной религиозной свободы и свободы совести.

Попытаюсь немного подробнее объяснить и обосновать этот очевидный тезис. Настоящий диалог и конструктивное сотрудничество невозможны между неравными партнерами. В частности, это невозможно, если один из партнеров чувствует себя недостаточно свободным или защищенным, или, что еще хуже, ограниченным и зависимым от милости или немилости сильнеешего партнера. Таким образом, слабый партнер — слабый в том смысле, что он является членом сообщества, находящегося в меньшинстве или под давлением закона и политиков, — психологически смущен, он боится, что его затянут в то религиозное сообщество, которое его Церковь считает превосходящим, более многочисленным и потенциально опасным для ее будущего. Иногда сильный партнер или член сообщества-большинства (что важно для исторического своеобразия конкретного социального комплекса) тоже подвергается психологической опасности, он может быть даже напуган, оттого что в политически хрупком, законодательно неустойчивом и идеологически перегруженном социальном окружении его могут обвинить или даже осудить как еретика и предателя. Когда законодательство не обеспечивает безопасности и абсолютного равенства перед законом, очень трудно, если вообще возможно, по-настоящему узнать своего ближнего, религиозный опыт которого отличается от нашего. Без знания друг друга мы не сможем найти дорогу к взаимному уважению, дорогу, которая привела бы нас к тому, чтобы мы приняли нашего ближнего таким, каков он есть, а не таким, каким мы хотим его видеть. Эти замечания верны не только для отдельных личностей или групп, но и для целых Церквей и религиозных общин.

Перед законом нашего сердца и нашей совести, перед внутренним нравственным законом, или же, говоря на языке веры, перед абсолютным законом Божией справедливости и любви, все мы — христиане и мусульмане — в ответе не только за себя, но и за других. Мы в ответе не только за то, что из-за нашего действия или бездействия наши ближние переносят

страдания и боль, но и за то, что из-за нашей неадекватности и непоследовательности они не могут жить полноценной человеческой жизнью, жизнью свободной, полной достоинства, не могут возрадоваться от даров и благословений Всемогущего, на которые они имеют право по Его святой воле и милости. Такую же ответственность за других, главным образом за слабых, мы должны иметь перед положительными законами этого мира. Справедливые и человеческие законы никогда не бывают избирательными, они всегда служат человеку, защищают права каждого, особенно слабого и преследуемого сильными мира сего, кем бы они ни были.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

**ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПАТРИАРШЕГО МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЯ
МИТРОПОЛИТА НИЖЕГОРОДСКОГО, с 16 октября 1932 года —
ГОРЬКОВСКОГО СЕРГИЯ (СТРАГОРОДСКОГО)
с МИТРОПОЛИТОМ ЛИТОВСКИМ и ВИЛЕНСКИМ
ЕЛЕВФЕРИЕМ (БОГОЯВЛЕНСКИМ), УПРАВЛЯЮЩИМ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИМИ ПРИХОДАМИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ, АРХИЕПИСКОПОМ БЫВ. СЕВАСТОПОЛЬСКИМ ВЕНИАМИНОМ
(ФЕДЧЕНКОВЫМ), КЛИРИКАМИ и МИРЯНАМИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ во ФРАНЦИИ**

**Документы из архива
Отдела внешних церковных связей
Московского Патриархата***

78

**Письмо митрополита Елевферия
митрополиту Сергию**

22 декабря 1931 года/4 января 1932 года.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому, Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший и дорогой Владыко.

Почтительнейше прошу Вас принять от меня сердечный привет с праздниками Рождества и Крещения Господня и нашим новолетием (ст. ст.). Да пошлет Вам Господь здоровья телесного и бодрости душевных сил для достойного продолже-

* Продолжение публикации, начатой в №№ 1 (4), 2 (5), 3 (6), 4 (7) 1998; 1 (8) 1999; 1 (10), 3 (12) 2000; 3 (16) 2001; 2 (19) 2002.

ния Вашего ответственного служения пред Господом и Его Святой Церковью.

Спаси Вас, Господи, за большое утешение 15-го декабря. Телеграмма, к сожалению, пришла в 9 часов вечера, когда трапезовавшие гости уже разошлись. За трапезой я провозгласил Вам здравицу, пропели «многая лета». Это уже — обычно. Но приди Ваша телеграмма к этой здравице, получился бы пафос.

Пока милостью Божиею и Вашими святыми молитвами живем слава Богу, без особых тревожений. А что будет дальше, ведомо Богу. Из Парижа я получил приятные вести: мир и благодать там на Подворье и в приходе. Бывшие некоторые трения милостью Божиею улеглись. Среди всеобщего беспокойства и растущей безработицы, в чувствительной степени отзывающейся на русских, наши патриархисты отдыхают душою за богослужением в нашей Патриаршей Церкви. Преосвященный Вениамин много сделал для такой умиротворенной жизни. Много работает в типографии, но пока мало видит плодов. Все с терпением и не вдруг. Бог даст, увидит и плоды трудов. В Берлине тоже тишь да благодать. Только общий экономический кризис сделал туговатость с деньгами.

Надеюсь, Вы получили уже мое дело о Кишиневцах¹ с многими приложениями. Ожидаю Вашего ответа. Там томятся своим неопределенным положением, как недавно (15 декабря) мне писал о том А. Н. Невзоров. Скоро пришлю дело об отце Сергии Соколовском. Оно аналогично с делом отца Зноско, который, кстати сказать, уже воспринят в Патриаршую Церковь в сущем, иерейском сане. В конце конца остается тяжелое впечатление от поспешности решений митрополита Евлогия и Карловцев, без серьезных оснований ввергнувших клириков в тяжелое положение.

Почтительнейше прошу Вас засвидетельствовать мой братский праздничный привет всем членам Священного Синода и Преосвященному Питириму.

Испрашивая Ваших святых молитв, честь имею оставаться с искренним и глубоким почтением и совершенною преданностью Вашего Высокопреосвященства низайший послушник

Митрополит Елевферий.

**Письмо митрополита Елевферия
митрополиту Сергию**

от 28 января/10 февраля 1932 года,
г. Ковно.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь.

Чрез Преосвященнейшего Епископа Вениамина ко мне обратился с просьбою священник юрисдикции митрополита Евлогия, Димитрий Соболев², о единоличном принятии его в Патриаршую Церковь. В силу Указа Патриаршего Синода я разрешил его от запрещения и принял в состав Патриаршего клира.

За него особенно просил Преосвященнейший Вениамин, в свое время его посвятивший и имевший о нем духовное попечение.

В лице отца Соболева мы имеем пока не великое, если не отрицательное приобретение. Он эмигрант, неженатый, по крайней мере в эмигрантском пребывании он — без семьи. В нравственном смысле он поведения довольно зазорного, за что он, будучи в различных приходах митрополита Евлогия, был перемещаем из одного в другой то по просьбе к митрополиту Евлогию прихожан, то распоряжением самого митрополита. В сентябре прошедшего года он обратился к митрополиту Евлогию с просьбою снять с него священнический сан, чтобы покончить с душевною раздвоенностью: «в Церкви, — как он писал ему, — я священник, а во вне — грешный мирянин». Митрополит Евлогий уговорил его не делать этого греха и послал вторичные просьбы Соболеву о том, митрополит Евлогий посоветовал ему уволиться из его епархии и заняться литературным трудом (он с университетским образованием и по отзывам — очень неглупый человек). Отец Соболев последовал его совету, выбыл из «его епархии» и прибыл к Преосвященнейшему Вениамину, прося его принять к себе, чтобы начать новую покаянную жизнь.

Настолько поведение отца Соболева было зазорно, что Парижский Приходской Совет, на этот случай в усиленном составе, обсуждал вопрос — принимать ли его?

Не отзовется ли отрицательно на репутации Патриаршего Прихода его принятие? Общее мнение было, что отказать в

приеме нельзя, но с какими ограничениями — по этому вопросу были высказаны разные суждения.

Взвесив все сообщенное мне оттуда, я, ввиду Указа о разрешении кающихся клириков, оставшихся верными митрополиту Евлогию, снятием с него запрещения Патриаршего Синода возвратил его в состав Патриаршего клира; но, принимая его в свою юрисдикцию, имея в виду нравственную зазорность его, запретил в священнослужении пока на шесть месяцев, разрешив ему жить в Трехсвятительском Подворье и поручил его, кроме общего присмотра за ним Епископа Вениамина, ближайшему духовному руководству иеромонаха Стефана, оставляя за собою суждение о его дальнейшем положении по получении о нем отзыва не только клира Подворья, но и Приходского совета. Митрополит Евлогий, узнав о переходе его к нам, запретил его за это в священнослужении, указ о чем переслан оттуда мне.

Во всем остальном церковная жизнь в моей епархии, а также в Париже и Берлине пока, по милости Божией, протекает в общем без особых неприятностей.

Прошу засвидетельствовать мой братский привет всем Членам Патриаршего Синода.

Испрашивая Ваших святых молитв, честь имею оставаться Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник,

Митрополит Елевферий.

Р. S. Сейчас я получил из Ниццы письмо, в котором просит меня написать Вам, что тамошний приход (11 человек) горячо о Вас всегда молится.

**Письмо митрополита Елевферия
православному русскому генералу, имя которого
не приводится, проживающему в Париже**

Январь, 1932 год.

Ваше Превосходительство!

Не будучи с Вами лично знаком и не имея оснований писать Вам, настоящим я обращаюсь к Вам по просьбе Преосвященнейшего Вениамина ответить Вам на пересланное им мне последнее к нему Ваше письмо от 1 февраля сего года.

Позвольте кое-что сказать по содержанию Вашего письма. Оно, по видимому, написано по поводу прочитанной моей статьи «Парижский церковный откол», хотя в нем преимущественно — общие рассуждения по большому церковному вопросу эмиграции.

Название церковного деяния, совершенного митрополитом Евлогием «отколом», а не расколом, дало Вам основание думать, что положение его я не считаю расколом, а только отколом, чем-то меньшим, чем раскол.

Да, понятия — откол и раскол по силе церковного греха несколько отличны одно от другого и это различие касается не столько сознания своего церковного положения отколовшихся, сколько взгляда на них Церкви, от которой они отделились. Переход митрополита Евлогия с приходами в ведение Константинопольского Патриарха, пусть даже, по заявлению последнего, временное, я мыслил, как отпадение от Русской национальной Церкви и потому назвал его «отколом». Раскол же как церковное явление имеет свои виды — от партийных раздоров (1 Кор. 1:10-12) до серьезных выступлений против Церкви, которое, хотя не касаются существа веры, но так заостряют свои греховные отношения к Ней (Церкви), что из серьезных разномыслий деятели этих выступлений переходят в обособленность, отчужденность от Церкви, хотя сама-то Церковь не отказывает, не отделяет их от себя, а считая их своими, применяет к ним соответственные, Ею же самую установленные, врачебные меры. Митрополит Сергей так именно и смотрит на дело митрополита Евлогия с его последователями, не считая их чуждыми для себя как Главы Церкви, в ней еще находящимися, только тяжело духовно больным, к уврачеванию которых она применила канонически эпитемийное средство — увольнение от управления, а потом запрещение. В последнем ответе Патриарху Константинопольскому³ Владыка Митрополит Сергей пишет: «Распоряжение Вселенской Патриархии об изъятии митрополита Евлогия с русскими православными приходами из канонического ведения Московской Патриархии и прочее мы не можем не признать для нас неприемлемым и необязательным. Я в качестве Заместителя моего Кир-иерарха, не считаю себя в праве (и не вижу оснований) сложить с себя воспринятые канонически — законным путем — обязанности по управлению вышеназванными приходами, ни освободить Преосвященного Митрополита Литовского и Виленского Елевферия от данного ему мною поручения. Митрополит Евлогий остается для нас уволенным, преданным соборному суду и запрещенным, и все акты его — не имеющими

силы канонической и недействительными. Поэтому мы, я и Священный при мне Патриарший Синод, от лица всей нашей русской православной иерархии опять усерднейше просим Ваше Святейшество возвратить митрополита Евлогия и его последователей на путь канонического послушания их =законному церковному начальству= и тем утвердить колеблемый мир в нашей Православной Русской Церкви».

Как видите, я строже мыслил церковное положение митрополита Евлогия, наименовав его «отколом», чем Владыка митрополит Сергей, который иначе определив свое отношение к нему, назвал это положение в предыдущем акте «новым расколом» (первый — Карловацкий).

Это и все, что Вы говорите в письме определенного о моей статье.

Откровенно говоря, мне гораздо и гораздо было бы легче отвечать Вам, если бы Вы наполняли свое письмо возражениями мне; я чувствовал бы себя, так сказать, хозяином и в Вашей критике, и в своих ответах, которые, как идущие от Истины церковной, всегда нашли бы для себя достойные основания и в области Божественного Откровения, и в святых канонах, которые должны быть поставляемы краеугольным камнем взаимных обсуждений церковных вопросов, теперь существенно важных, как незыблемая воля Божия, данная Христом, Главою Церкви Православной не только для устройства последней, уготовляющей всем нам вечную жизнь, но и земного существования, даже в форме государства, которое, как Божественное установление, в главнейшей цели своего существования должно содействовать Церкви в достижении сей своей спасительной цели.

Мне даже было бы приятно прочесть эти возражения, особенно если бы я в них почувствовал стук сердца в двери Истины, чтобы уяснить ее себе и быть в Ней. Но Вы прямо сошли на путь надцерковно-политический, столь зыбкий, скользкий, ледяной — опасный, сколь теперешняя мировая политика, совершенно отрешенная от христианства, как будто идущая к концу, указанному Христом для такого пути (Лк. 13:1-3). Впрочем, уже тот неоспоримый факт, что Вы душою тянетесь к Преосвященному Вениамину, желаете с ним быть в переписке, говорить с ним о церковном вопросе, пока по-своему, по-мирски понимаемому, скажу даже, фактически унижаемому, будучи не в силах поставить его на надлежащую высоту, прикрывая это словами святого апостола Павла — «яко дни лукавы», забывая то, что то время, когда были произнесены эти Божественные слова,

было время «лукавейшее» теперешнего, и, однако, святой апостол не считал возможным и достойным христианина этим ослабить у христиан должную духовную неусыпную бодрость всегда предпочитать незыблемое вечное скорогибнущему, временному (прочтите послание к Ефесеянам, всю 5 главу, а к данному слову относящиеся 15-17 ст.), этот факт все-таки свидетельствует, что и для Вас не безразличен тот церковный путь, в котором Божию милостью стоим и по силе своей труждаемся мы. Более того, Вы даже просите Преосвященного Вениамина, чтобы он оставался в Париже и продолжал учить людей «благочестию и благому деянию».

Кстати, позвольте спросить Вас: если Преосвященный Вениамин учит людей «благочестию и благому деянию», то есть делает то, что должен делать каждый верный Христу иерарх, то как понять то, что Вы пишете ему: «Вы, Владыко, свободны от откола, но Вы во вражде с прочими заграничными иерархами, против Вас и Ваших прихожан вздымаются волны озлобления — недавняя статья Милюкова⁴ тому пример — и, конечно, озлобляет это и Ваших прихожан (а Вы в этом уверены?): озлобляется душа христианская, что грех». Неужели Преосвященный Вениамин, уча людей «благочестию и благому деянию» этим самым враждует с другими иерархами и мирянами? Тогда как же мыслить о спасительном деле Христа, которое вызывало злобу еврейского народа и вознесло его на крест? Конечно, нельзя же и подумать, чтобы Христос враждовал против него. Что можно сказать об апостоле Павле, проповедь которого всегда встречалась и сопровождалась чрезвычайным негодованием его же народа; а ведь он так любил его, что сам готов был лишиться спасения, только бы спасся Израиль? Если безбожники поносят Бога, то неужели Он, как Отец, любящий грешников, виновен в злобе их? Не наоборот ли? Не породилась ли причина злобы ко Христу и апостолу в злобствовавших к Ним людях? И в данном случае не Преосвященнейший Вениамин враждует против заграничных иерархов или мирян вроде Милюкова, а они против него как иерарха истиной Русской Православной Церкви, от которой, к глубокому сожалению, они откололись. Что же, неужели, чтобы не было «греха», для мира, как Вы его понимаете, нужно бы Преосвященному Вениамину отказаться от верности Матери, Истиной Церкви, и стать на путь противоборства Ей? Тогда нужно сказать: не следовало ли для общего мира Христу и апостолу Павлу отказаться от деятельности спасения мира? Если бы Преосвященный Вениамин во имя житейского мира (Иак. 4:4)

перестал бы говорить об Истине, стал на путь отпавших от Нее иерархов, то, несомненно, тем показал бы, что и ему безразличен Богоустановленный порядок, что и он предпочел ему тот мир, который «по своей ценности и по своей судьбе недалеко от обмазанной стены», за которую обличает священников пророк Иезекииль (ответ митрополита Сергия Патриарху Фотию).

Мне кажется, что не упрекать за это следует Преосвященного, но благодарить Бога, что Он оставил в Париже живое словесное напоминание Истинного пути, к которому нужно идти всем, желающим спасения.

Такую несогласованность двух указанных положений Вашего письма я могу себе уяснить только тем, что Вы еще робко делаете шаг к Истине, а всем существом живете в церковном расколе. С этой точки зрения я могу объяснить себе и то, что Вы, с одной стороны, позволяете сказать, повторяете резкую газетную характеристику беседы Митрополита Сергия с журналистами, прикрывая это церковной пользой, ссылаясь в последнем случае на меня (хотя мое понимание факта — субъективное, документально необоснованное, так как газетные сведения об интервью, единственный источник, знакомивший с ним мир, были противоречивые, вплоть до отрицания действительности его, между тем как мои выяснения существа церковного откола, документально обоснованные, для Вас остались неприемлемыми; с другой стороны, Вы стараетесь оправдать антиканоничное дело митрополита Евлогия тем, что видите некоторые добрые последствия этого греха.

Я думаю, что Вы, Ваше Превосходительство, еще один из немногих пришли к убеждению, что «панихиды»⁵, служившиеся митрополитом Евлогием и, добавлю, поездка в Лондон⁶ носили политически-демонстративный характер и были не молитвою к Богу, а прогневлением Его, возбуждая злобу к врагам в сердцах собравшихся на молитву. Вы полагаете, что таких молитвенных демонстраций уже не будет. Митрополит Евлогий в отколе, — говорите Вы. Но, правду говоря, не погасил ли он этим политику в эмигрантской Церкви? Не внес ли он мира в души христианские своих пасомых и не предохранил ли он их от бесполезности — и даже греха-молитвы в озлоблении? Вы понимаете, теперь политической демонстрации из панихиды по убитом царе в церкви на Дарю уже не сделаешь.

Вы, следовательно, признаете раскол митрополита Евлогия благотворным явлением для создания той антидемонстративной стороны церковной жизни, которая была главнейшею причиною,

приведшую митрополита Евлогия с клиром к печальному концу. Пока допустим это. А ведь как до раскола и митрополит Евлогий и окружающие его в газетной прессе твердили, что они не могут подчиняться требованиям Московской Патриархии, что они потому и ушли из России, чтобы быть свободными во всем в отношении большевиков, что если митрополит Евлогий, их Владыка, подчинится воле Патриархии, то потеряет всю паству, останется один, что он должен быть с ними заодно, Пастырь с пасомыми. А чего и от кого требовала Московская Патриархия? Одного, чтобы церковный амвон не делать местом политических демонстраций и в общественных собраниях не произносить политических речей, и все это — только от церковного клира; о мирянах не было и речи, их политической свободы Патриархия не касалась; и этого требовала Патриархия не по одному только тому, что подобные выступления не соответствовали призванию клира, но главным образом потому, что они наносили неисчислимый вред Матери Церкви. Разве не раздавались речи о том, что Патриархия своими требованиями к эмигрантскому клиру показывает непонимание ни своей пользы, ни пользы Церкви эмигрантской, ни пользы, наконец, России, что эмиграция вся, с клиром, должна раскрыть миру (нужны наши скорби торгующему совестью миру) губительные для культуры, для цивилизации (под которые многие подводили и Церковь) действия безбожной власти, чтобы спасти отечество? И все это волновало церковные, если можно сказать так, души нашей эмиграции, вселяло в них озлобление против Матери Церкви, питало их политически-демонстративным грехом. И никто не подымал голоса за то, чтобы остановить это церковно-губительное движение; а если бы кто и сказал что либо, то разве послушали бы его; уж слишком накаляли атмосферу в этом направлении. Последовал ряд церковно-сокрушительных епитимийных действий Патриархии — увольнение от управления митрополита Евлогия, бегство его в «греки», где митрополит Евлогий сам дал подписку не делать церковно-политических выступлений, какую он, как свободно данное им обязательство, не исполнил в отношении Матери-Церкви, запрещение в священнослужении, — произошел церковный раскол, и *невозможное тогда*, когда звала к нему святая наша Церковь, *стало возможным теперь*, когда совершился раскол.

Вы говорите, что Митрополит Сергей «солгал публично» в интервью. Да, допустим этот личный грех, но он вынуждался сознанием временной пользы для Церкви. А сколько же раз говорили публично неправду, — выражаясь Вашим термином

«лгали», — те, которые утверждали, что эмигрантская Церковь не может выполнить требования Патриархии о неполитичности Ее? И эта неправда завершилась расколом потому, что подталкивалась желанием откола. И вот вы готовы хвалить этот раскол, которым будто бы погасил митрополит Евлогий политику в Церкви. Что же, тогда не будет ли логически-принудительным хвалить и грех прародителей, ввергший человечество в пучину бедствий, но явившийся причиной проявления беспредельной любви Бога к грешному миру, пославшего для спасения его Своего Сына? Тогда нужно благодарить и распинателей, вознесших Христа на крест, сделавшийся спасением миру. Но это было бы нечто ужасное, подобное тому, что строго осуждает святой апостол Павел (Рим. 3:8).

Тогда что же могло повлиять на перемену церковного настроения в расколе находящихся Западных Европейских приходов? — спросите Вы.

Святая Библия — верный руководитель в понимании всех вообще и подобных церковных явлений.

Когда еврейский народ жил полной своей государственной жизнью, то почти всегда прогневлял Бога, оставляя свою религию, воспринимая языческую от соседних народов, с ее гнусным разнообразным идолопоклонничеством. Бог непрестанно через своих пророков обличал их в измене Себе, карал их, угрожал пленом, разрушением государства, но все было напрасно. «Ах, как я утомился их щадить», — говорил Господь через пророков, показывая, насколько была тяжела для Него почти беспросветная измена Ему избранного народа.

«Пошлю на них Своего избранника, северного царя Навуходоносора, который разрушит Иерусалим, храм, заберет все священные сосуды, народ отведет в плен, где они будут 70 лет. Здесь они добровольно изменяют Мне, а там их будут принуждать кланяться всем мерзостям, языческим богам. Но там-то они почувствуют свое отвращение к ним и навсегда исцелятся от этого греха. Вот тогда, когда они будут в плену, я отдохну». (Я излагаю своим языком сущность, удерживая подлинные характерные выражения.)

Ни идолопоклонничество, как величайший грех иудеев, ни разрушение Иерусалима и храма, единственной тогда в мире святыни, ни плен сам по себе, только как наказание за грех были для них исцеляющим средством, ибо все это, как наказание, для Бога было тяжело, а многообразная забота Его о людях, начиная от посольства к ним пророков с их огненными обличительными речами, немог-

шими бесследно пройти для слушавших их, оканчивая пленом, духовно оперативно действовала на спасение погибающих.

Распятие Христа евреями, конечно, само по себе, как внешний факт, было величайшим грехом. И если некоторые из распинателей после смерти Христа возвращались с Голгофы «биющие в перси своя», то не потому, что они к этому покаянному сознанию были приведены совершением самого греха, а потому, что смерть Христа была искуплением от греха всего человечества. Бог во умершем Христе простил грехи всему миру, и это милосердие Божие в смерти Христовой действовало на сердце некоторых распинателей.

Не раскол сам по себе, как великий церковный грех, который, по свидетельству святых отец, не может быть заглажен даже мученической смертью, благотельно действовал на митрополита Евлогия, погасившего в Церкви политику, а те разнообразные канонические меры, примененные к нему законной канонической властью, — длительная взаимная переписка, увольнение от должности, запрещение, — благодатно действующая и теперь, так как Патриархия и доселе считает его своим иерархом, произвели на него духовное отрезвление, и грех в частном своем проявлении прекратился.

Святые каноны — не юридические нормы, холодно действующие на виновных перед ними. Это воспитательно-спасительные меры, и в этом дух канонов. И если бы митрополит Евлогий предпочитал сущность канонов политическим устремлениям, то едва ли бы совершил такой церковный грех, ибо понимал бы сущность и силу его. Святые каноны Вселенских Соборов имеют в виду сохранение Единства Церкви, предусматривая существование национальных поместных Церквей; они заботятся о внутреннем и внешнем мире их через соблюдение ими этих правил. Для всякого любящего Россию понятна острая боль сердца, что большевики расчленили Россию и ослабили ее. Не то же ли сделали так называемые деятели церковные с Матерью Церковью своими расколами? Ведь и они взорвали Ее по частям, обессилили Ее, и теперь, не переставая поносить Ее в лице Ее достойнейших, стоящих во главе управления иерархов, в то время, как последние всемерно стремились и стремятся возратить примиренными с Матерью Церковью впавших в раскол и восстановить Ее великое каноническое единство, которое должно быть основой будущей Великой России.

Ведь только доселе длящиеся нанесенные большевиками политические и бытовые раны заглушают голос первоиерархов

нашей Русской Церкви и мешают понять их огромно-полезную церковную и отсюда национальную деятельность.

Только с этой точки зрения, далеко недооценивающей великий подвиг наших первосвятителей, восстановителей на канонических спасительных началах Церковь, главнейшее Христово дело («ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится Вам»), мне несколько понятны Ваши недоумения.

«Положение Владыки Елевферия во всем этом деле кажется мне весьма невыигрышным, — пишете Вы. — Как, в самом деле, может быть преемником иерарха, обвиняемого в вовлечении Церкви в политику и арбитром в этом деле, иерарх, который сам этой же самой политикой (своим подданством) обеспечен от того, чтобы чувствовать на себе ужасное проникновение ее — даже против нашей воли и желания — во всю нашу жизнь».

Здесь, вероятно, мы расходимся в понимании существа церковной политики, заниматься которой воспрещает Патриархия. Разве подданство другому государству делает невозможным быть иерархом Русской Церкви? Или оно вообще охлаждает национальное чувство, иноподданный перестает быть русским, умаляется в любви к родине? Или Вы думаете, что такое подданство обеспечивает подданного со всех сторон? А если нет, то такой подданный ничем не отличается в этих главных отношениях от эмигрантов, проживающих во Франции, Германии и других. И если подданство иерарха не освобождает его от церковно-политической деятельности вообще, то что же оградит его, так сказать, от политиканства? Одна только надмирность. Живущий же на земле не может жить вне политики вообще. Христос по человечеству жил в политической атмосфере, поскольку подчинялся законам Римского государства, заповедовал: «отдавать кесарево кесарю». Кто же может сказать, что Он вносил политику в Свою спасительную деятельность? Или кто может думать, что Он меньше любил Свой народ, чем еврейские националисты, горевшие ненавистью к Римской власти (Лк. 19:41-44)? А апостол Павел был римским гражданином. Это давало ему известные человеческие права, полезные только для его апостольского служения, но ни в малейшей степени не охлаждало в нем горячей любви к своим соотечественникам (Деян. 28:17-20); наоборот, служение спасению всего мира во Христе, делая его вселенским апостолом, возвышало его любовь к еврейскому народу желанием ему вечного спасения и всегдашнюю до личного самозабвения мольбою о том к Богу. Здесь и было коренное расхождение его с любимым им Израилем. Для Израиля

политические чаяния — главное. Искупительный образ Мессии подменен идеалом мирового владыки; ветхозаветная религия, служившая подготовлением ко Христу всего человечества, сделалась служебным орудием в душах еврейских руководителей для чаяния политического господства над человечеством. А для апостола Павла великое мировое Божие призвание Израиля (Рим. 2:17-20) заканчивалось Христом, к которому они первыми должны были придти для получения в Нем вечного спасения. Политическая сторона жизни для апостола имела свой особенный смысл в главнейшем Божием деле спасения человечества. Благовестие Духа Божия через него таково; всякая власть — от Бога, и как таковая она всегда, часто вопреки человеческим намерениям и действиям, содействует спасению человечества вообще и каждого народа в частности; только этой целью определяются свыше времена существования и пределы обитания каждой нации (Деян. 17:26-28).

Извращенное соотношение Божьего с кесаревым, с подчинением первого последнему иудейскими националистами привело к окончательному разрушению Иудеи; а Церковь Христова, основанная на апостольском благовестии, существуя в мире и являясь надмирною во Христе, живет, быть может, более будущим, чем прошедшим и настоящим; а государственность каждого народа, в частности христианского, ближе к нашему сердцу русского, настолько преуспевала, преуспевает и будет преуспевать, насколько соответствовала, соответствует и будет соответствовать целям Божиим, положенным в устройении Христовой Церкви.

Если Церковь как установление, в котором совершается вечное спасение, есть первейшее дело Божие и если всякая власть от Бога, то по Божественной воле нормальное соотношение между ними должно быть таково, каковое определяется сравнительным достоинством вечного и временного, земного. Божие — вечное, хотя и начинается на земле; кесарево — временное, оно существует и заканчивается на земле. Но как то и другое — Божие дело, то ясно, что Церковь Христова с Ее спасительною целью должна иметь абсолютное значение («Ищите же прежде Царства Божия и правды Его»), а государственная жизнь, направляемая всякою властью от Бога, слугою Божиим, должна содействовать главной Божественной цели, и тогда она будет преуспевать в благоденствии («и это все приложится вам»). Господствование же кесарева над Божиим есть извращение Божественного миропорядка, которое заканчивается круше-

нием государственной власти и освобождением для нормальной жизни Церкви.

Это произошло с Византийским государством.

Византийский церковно-государственный порядок перешел в Россию и со времени Петра Великого, подчинившего Божие кесареву, в ней так закрепился, что иерархам до 1905 года нельзя было и говорить о восстановлении соборного начала в Церкви, без которого жизнь Ее замирала и замирание «главного», «первейшего», естественно, должно было гибельно в своей неизменной постепенности отражаться на «кесаревом». Только с этого года стали свободнее говорить о необходимости созыва Церковного Собора, благодатно-живого и оживляющего органа и восстановлении Патриаршества; хотя о последнем говорилось как бы шепотом, да и то немногими; мысль о том, говоря человечески, была изглажена. Государственную Думу создали, а просьбу о созыве Собора отклонили. Церковь, опора всего земного, была придавлена. За время более 200 лет настолько разучились жить и мыслить истинно церковно, что миряне почти и не знали, что существуют святыя каноны, а иерархи, если и знали о них, то в большинстве утратили живое постижение сущности, цели их, и пользовались ими *ad hoc*, при отдельных случаях, едва ли правильно постигая дух их. А ведь святыя каноны — не человеческое измышление, не мирское творчество, а веление Христа Духом Святым через святыя отцы на Вселенских Соборах, данное Святой Церкви для охраны единства Ее и устранения в Ней внутреннего благодатного распорядка жизни. Святыя каноны — не внешнее, так сказать, принудительное дарование Христом Церкви закона, а гармоническое сочетание свободной воли Церкви и любви небесного Пастыреначальника к Ней, ибо они создавались в бурное, мятежное время в Церкви, время ересей и расколов, когда святыя отцы, великие деятели Церкви, переживая мятежное время Церкви, боялись за самое существование Церкви и обращались с молитвою о мире Церкви к Тому, Кто обещал, что и «врата ада не одолеют Ее». И вот на Вселенских Соборах в свободном и желанном, выстраданном в церковной буре единомыслии, исполненные Духа Святого, о Котором Спаситель сказал, что Он пребудет «с вами во веки», то есть в Церкви, изъявляли в канонах то, что нужно и спасительно для Церкви. Святыя каноны — живая воля Духа Святого, что то же Христа и верующих Церкви; это благодатная ограда Церкви Христовой от Ее расхищения злыми силами, спасительная сила, благоустроющая и укрепляющая внешнюю жизнь внутри Цер-

кви. Благодатное разностороннее действие их со спасительными дальнейшими проявлениями выявляется в Соборном начале, в благодатном живом дыхании Церкви на Ее Соборах. Без Соборов, как всякая способность без упражнения ослабевает, церковная жизнь постепенно замирает; святые каноны, как живая сила, обращается в полуживую, если только не в мертвую букву и жизнь Церкви вне их теряет свою подлинную церковность. Это и было с Русскою Церковью. Опекаемая со всех сторон государственною властью, регулируемая ею во всех отношениях, Церковь наша без соборного свыше двухсотлетнего дыхания, в смысле самостоятельности, дошла до истощения, до паралича, по меткому выражению Достоевского. Божие подавлено кесаревым. Но есть предел терпения Христа, Которому «дана... всякая власть на небеси и на земли», есть предел времени, за которым ненормальность Им исправляется. Государи, первые сыны Церкви, но ставшие властителями Ее, к великому прискорбию, не возвратили Ей отнятую у Нее соборность; она возвращается Ей в великом трагизме: государство рухнуло, власти не стало. Кто же восстанавливает соборность? Временное Правительство, в частности Керенский, при котором был созван Собор, верование в Бога которого под большим сомнением; а Патриаршество воссоздано при явном безбожнике Ленине. Кто бы мог подумать о том когда-либо прежде? Именно, пути Божии не исповедимы: «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь» (Ис. 55:8).

Воссиял канонический глава Церкви, но воссиял во мраке государственного развала, не для того ли, чтобы попираемое кесаревым Божие, ослабленное земным благополучием, вновь восстало в крушении той власти, возрастало в грозе и буре житейской, земно отовсюду теснимое, но в своем каноническом бытии несокрушимое, чтобы таким тяжким, страдным путем воссоздалось и исправилось то, что разрушено, дабы в русском народе так воссияло Православие, «чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы» (Деян. 15:16-17) и оно легло бы в основу и возглавление государства, служа внутреннею, живою всепроникающею его силою? Это — воля Христова, с этой точки зрения на происходящее в России нужно расценивать безбожную жестокую, большевистскую власть, как все же от Христа пришедшую. Кесарево настолько властвовало над Божиим, что Церковь в лице своих представителей-иерархов не только в своем земном существовании, но и в своей в некотором смысле надмирности всецело опиралось на государственную власть;

настолько сжилась, срослась с этим ненормальным порядком, что постепенно разучилась мыслить о каноническом устройении, постепенно оземлялась. Это неспасительно, греховно. Пришел предел, когда «глубиной мудрости человеколюбно вся строяй, и полезная всем подаваяй, Единый Содетель», Христос усмотрел нужду и, конечно, благовременность (неблаговременность бывает только у людей, а не у Творца и Промыслителя всяческих) разрушенное воссоздать и исправить. Потребовалась глубокая и решительная операция. Я говорю так только теперь, в некоторой исторической перспективе, осмысливая происшедшее с высоты «Божьего» вечного, спасительного.

Явилась безбожная власть. Государственная власть мирного времени, господствуя над «Божием», сама искала поддержки в Церкви; таким образом, создавался взаимный *modus vivendi*. Безбожная власть, заявив себя вне всякой религии, даже больше того, став во враждебное отношение сперва к Православной Церкви, резко отмежевываясь от Нее, порвав даже ту тончайшую связь с Нею, которая существует на Западе, там, где официально объявлено отделение Церкви от государства. Для безбожной власти нет никакой Церкви, а есть только разные общественные и политические организации. В том, что для Нее не существует, она, естественно, не могла искать и не ищет никакой себе поддержки. Она сознала себя самодовлеющею силою.

Церковь, по человеческим соображениям, оказалась в трагическом положении. Власти, под которой «Божиему» земно жилось спокойно, не стало. Безбожная власть, возложив на Церковь тяжелый крест, повлекла Ее на Голгофу. Для Христа Голгофа — отрешение от грешного земного мира, восхождение на небо, чтобы и Церковь, созданная Им, живя на земле, устремлялась к Нему, к Царству Божию путем правды Его. Голгофский удар безбожной власти по Церкви *был призывом к Ней Христа* — отрешиться от искания утвердиться в своем бытии на «кесаревом», а искать эту нужную и соответствующую своему назначению опору во Христе, Которому «дана... всякая власть на небеси и на земли», и туда устремлять и паству свою. Это не было понято. Да и трудно, почти сверхсильно было уразуметь глубокий, внутренний смысл происходящего. От паралича не сразу излечишься, если не будет явного Божьего чуда и если Божиим устремлением требуются для того человеческие искусства и усилия. Даже Святейший Патриарх Тихон, осиянный Божиим избранием, не сразу уяснил себе путь церковной деятельности. Растерявшийся под жестокими репрессиями на Церковь от безбожной власти, и

терзаемый внутренними политическими нестроениями народ, естественно, искал себе хотя моральной поддержки в лице Патриарха; и Патриарх, потрясемый всеми ужасами гонений и междоусобицы, насколько возможно, шел навстречу народу, сам надеясь найти защиту Церкви у него. Этим внутренним характером были проникнуты его первые первосвятительские послания. В этом объединенном чувстве искалось больше земного, что заключается в словах Христа: «все приложиться вам», но еще не было поставлено первейшею целью: «ищите же прежде Царства Божия и правды Его». Гонения усиливались. Более слабые иерархи (живоцерковники и обновленцы), привыкшие в жизни быть под опекой государственной власти, не выдержали бытовой отрешенности от нее, земной бесспорности и не только признали *безбожную власть от Бога данную*, но и хотели найти в ней хотя несколько похожие к себе отношения мирного времени. Весьма вероятно, что богооткровенная Истина: «несть власть, аще не от Бога» для этих иерархов была лицемерным прикрытием искания земного покоя, так как вскоре же они примрачили чистоту Православия и попрали святыя каноны; да и вожди-то их были несоответствующего званию церковного настроения.

Этим уже начавшимся церковным развалом Святейшему Патриарху как бы свыше предугазывалось повернуть направление церковной жизни в отрешенность от надежды на защиту народом Церкви, поставить Ее на положение гонимой первых веков христианства, когда Она, согласно Богооткровенному учению, признавая гонительскую власть данную от Бога и делая попытки получить от нее право на законное свое существование, ни на йоту не отступала от Христова вероучения, устремляя свой взор в потусторонний вечный мир, поставить «Божие» на подобающее ему первейшее место. Нужно было и грозное, суровое, жестокое «кесарево» признать от Бога данным для особых высоких спасительных целей. Но в том хаосе не легко было взойти на эту головокружительную высоту духа, признать не лицемерно, а искренно все то как волю Божию. Здесь требовался от Патриарха высокий духовный подвиг. Он был взят в заключение, где пробыл год. Только там, святительски, в благодати обдумывая все происшедшее и не имея возможности отрицать, что все произошло не без воли Божией, не случайно, что и гонительская власть, следовательно, от Бога; отсюда, непререкаемость богооткровенного принципа: «Несть власть, аще не от Бога»; он уразумел, что дотоле он ошибочно действовал, что воля Христова — укреплять и возвышать «Божие» — первейшая цель

его святительства и что выявлению этой цели ни сколько не препятствует, если возможно, получение от власти права на законное существование Православной Церкви, нимало не изменяя ни вероучению, ни святым канонам Ее. Господь судил ему, как чтимому всею Церковью Первоиерарху только провозгласить этот высокий принцип, волю Христову и начать осуществление ее. Воспринять его пришлось Местоблюстителю, Митрополиту Петру, а раскрыть его в возможной действительности — Заместителю последнего, Митрополиту Сергию, выдающемуся иерарху, огромного ума, изрядной учености, сильной воли, мало говорящему, но определенно и обдуманно действующему. Эти никем не оспариваемые качества отпечатлены во всех актах Патриархии в отношении эмигрантской Церкви, а также в делах и распоряжениях в отношении Церкви в России, в части своей опубликованных в изданном за истекший год «Журнале Московской Патриархии». В признании гонительской власти, данную от Бога он следовал Святейшему Патриарху, Местоблюстителю Митрополиту Петру, а главным образом — ясному велению Божию, со всею неприкасаемостью выраженному в Божественном Откровении. Можно ли его винить в этом? Не могут ли обвинители его явиться сами богопротивными (Деян. 5:39) и тем в своих ошибках замедлять должный рост нашей Матери Церкви и чрез то восстановление Русского Государства? Иное дело, если бы Митрополит Сергей, помилуй Бог, отступил от веры, от догматов, нарушая святыя каноны. Но здесь он тверд, непоколебим, и говоря по Истине, доселе нельзя было упрекнуть его ни в чем подобном; верю, что он останется таким и до конца своей деятельности, указанного ему Богом для восстановления и укрепления в существенных основах нашей Матери Церкви. Мне Бог судил (не потому, что я литовский гражданин — большевики могли не пустить в Россию и литовского гражданина, а потому, что на то была воля Божия, ибо я по милости Спасителя и в мыслях до того времени не отделялся от Матери и веровал, что Она Христом через избранных Им церковных вождей облачается в приличествующую Ей, как Великой Православной Церкви, одежду — воля: «прииди и виждь») быть в конце 1928 года в Патриархии всего неделю (один раз, а не несколько, как Вы предполагаете), духовно войти в благодатную, созидующую Церковь силу, в нужную меру приобщиться Ей и возвратиться оттуда с твердым убеждением, что и на Ней начертано Божественное обещание: «и врата ада не одолеют Ея». За неделю жизни в Патриархии я не слышал ни одного слова о политике, а ведь я

часто разговаривал один на один с митрополитом Сергием и другими иерархами. Говорили все о Церкви, и я чувствовал всегда некоторую неловкость спросить о чем-либо из области политической. Там утверждается отрешенность «Божьего» от «кесарева», там «возложивши руку на плуг», не озираются назад, чтобы хотя душою отдохнуть в воспоминаемом старом взаимоотноении «Божьего» и «кесарева», а желая быть управляемыми, благонадежными для Царствия Божия, предавшись воле Христа, Небесного Кормчего Церкви, создают и утверждают ту линию взаимного соприкосновения «Божьего» и «кесарева», которая должна существовать между ними как Божественная норма.

Вы скажете, что там и опасно им говорить о политике, они терроризированы, пусть так. А разве легко восстановить эту Божественную норму, на которую свыше 200 лет ложились наслоения ненормального отношения Церкви и государства? Нужен хороший острый плуг, чтобы перевернуть верхний пласт вниз, а нижний — наверх. Ведь и евреи оставили навсегда идолопоклонство не в обычных житейских условиях, а в тяжком 70-летнем плену. Истина, всегда почти рождается в страданиях; потому-то Она и бывает дорога и господствует над выстрадавшими ее.

Было бы совершенно ошибочным думать, что для иерархов, молчавших о политике и возвращающих Церковь к Ее нормальному положению, Россия, как родина, как отечество, потеряла свою цену, что они уже разлюбили ее со всем ее бытом, горем и радостями, что они как бы в надмирном своем делании не видят ничего, мало этим живут. Наоборот, они живут более глубокой любовью к ней, чем кто-либо постигающий «Божьего» в его существе. Что может быть надмирнее Христова служения на земле? А между тем, идя на страдания, в глубочайшей любви к Иерусалиму, Он проливал слезы, предвидя, когда от него не останется камня на камне. Истинная, глубочайшая любовь к родине тогда только и появляется, когда устанавливается Богом указанное соотношение «Божьего» и «кесарева», то есть всего земного. Тогда прежде всего ищется «Царство Божие и правда Его» и все остальное прилагается Богом, тогда уже и сама любовь и к отечеству, и всему другому, связанному с ним, является «Божиим приложением», даром Божьим, который как таковой, не может быть иным, как только глубоко охватывающим человека.

Естественно то, что кто не проникается Божественным соотношением «Божьего» и «кесарева», даже в принципе не понимает и даже отрицает его, тот не может любить как должно и

родину; он любит ее своекорыстно, эгоистично, в жажде пожить в плотских удовольствиях (в каких видах и степенях — это неважно). Ценность такой жизни определяется Богом — Рим. 8:5-8. А это настроение только отдаляет возрождение и возвращение к нормальной жизни нашей родины, ибо для Христа, власть Которого на небеси и на земли, нужно первое всего наше спасение, а потом земное благополучие.

Пусть там, в России еще не все прониклись таким идейным строительством церковно-государственного взаимоотношения; но важно то, что иерархия и лучшие миряне, верх церковный идет твердо по этому пути. Это уже не ядро церковное только, а определенное, устойчивое канонической руководство Церковным Кораблем, руль направления Которого повернул всеми чтимый приснопамятный Святейший Патриарх Тихон. Благодатная сила этого шествия уже сказала в том, что церковные бесчинники — живоцерковник, обновленцы и тому подобные, искавшие опоры и покровительства для себя Советской власти, теперь уже почти все возвратились к Матери Церкви, Патриаршей, утверждающейся в строительстве «Божьего» во Христе при угнетении «кесаревым».

Если, Ваше Превосходительство, Вы признаете в принципе правильным положение, что «Божие» выше «кесарева», как вечное, спасающее, ценнее временного, мирского, то с высоты этого принципа, когда я напому Вам прессы горделивые превозношения эмиграции, что у нас-де истинная Русская Православная Церковь, что мы носители Православия, мы — свободная Церковь, а не в России, пленная большевиками и чуть не потерявшая все, сами посудите, что в этой греховной горделивости есть истинного? Ведь неизменный факт — гонение утверждает веру вообще, а истинную в потребное для Церкви время, особенно. Там Церковь, осиянная исповедничеством и увенчанная мученичеством, а здесь? Там Христос, Небесный Церковный Кормчий, незримо, а может быть и ощутительно воодушевляя исповедничество и вдохновляя мученичество, освободил «Божие» из под ненужного и вредного гнета «кесарева», а здесь? Здесь продолжает действовать соотношение этих двух Божественных установлений мирного времени, с тем разве различием, что то «кесарево» заменено теперь политическими партиями, политиканствующей прессой и таким же окружением иерарха, который под угрозой быть оставленным паствою, если он будет идти с Патриархией, под таким внешним давлением сдался новому «кесарю», сделал ряд крупных ошибок; уволенный уже по личным

соображениям, бежал в Константинополь и «Кесарю» преподнес неожиданное подчинение чуждой ему Патриархии. Там внешне Церковь угнетена, гонима, но в Истине — свободна; а здесь? — внешне она свободна — говорят и делают, что хотят, а духовно в плену, ибо отступили от Истины и впали в раскол. И теперь, когда наша эмиграция, в значительной своей части, негодует на нашего возглавителя Патриаршей Церкви Митрополита Сергия и живет готовностью верить всякой клевете на него, вроде той, которой насыщена книга некоего «священника Михаила», в невольном огорчении встает в душе вопрос: доколе, Господи, будет лежать на сердце ее густое покрывало, заслоняющее духовный взор ее правильно взглянуть на совершающееся великое Христово дело в Матери Церкви, чтобы и на Ней исполнилось то, что Ты сказал о праотце Аврааме: «И виде и возрадовася» (Ин. 8:56)?

Христос, конечно, предвидел нашу будущую заграничную церковную разруху и послал меня в Патриархию, чтобы духовно осязая, возрадоваться и остаться верным Ей, почти в иерархическом одиночестве, когда все, на кого я смотрел с надеждою изменили Ей. Нелегко одиночество, но что же делать? Воля Божия. Что же удивительного в том, что Заместитель, Митрополит Сергей вручил мне духовное руководство теми из нашей эмиграции в Западной Европе, которых церковная совесть удержала в верности Истине, Матери Церкви? Разве лучше было бы, если бы за границей никого не осталось в Истине и все отпали бы в раскол? Впрочем, большинство эмиграции этого и желало; но это — греховная человеческая воля, а воля Божия иная: она сохранила в Париже и Берлине церковную, благостную закваску, которая постепенно, хотя и медленно, заквашивает среду, тех, которые больше сохранили в себе чуткости к спасительной Истине. И мое положение — не арбитра, как Вы полагаете, а иерарха, оставшегося Божьей Милостью верным Истине, пребывающего в неразрывном единении с Матерью, а через Нее с Вселенскою Церковью, духовно вбирающего всех, кто стоит в Истине и кто пожелает свободно и сознательно идти в спасительное пристанище. Мое положение в Церкви по существу не изменилось, оно только внешне расширилось, и только. В отношении же Церкви и родины я, как мне кажется, в существе остаюсь все тем же. Для меня, думаю, и для всех членов Патриаршей Церкви, дорога и мила наша родина святая, но дороже даже с точки зрения житейской, несовершенной, так сказать, утилитарной, ибо от Ее восстановления и прочного в спасительном смысле бытия зависит близкое или отдаленное возрождение Матери — земной. Поэтому мы стара-

емя укреплять в сознании мирян преимущественное значение Церкви. Лично я не живу вне всякого интереса к мировой политической и всякого другого вида жизни. Для меня, как и для всякого русского человека, ценнее во всем этом то, что так или иначе содействует благополучию родины. В разговорах с другими мне приходится касаться и этой стороны жизни. Но это не так существенно, это между прочем. Но чаще всего и душевнее приходится говорить о родине святой. Вот здесь-то, не закрывая глаз на бедствия ее и утеснения Церкви, я неизменно указываю на те непорядки церковной жизни и то озлобление религиозной моральной жизни нашего народа, которые и вызвали эти тяжелые внешне сокрушительные меры от Христа, имеющего всякую власть на небеси и на земли, что эти меры, нужно верить, не к смерти русского православного народа, а к новой Богу угодной жизни. Я всегда утверждаю, что безбожна грозная власть, но и она — от Бога и делает великое спасительное дело, сама, конечно, не сознавая того. Во всей широте и глубине, разумеется, не схватить и не постигнуть духовного значения всего тем совершающего, — это будет впоследствии понято; но уже по некоторым действиям безбожной власти можно видеть, что она ударяет по тем сторонам церковной и бытовой церковной жизни, которые крайне ослаблены были в мирное время и под ударами должны обновиться, и из греховных сделаться спасительными. Все это я выяснял неоднократно в личных беседах с точки зрения церковной, спасительной. Если от Христа и эта власть, то я и во внешнем многообразном мраке хочу видеть свет Его спасительных действий от деревни, Москвы и до Соловок. Видите, я касаюсь политической, так сказать, жизни. Но можете ли Вы сказать, что я вношу политику в свою церковно-иерархическую деятельность? Если скажете «да», то я отвечу, что здесь и есть различие в понимании большинством эмиграции и Вашим «внесения и не внесения» политики в Церковь. Для верхов эмиграции, дающих ей направление, в России — один мрак, разгул, царство сатаны в лице безбожной власти — осквернение ее святынь, родины, разрушение культуры и, если говорить о Церкви, то постольку, поскольку это полезно в цели поднятия и заострения израненного национального чувства. Благодатного огня среди развалин они не видят и не могут увидеть, ибо на первом месте в сознании стоит все временное, земное, хотя бы в таком высоком достоинстве, как родина, отечество; вечное — под ним, духовное — под душевным; выражаясь общепринятым языком, политика господствует над церковным. Отсюда и взгляд

на чисто мирской, политический: хочется возврата родины и, если возможно, со всеми бывшими благами и удобствами земной чисто плотской жизни. Церковь нужна, но для перемены бытового течения в праздничные дни, в отдельных явлениях общественной и семейной жизни. Мысли, настроения, чтобы Церковь с Ее вечным спасительным делом захватывала верующих не только в указанные моменты, но и проникала всегда в будничную жизнь, чтобы она была на первом месте, этого, кажется нет.

По крайней мере, в печати, в некоторой мере создающей и отображающей внутреннее настроение людей, я этого не наблюдаю. «Кесарево», преимущественно устрояющее земную жизнь, главенствует над «Божьим», созидаящим вечное спасение. При таком соотношении этих двух главнейших принципов жизни, вполне становится понятным то ошибочное представление, что если «кесарева» нет, то нет и «Божьего», если государство разрушено, то разрушена и Церковь. Но достаточно стать с убеждением на надлежащую высоту понимания взаимоотношений «Божьего» как вечного и «кесарева» как временного, как меняется взгляд на происходящее в России. Тогда уже впереди идет благовестие Христово: «дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли», а за ним радостное обетование: «се Аз с вами во вся дни до скончания века». Тогда уже и в развалинах, в которые обратила советская власть русское государство, слышится больше того, что было сказано Богом дьяволу, получившему от Него власть над многострадальным Иовом: все отдаю в твою власть, только души его не касайся. Здесь уже Сам Христос Своєю благодатною силою действует везде и во всем, освобождая «вечное» и уготовляя ему и временному на земле надлежащее место. Там, во взгляде политико-церковном на происходящее — одна пока тьма; здесь же, при взгляде церковно-политическом, уже зримо светится благодатный свет и тьма его не угасит. Там — один развал; здесь уже строение, происходящее не ночью, кое-как, наугад, а при утреннем благодатном свете; строится, или лучше, воссоздается Православная Русская Церковь, знающая одну Христову власть в отрешенности от «кесаревой» как внешней опоры для себя. Небесный Архипастырь, Христос поставил к этому великому делу таких строителей, которые, благодаря Бога за «днесь» и не зная, будут ли они стоять у строения «завтра», во смирении и, надо верить, не без благодатного утешения, совершают свое служение, что они — только приставленные работники, главное достоинство труда которых в том, чтобы класть духовные камни в Божие строение, исполненные веры в святость дела и твердой

надежды, что никто и ничто не помешает выполняться строительному плану, данному Архипастырем Христом. Там тюрьма, ссылка, ужасные Соловки — одно беспросветное зло; здесь и тюрьма, и всякая ссылка до Соловков; конечно — ужасная действительность; но здесь есть и праведники, которые даже одним своим присутствием, тем более настроением, словом возвещают о Христе, вечной жизни и, конечно, не без успеха, и, подобно святому Апостолу Павлу, узы которого, вопреки прямым человеческим расчетам прервать ими благовестие Христово, послужили только к большому распространению его, они несут свой великий труд и духовное строительство Великой Русской Церкви в надежде если не приобщиться славы Ее здесь, на земли, то получить сугубую награду там, на небеси. Живущие в единстве Патриаршей Церкви духовно входят в благодатный подвиг наших исповедников. Молясь о сущих в тюрьмах и изгнаниях, о гонимых, гонителях, озлобленных, сиротах, вдовцах и вдовицах, они разделяют с ними узы и страдания; для молитвы нет преград; если она проникает небеса, то тем более человеческие тюремные затворы и достигает в какие бы то ни было отдаленные места. В этой молитве, конечно, нет и тени политической, хотя не все те, за которых молятся, страдают за веру, но многие и за политические убеждения. Служат панихиды по убиенном Царе и Царице со чады и о всех убиенных за веру и отечество; молимся и мы здесь, но никому из молящихся и в голову не приходит, что эта панихида — протест против безбожной власти, ибо ей не предшествует, ни последствует злобная речь в сторону гонителей, а только совершается умирительный церковный чин. Не думаю, чтобы если члены Патриаршей Церкви попросят Преосвященного Вениамина отслужить панихиду по убиенной Царской семье и вообще по убиенным, он отказался бы от того. Конечно, я думаю, он и поминает их, и непременно в общие установленные дни для того, и никто не сочтет этого за демонстрацию, ибо то будет и есть только молитва верующих душ, сознающих всю важность ее для умершего.

Там человеческий страх, быть может, даже несерьезный, только повторяемый с чужого голоса, за молодое поколение, воспитывающееся при всевозможных мерах безбожия (не мешает вспомнить, много ли наше просвещенное общество мирного времени сделало для молодого поколения в смысле воспитания его в христианском духе и не только в любви, а даже в близости к Церкви — не наоборот ли? Чтобы понять внутреннюю цену этого страха, идущего от лиц еще не переболевших церковно и

потому не освободившихся от прежнего христиански бездушного настроения); здесь же вера, что для Христа Спасителя, молодежь, как и вообще люди, безмерно дороже, чем даже лучшему из нас, ибо она искуплена Его Святой Кровью для вечной жизни. В потребное для спасения время Он найдет горячих проповедников о Себе и вечной жизни, которые направят в добрую сторону возбужденные безбожной властью духовные силы для строительства безбожного государства, в строительство Церкви и православного государства. Да и теперь, по доходящим оттуда вестям, не вся молодежь отравлена безбожием и моральным развалом; там уже немало есть из нее горячих подвижников, готовых за Христа в тюрьму и на смерть; молчат ли они о Христе? Есть даже совсем дети, проповедующие о Христе и обращающие к Нему, казалось, пропавших для спасения ярых безбожных коммунистов. Там разрушение святых храмов есть варварское истребление исторических памятников русского народа, национальной культуры и прочего. В протестах нашей заграничной интеллигенции против этих выступлений безбожной власти я редко читал упоминание о святых храмах как молитвенных местах, а если и говорилось, то так и в таком месте протеста, чтобы не бросалось в глаза тем, к кому обращаются, вскользь, между прочим, как бы стесняясь, уступая еще некультурной православной, народной массе, которая, кстати сказать, едва ли их и читает. Не вскрывалось ли здесь внутреннее отношение протестующих и единомысленных им к святым храмам? Если для них они первее всего — культурные памятники, а не места спасительной жизни, то, значит, для них они потеряли свое исключительное ценное назначение, утеряна в сознании первейшая их цель; а в таком случае зачем же нужны храмы? Для простого народа? Как я слышал неоднократно от так называемых интеллигентов. Но ведь духовная болезнь от верхов народных быстро идет в народную толщу и заражает ее. Не плоды ли такого церковно-духовного опустошения мы наблюдаем в тех циничных улыбках и полных простодушия лиц тех из простого народа, которые без всякого духовного смущения разрушали святые храмы? Какой смысл протестовать в защиту святых храмов, если они не только уже давно покинуты протестующими, но и теперь не восприняты ими как места преимущественного присутствия Божия, где приносится Голгофская бескровная жертва за весь мир, но в присутствии хладных к этому величайшему делу и едва ли понимающих сущность его? Протест направлен к «культурному миру», и ответом на него, верую, по воле Христа, было красноречивое молчание. Это — там.

А здесь — разрушение храмов — прискорбное явление. Но здесь и вера. Христос рукою безбожников оживляет души миллионов, для которых они было утратили свое существенное значение. Для веры ясно, что храмы вещественные нужны для душ, храмов духовных, ищущих спасения, вечной жизни. Раз таких мало, то нужно их оживить, найти духовно. Как и чем? Отнятием храма вещественного. Храмы вещественные будут, но первее нужно создать в сердцах духовные храмы. Безмерно труднее создать последние, чем первые. Если души оживут, то они быстро построят себе храмы, но уже не памятники народной славы, а места духовного отдыха; духовного сидения у ног Христа, общения с Богородицею и святыми, места духовного роста и восхождения в вечную жизнь. Христос имеет власть на небеси и на земли. Для веры ясно, что безбожная власть не посмеет разрушить все храмы, хотя бы того она и пожелала; ибо ведь не исполнены же сердца всего народа бездушием и холодностью к ним. Сделает она столько, сколько будет допущено Христом, а больше не посмеет, как не посмели бесы без позволения Христа войти в стадо свиное.

Там в политическо-церковном взгляде поминание в храмах за Богослужениями безбожной власти в России не только блазнит, но совершенно отталкивает до душевного возмущения.

Здесь в церковно-политическом сознании молитва и за безбожную власть воспринимается как воля Божия. Еще святой пророк Иеремия в письме своем к отведенным в вавилонский плен евреям убеждал их молиться за царя и за властей (языческих), чтобы им жилось хорошо. И святой апостол Павел говорит: «Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих (а они были гонители христиан), дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте; ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет чтобы все люди спаслись и достигли познания Истины» и так далее (1 Тим. 2:1-7). Скажите пожалуйста, кто прав перед Христом — молящиеся ли о властях или протестующие против этого?

Великое дело молиться за них не по страху, а по убеждению в том, что это воля Божия; и я верю, что в Патриархии так и молятся, и безбожная власть уже как будто не так гонит Церковь, как раньше, когда не молились о ней, как заповедано Христом.

Обо всем этом приходится говорить потому, что просвещенная часть нашего народа совершенно не знакома с Божествен-

ным Откровением и, кажется, не живет желанием поучиться в Нем. А ведь оно дано для устроения жизни не только вечной, но и земной.

Несколько слов о святых канонах, о которых Вы изволите говорить, что ими совершенно не предвидена та обстановка церковной жизни, «затрудняющая применение канонического принципа», которая и извиняет нарушение его.

Фраза о невозможности применить при настоящих условиях святые каноны к устроению церковной жизни пущена в ход, а другими с легкостью повторяется, Карловацким Синодом только тогда, когда по политическим соображениям было намечено и произошло обособление от Матери Патриаршей Церкви. А до этого, опираясь именно на святые каноны, митрополит Антоний с достоинством обличал живоцерковников, обновленцев, украинских, польских автокефалистов. И опять, когда произошла смута между Карловцами и митрополитом Евлогием, то с каким авторитетом и властью, присущими только Канонической власти, митрополит Антоний нападал на митрополита Евлогия, отразившего его только тем, что стал на путь канонического подчинения Московской Патриархии, которая, стоя на почве святых канонов, совершенно оправдала его. А теперь, когда Патриархия к каноническим бесчиниям митрополита Евлогия применила те же самые святые каноны, то они оказались неподходящими для современных условий, хотя эти условия и не изменились.

Православная Церковь устроит жизнь свою на началах веры, нравственности и святых канонов. Источником первых является Божественное Откровение и догматические определения Вселенских Соборов. Главнейшая цель всего — соблюдать, хранить единство веры и быть в ней. Но кто из членов Церкви не грешен против веры и нравственности? Никто. Однако в области греховной есть грехи слабости человеческой, омыаемые таинством покаяния. Но есть грехи против основных предметов веры, и если они упорно поддерживаются, проповедуются, то являются грехами против основ веры, разрушающими единство веры. Виновники их, как еретики, отсекаются от Церкви.

Точно также и в области канонической. Святые каноны — благодатная ограда для веры Церкви. Они охраняют единство Церкви Вселенской и каждой Поместной. Едва ли найдется в Церкви такой, кто без греха пред святыми канонами. Но опять-таки, личные грехи каждого и здесь исправляются покаянием. Но есть грехи принципиального значения, подрывающие каноническую основу Церкви, каноническое единство Ее. К виновникам,

настойчиво держащимся этого, Каноническая власть, которой вручается охранение единства Церкви, в целях соблюдения последнего должна применять соответствующие, указанные святыми канонами меры.

Митрополит Евлогий тяжко согрешил не личным грехом, а грехом против канонического единства Церкви, ограждающего единство веры. Он восстал против существа духа святых канонов, своим сперва непослушанием, а потом и явным противлением Высшей Канонической Церковной Власти, *олицетворяющей единство Церкви*, взорвав его, отделившись от Матери Церкви, единение с Которою он сам всегда и неизменно признавал первейшим *условием канонического, а следовательно и благодатного бытия русских православных эмигрантов*. К нему и применены канонические меры, меры не наказания, а епитимийного (педагогического) воздействия для раскаяния в тяжком грехе. Здесь уже всякое оправдание его — канонически беспочвенно и духовное пребывание с ним — греховно, ибо это означает участие в основном каноническом грехе, взрыв единства Церкви, охраняемого Духом Святым, святыми канонами Вселенских Соборов.

На пожелание Вам Преосвященного Вениамина возвращения в лоно Русской Церкви, Вы отвечаете, что Вы никогда не считали себя отпавшим от Нее. Если бы так называемые «Евлогиане» (так уже, к сожалению, принято называть в новом церковном бесчинии сущую часть истинной Русской Церкви) не удерживалась канонически Патриархией в лоне Патриаршей Церкви, то позволительно было бы спросить Вас — в лоне какой Русской Церкви Вы считаете себя пребывающим? Ведь в России считают себя Русской Церковью обновленцы, украинские автокефалисты и другие раздорники, из которых первых двух, документально известно, признает Константинопольский Патриарх Фотий, и в ответном Рождественском им приветствии благословляет их раздорническую деятельность, желая им успеха в смуте Русской Церкви. Ведь нельзя же считать Русскую Церковь *в мысли только объединение и Патриаршей Церкви, и живоцерковнической, обновленской, украинской и тому подобное без действительного, реального их объединения*, ибо Церковь не есть нечто мечтательное, но действительное единство. А такое церковное единство выражается в общении Тела и Крови Христовых: а этого там нет. Остается, если не желаете оставаться в общении с церковными раздорниками, мыслить себя членом Патриаршей Церкви, в лоне Которой пока Вы со своими единомышленниками утверждаетесь.

Однако пребывание полноправным членом в Церкви не обуславливается только моим личным сознанием — «я» считаю себя членом Ее, — но волею Церкви, что то же волею Христа. Когда Христос повелевает Своим апостолам, следовательно, епископам по данной Им власти, непримиряющегося с братом раздорника отлучать от Церкви («да будет он... яко язычник и мытарь», Мф. 18:15-18), то если бы отлученный в своем личном сознании и считал себя членом Церкви, то оттого существо дела не изменилось бы, он все равно остался бы вне Церкви, вне спасительной благодати, вне Христа. И если бы он в другом месте, где его не знают, насильно, вопреки воли Церкви и приступил ко Святому Причащению, то, конечно, такое дерзкое Причащение было бы не во спасение, а в величайшее осуждение. Отлученному нужно войти в лоно Церкви волею Ее, в указанном Ею порядке. Отсечение от Церкви совершается в цели сохранить в Ней *единомыслие, единство Церкви*.

Нормальное положение члена в Церкви есть полноправное пользование в нужную меру спасительными благодатными Дарами Святого Духа для вечной жизни. Но в отношении к грешникам в разных степенях их греховности, согласно данной Спасителем Своим Апостолам и в дальнейшем епископам, — «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (18 ст.), — согласно практике святых Апостолов, в Церкви, применительно к святым канонам, в которых выразилась Ее воля в единении с волею Духа Святого («изволися Духу Святому и нам»), всегда действовало различное ограничение их в церковных правах, определявшееся в Поместной Церкви высшею Ее властью, в епархиях — епископом в меру, данную ему. И здесь уже правильно понимающий свое положение в Церкви член Ее не может сказать: хотя на меня наложено ограничение, но я не считаю его справедливым (восхищает себе судебное право Церкви) и потому пользуюсь всеми благодатными правами; а если бы и стал их самовольно восхищать, то, конечно, он этим не изменил бы воли Христовой, не развязал бы на небеси того, что связано на земли, и через самочиние вверх бы себя еще в большее осуждение. Спасительная благодать в Церкви не берется самовольно, насилием личным над Нею, а смирением с очищением сердца пред Церковью от того греха, ради которого наложено известное ограничение в Ней. На митрополита Евлогия и подчиняющихся ему иерархов и прочих священнослужителей, находящихся в составе Истинной Русской Патриаршей

Церкви, за непослушание и противление Ее в лице Высшей Ее власти, наложено Последнею ограничение, то есть связанность на земли делает их связанными на небе, и самовольное пользование в данный момент непринадлежащим им правом не делает их полноправными иерархами и иереями, хотя они стараются убедить себя и других в том, что они полноправны в Церкви, и через новое самочиние подвергают себя большому осуждению, ибо Благодать Божия как не продается, так самовольно не удерживается, но все совершается в этой области по воли Христовой, указанной в святых канонах Церкви.

Тоже нужно сказать и о мирянах. Раз они стали с митрополитом Евлогием и прочими клириками в непослушание и противление Церкви в лице Ее Власти, то и они, по канонам Церкви, подлежат аналогичному ограничению; участвуя в священнодействиях, совершаемых запрещенными клириками, они в них не получают спасительной силы, ибо благодатное право совершать спасительные Святые Таинства и другие священнодействия у запрещенных клириков связано на земле, следовательно связано на небе. Отсюда все «Евлогиане», считающие себя состоящими в Русской, полагаю, в Патриаршей, Церкви, действительно, находятся в составе Ее, но с большим ограничением в благодатных правах членов Ее, выйти из которого и возможно только через искреннее покаяние в грехе противления Церкви и достойное соучастие в Таинственной Трапезе Господней, чтобы, приобщаясь Ее, идти в вечную жизнь.

Митрополит Елевферий.

**Доклад Сергея Отмана,
секретаря епископа Вениамина митрополиту Сергию**

от 13 марта/26 марта 1932 года,
г. Париж.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому, Заместителю Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола секретаря Епископа Вениамина доклад.

Около года тому назад (18 апреля 1931 года) мы имели честь изложить Вашему Высокопреосвященству положение нашей

общины, сохранившейся в законном повиновении Вашему Высокопреосвященству.

Много времени прошло с тех пор, и, конечно, поскольку внешние условия жизни постепенно меняются, при неизменяемости и непрехождении лишь Слов Божиих (Мф. 24:35), многое во внешнем нашем существовании также изменилось. Картину происшедшего за это время и нынешних условий нашей жизни церковной мы и считаем ныне своим долгом представить кратко Вашему Высокопреосвященству.

Главным изменением явилось преобразование нашей общины в приход. В первый период, нами названный «историческим», когда приходилось, после откола почти всей эмиграции, устроить сначала всю церковную жизнь, начиная с нахождения и оборудования самого храма, мы действовали вне определенных рамок, ради ускорения дела, — и существовала только первоначальная организационная группа, являющаяся центром нашей первой церковной общины. Но когда жизнь начала входить в свое нормальное русло. Высокопреосвященный Митрополит Елевферий во время своего второго пребывания в Париже, сам принял инициативу устройства Приходской организации, каковая и сформировалась окончательно 14 мая 1931 года: в этот день состоялось первое приходское собрание, которое избрало настоятелем отца иеромонаха Стефана (Светозарова)⁷, старостой — П. П. Шостаковского, избрало также и Приходской Совет.

Отец иеромонах Стефан нес с самоотвержением и бескорыстно обязанности настоятеля до последнего времени, но, по своему смирению, он, считая себя недостойным для их исполнения, неоднократно просил Высокопреосвященного Митрополита об освобождении от них, на что подконец Владыка и согласился, и на втором Приходском Собрании, состоявшемся 12 февраля 1932 года, в день Храмового Праздника, Преосвященный Епископ Вениамин, по избранию его прихожанами, сам возложил на себя обязанности настоятеля.

Клирики вообще, с полным бескорыстием и ревностью в служении Господу Иисусу Христу и своей пастве, исполняли и исполняют свой долг, сопряженный с большими материальными трудностями и лишениями, ввиду нашей бедности. Но эти материальные трудности и необходимость идти на настоящий подвиг и явились, по-видимому одной из причин, воспрепятствовавших женатому духовенству причислиться к Патриаршей Церкви. Как отметил Владыка Митрополит в своем приветственном послании, наш храмовый праздник — праздник нашего монашества,

ибо последнее откликнулось на зов Истины. К трем верным Патриаршей Церкви с самого начала иеромонахам присоединился отец иеромонах Герасим, некогда бывший в карловацком расколе и принятый чрез покаяние владыкой Митрополитом; присоединился еще в последнее время таким же образом бывший евлогианский священник отец Димитрий Соболев (жена которого в России).

Долго наш приход пребывал без диакона, но в течении короткого времени их появилось три: посвященный в диаконский сан наш верный прихожанин отец Стефан Стефановский, к сожалению, удрученный тяжелой болезнью, часто препятствующей ему служить в храме; вернувшийся из униатства в Истину Православия отец Михаил Бельский⁸; наконец, проезжавший по пути из Китая и задержавшийся здесь за отсутствием визы отец иеродиакон Гурий, тоже принятый чрез покаяние из Карловацкого раскола владыкой Митрополитом. Один только — последний из трех диаконов — живет на Подворье; два другие — женатые и живут самостоятельно. К радости присоединения к нам этих братьев-клириков прибавилась, увы, и скорбь отпадения в Евлогианский раскол отца архидиакона Евфимия, исполнявшего у нас в первоначальный период обязанности чтеца и певца, который был запрещен и, долго не получая разрешения, не вытерпел по недостатку смирения.

Итак, нынешний состав клира Патриаршей Церкви следующий: настоятель Парижского Трехсвятительского прихода — Преосвященный Епископ Вениамин; отцы иеромонахи: Стефан (Светозаров), Афанасий (Нечаев)⁹, Феодор (Текучев)¹⁰ и Герасим (Новиков); священник отец Димитрий Соболев; отец иеродиакон Гурий; диаконы: отец Стефан Стефановский и отец Михаил Бельский; псаломщик — Н. И. Шепелевский.

Церковным старостой пребывает П. П. Шостаковский, бескорыстно и ревностно понесший тяжелый и неблагоприятный труд централизации доходов и распределения расходов при соблюдении крайней экономии. Членами Приходского Совета были избраны 14 мая 1931 года члены Фотиевского братства¹¹ М. Е. Ковалевский и Е. Е. Чириков, писательница М. А. Каллаш¹² (известная в церковной литературе под именем И. Курдюмова), ревностная защитница православия, в квартире которой совершалась наша первая литургия, редактор Вестника РСХД И. А. Лаговский, К. Г. Шевич¹³, А. А. Волынский, первый, представивший свою квартиру для пребывания в Париже Владыки Митрополита и для совершения первых великопостных богослу-

жений. Е. Е. Чириков уехал в Прагу, год трудился в распространении Церковной Истины; его место занял первый кандидат М. П. Воронцов-Вельяминов. Приходское собрание 12 февраля 1932 года присоединило к предыдущим двух новых членов, В. А. Александрова (помощника Старосты) и С. А. Отмана. Председатель Ревизионной комиссии — секретарь РСХД Ф. Т. Пьянов¹⁴. Хором управляет бывший член корпуса, руководимого преосвященным Вениамином в Югославии, бывший студент Парижского богословского института С. А. Родионов. Пение церковного хора внушает всем присутствующим, даже приходящим извне, самое благоговейное настроение своим молитвенным и полумонашеским церковным духом.

Скромная, убогая приходская церковь постепенно украшается новыми иконами, при деятельных усилиях художественной комиссии, руководимой отцом иеромонахом Афанасием и М. А. Каллаш; участвовали в работе по росписи художники: Е. Е. Ковалевский, В. Б. Полуэктов, В. А. Орлова. Пока еще не удалось нам приобрести больших изображений Спасителя и Трех Святителей. Среди главных украшений нашего храма — иконы Почаевской Божией Матери, пожертвованная Преосвященным Епископом Вениамином и святого великомученика Пантелеимона, написанная и пожертвованная госпожой Орловой; но главным приобретением является икона Иверской Божией Матери (копия с подлинной), находившаяся у антиквара, которую благодаря помощи особо созданного комитета, с одной стороны, и общего напряженного усилия наших прихожан, с другой, удалось нам в несколько дней выручить за высокую плату.

Наличие двух престолов дает возможность совершать, в случае нужды, две литургии, что и делается в праздничные не воскресные дни, чтобы дать возможность трудящимся помолиться на ранней литургии. Ежедневно же у нас совершается: утром — полунощница, утреня и Божественная литургия; вечером — вечерня, повечерие, акафист (и дважды в неделю беседа); в воскресенье после литургии — общий молебен пред иконой Иверской Божией Матери и общая панихида. После этого в верхнем помещении предлагается оставшимся скромный чай, как бы по примеру бывших христианских агап, на котором Преосвященный Владыка часто делится с присутствующими духовными впечатлениями. Конечно, первостепенное значение придается нами принесению Жертвы Христовой, объединяющей нас в молитвенном общении со всей Русской и со всей Вселенской Православной Церковью.

Хотя через руки церковного Старосты прошло в течении девяти с половиной месяцев около 50 000 франков, однако, ввиду обремененности расходами (главной статьей которых является аренда помещения: 16250 франков в год, и его обслуживание), эта сумма далеко не отслеживает необходимые нужды, а бремя лежит на прихожанах и молящихся: доходные статьи (ежемесячные взносы, продажа свечей и просфор, пожертвования и займы) являются почти исключительно их долею. До сих пор не удалось выплатить все долги, и храм почти ничего не может уделять в пользу клира, который, будучи в материальной зависимости от тех же прихожан или от собственного заработка (ныне осуществленного лишь двумя диаконами), при своем многочисленном составе, находится иногда в самом затруднительном положении и живет лишь изо дня в день, в уповании на милость Божию, которая, однако, никогда этого упования не посрамляет по слову Христову (Мф. 6:25-34). И чудесным образом Господь и клир питает — неложно сказать манною небесной — и в последние дни, предшествующие срокам уплаты за помещение, дает возможность собрать недостающие иногда для уплаты суммы. Но и в этой (финансовой) области теперь мы уже входим в более регулярно-планомерный период и при помощи установленной сметы надеемся выплатить к концу года долги, которые были вызваны необходимостью героического периода.

Вокруг церкви образовалась активная жизнь; над самой церковью верхнее помещение Подворья было разделено отчасти на кельи, отчасти на рабочий зал. В кельях живут, кроме некоторых из клириков и помощника старосты, братья, — хотя ходящие в штатской одежде, — на положении послушников, питающиеся от общего стола. С целью материального дохода, а также с целью борьбы с греховною праздностью рабочий зал (в нем же происходят и собрания) превращен в типографскую, по приобретении Преосвященным Владыкой сравнительно дешевого материала, выплачиваемого ежемесячно, после первого, более крупного взноса. Типография посвящена памяти отца Иоанна Крондштатского. Заказы получают регулярно, но пока, ввиду расходов на уплату за материал, чистого дохода мало, и в течении долгого времени не предвидится. Клер и братья, живущие на подворье, занимаются главным образом, во главе с самим Преосвященным, типографским делом, отчасти же шитьем облачений (в которых ощущается крайняя нужда) и сапожным ремеслом.

При приходе образовалось два главных отдела — благотворительный и просветительный. Благотворительным отделом

руководит отец иеромонах Стефан; главной его работой является посещение больниц. Основным деятелем в этой области, посвятившим себя ей уже несколько лет, является писатель П. К. Иванов. Ныне число посещаемых больниц равняется 12, число больниц — около 60. Конечно, помимо развлечения больных беседою, книгами, гостинцами и т.д., имеется в виду и забота об их духовном состоянии. Кроме больных, благотворительный отдел печется и о бедных; для избежания злоупотребления благотворительными средствами очень редко выдаются на руки деньги, а чаще всего одежда, белье, обувь, бонны на бесплатные ночлеги и обеды. На Пасху и на Рождество Христово, были устроены бесплатные обеды на самом Подворье. Неоднократно Преосвященный Вениамин принимал на подворье на несколько ночей лишенных крова, подавая им при том и духовное утешение. Заботятся также о христианском отпевании и погребении скончавшихся в больницах в полной нищете. Почти исключительным доходом благотворительного отдела является тарелочный сбор в храме на больных и бедных.

Просветительным отделом руководит отец иеромонах Афанасий. Основным его доходом является расставление кружек по частным лицам и по русским магазинам города. Просветительный отдел направил свои главные силы на религиозное воспитание детей. Образовалось две группы детей, обучаемых Закону Божию, одна состоящая из старших мальчиков, другая из девочек и подростков. К сожалению, родители пока слабо откликнулись на зов просветительного отдела. Более всего отклика нашло приглашение на елку, собравшую на подворье более 50 детей. Намечается также детское разговение на Пасху. Церковь наша сознает всю важность как благотворительной работы, благодаря которой дается возможность не только накормить, напоить, посетить Самого Господа в лице нуждающихся (Мф. 25:40), но и вернуть ко Христу, путем материнской церковной заботы, ожесточенные души — так и просветительной работы среди подрастающего поколения, в котором особенно надлежит нам хранить вложенные в молодые души искры Божественного Света. Для взрослых же устроены были дважды открытые духовные собрания — одно нами самими, в память Святейшего Патриарха Тихона, 19 апреля 1931 года, другое Фотиевским Братством по случаю 14-летия восстановления Патриаршества, 6 декабря 1931 года, также в помещении Подворья. Вообще наша миссионерская деятельность еще мало развита. Причина этому следующая: вскоре после осуществления нашего самостоятельного существо-

вания мы, пытаясь развить нашу внешнюю деятельность, строили широкие планы: лелеялись мысли о снятии униатского храма под Парижем, о снятии близ последнего большого участка земли для обрабатывания ее на монастырских началах, о женском монастыре, о детском приюте, о доме отдыха для нервнобольных; делались попытки открыть приходы в окрестностях города (St Cloud Asnieres). События показали тщетность и неправильность центробежных усилий при наличии недостаточной внутренней подготовки; и потому выяснилось, что прежде всего нужно сосредоточить свои духовные силы для преодоления внутренних искушений, — следовательно направить главную нашу линию не вовне, а во внутрь и сделать прежде всего из Подворья духовный центр — «и светит всем в доме» (Мф. 5:15). Одновременно с тем, пришлось и внимательнее оценить свои силы, ибо и так уже мы тщетно пробовали с десятью тысячами противостать двадцати (Лк. 14:31) и предпочтительно нам хранить свою соль, дабы она не потеряла силу (ст. 34). Вне Парижа у нас сохранилось только два уголка во Франции, верных Патриаршей Церкви: в Виль д'Аврэ, предместье Парижа, верный и деятельный наш брат Р. Г. Ярмаркин устроил у себя в конторе часовню, посвященную Иверской Божией Матери, в которой, благодаря его усилиям собирается по воскресным дням иногда человек 15. Туда ездит еженедельно отец иеромонах Стефан для совершения Божественной Литургии по воскресениям и, кроме того по четвергам — для руководства образовавшейся там церковной школой. Другая община открылась в Ницце усилиями двух благочестивых семей — Безак и Бехтеевых; Е. А. Безак предоставила свою квартиру для совершения Богослужений; у нее и проживает уже с июля месяца прикомандированный туда отец иеромонах Феодор, свободное время уделяющий заработку для существования; там группируются человек около 25. Кроме того, кое-где, в различных местах французской провинции, имеются налицо единицы, верные Патриаршей Церкви, но рассеянность их, к сожалению, не позволяет удовлетворять их духовные нужды. Общины в Виль д'Аврэ и в Ницце, не образовавшие пока из себя приходов, ввиду малочисленности их членов подчиняются непосредственно Преосвященному Епископу Вениамину. Вне приходской организации находится также Братство имени святителя Фотия, уже известное Вашему Высокопреосвященству и имеющее целью хранение Православной Истины; и еще — новообразованное юношеское Братство во имя святого Архистратига Божия Михаила, цель которого — объединение подрастающего поколения на Церковной ниве.

К сожалению, наша Патриаршая Церковь встретила, с самого начала откола от нее эмиграции, острую вражду. Нежелающие видеть Истину тем более ожесточились против нас, что туманно сознавали, вероятно, внутри себя нашу правоту и предпочли бы не иметь перед глазами постоянный для них укор в лице существующей и развивающейся нашей общины, а затем прихода. Однако вражда стала постепенно уменьшаться, как и всегда бывает некое затишье после остроты, вызванной первым порывом борьбы. К сожалению, должно сказать, говоря человеческим языком, что надежды мало на скорое возвращение в лоно Истинной Церкви эмигрантской массы; но, конечно, — иные пути человеческие, иные Пути Божии, и — Велий есть Бог, творяй чудеса. Запрещение тоже, к сожалению, мало подействовало на сердца. Объясняется это особенно общим охлаждением к вере и безразличием серой массы к церковным вопросам; объясняется еще, может быть, и тем, что запрещению, наложенному Вашим Высокопреосвященством и Священным Патриаршим Синодом, предшествовало четыре года тому назад запрещение, исходившее от Карловацкой группы архиереев, незаконность которого все сведущие в церковных канонах и подчиняющиеся Истинной Русской Церкви старались обнаружить; и когда последовало уже законное запрещение, народу, уже раз отведавшему незаконного, было трудно понять различие между законным и незаконным запрещениями. Главная же, конечно, причина лежит во враге рода человеческого, всюду сеющему смуту и ослепляющем умы и сердца людей.

Все же и запрещение, и даже самый церковный конфликт имели хотя бы то положительное следствие, что даже средняя публика, никогда вовсе не интересовавшаяся церковными вопросами и, может быть, не знавшая, что такое каноны, заинтересовалась ими, начала о них рассуждать, хотя часто вкось и вкривь, но все же приглядываясь к тому, что происходит в церковном мире. Церковь как-бы острее выявила себя наружу, и вопросы, ею затронутые, острее врезались в сердца.

Наше же не смущается сердце: мы веруем в Бога и во Христа (Ин. 14:1), веруем и в непреодолимость никакими силами Церкви Его Святой (Мф. 16:18).

Пусть бушует вокруг нас житейское море, воздвигаемое напастей бурей: мы имеем в Пастыреначальнике нашем тихое Пристанище, к которому хотим стремиться, имеем и мудрых и верных земных наставников, неусыпно пекущихся о душах наших (Евр. 13:17). Что преимущественно отличает наше мировоззрение

от постороннего, как ясно отметил один из наших прихожан, это стремление не к внешнему (творчеству), а к внутреннему (спасению) — по крайней мере к постоянному оцерковлению всей жизни. Непрерывно звучат у нас слова: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33).

Наконец, оцерковление не отрицает и реализма, поскольку Церковь воинствующая пребывает в земной плоскости. Внешние формы жизни постоянно обновляются, тогда как Истина пребывает непреложной.

В день Святой Пятидесятницы в конце Божественной литургии от нечаянного удара все семь лампад, стоящих за правым алтарем одновременно упали и разбились. Некоторые были этим обстоятельством смущены. Но Преосвященный Владыка усмотрел в этом знак обновления духа, — внедрение новых слоев в нашу церковную жизнь: «Се творю все новое» в нашем обновлении духа, оставляющем за собой в древних, обветшалых ризах эмигрантскую психологию, мы видим залог единения с Матерью Русской Церковью, мудро возглавляемую Вашем Высокопреосвященством, с которой мы хотели особенно молитвенно соединиться через общее говение в день святого Серафима Саровского и святого Ильи Пророка, с которой и все время ощущаем живую связь в общении Единого Тела Христова. А через нее ощущаем и единство со всей Вселенской Церковью, Которой слава и держава вовеки!

Испрашивая Вашего архипастырского благословения и молитв Ваших святых о нас, грешных и недостойных, но любящих и верных чад Ваших, честь имею пребывать, Вашего Высокопреосвященства недостойнейшим и многогрешным о Господе послушником.

Сергий Отман.

**Письмо епископа Вениамина, церковного старосты
П. П. Шостаковского и С. А. Отмана
митрополиту Сергию**

от 8/21 апреля 1932 года,
г. Париж.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому, Заместителю Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола

Ваше Высокопреосвященство милостивейший архипастырь и отец, Христос Воскресе!

Почтительно приветствуя Ваше Высокопреосвященство и всех Преосвященных членов Священного Патриаршего Синода сими словами, возвещающими о спасении мира Словом Воплощенным, мы хотели бы в лице Вашем с приветствием нашим обнять на сердце своем всю паству Вашу, сродную нам и дорогую. Возрадовавшись радостью великою при получении Вашего благословения нашему Приходу, мы в нем еще более почерпнули уверенности в крепости и истинности взаимных уз любви и мира связующих нас. Мы воистину верим, что когда у нас совершается Бескровная Жертва Единого Безгрешного, и когда произносятся слова «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы», в Ваших сердцах звучит навстречу нам ответ, а также и в наших — Вам, вопреки разделяющему нас пространству, — подобно тому, как преподобный Сергей и святой Стефан Пермский, не видя друг друга, обменялись, однако, лобзанием святым. Мы верим и знаем, что ничто между нами не может упразднить общение в Телѣ и Крови Господа и Искупителя нашего, и эту твердую уверенность мы черпаем в сознании сохранения залога Истины. Крестная Жертва Пострадавшего за грехи наши внедряет в нас очевидность слов Псалмопевца: «милость и истина сретостася, правда и мир облобызастася» (Пс. 84:11); подобно тому, как не могло быть и упразднения клятвы без исполнения всякой правды (Мф. 3:15), не может быть подлинной радости Пасхальной вне блюденія Истины Церковных заветов. Поэтому, не смущаясь тем, что у нас малое стадо (Лк. 12:32) мы верим, что Ваша мудрая десница направит нас, вкупе со всей Вашей паствой, по тем стопам, по которым да даст Вам Всевышний крепость и силу право править слово Его Истины, на многая лета.

Испрашивая Вашего архипастырского благословения и святых молитв, честь имеют пребывать Вашего Высокопреосвященства нижайшие послушники

*Епископ Вениамин,
церковный староста П. Шостаковский,
секретарь С. Отман.*

**Письмо митрополита Елевферия
митрополиту Сергию**

от 10/23 апреля 1932 года,
г. Каунас.

Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому, Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

Христос Воскресе, Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Владыка.

Душевно приветствую Вас с праздником Христова Воскресения. Да пошлет Вам Христос, Небесный Архиерей, Глава Церкви, Самосушая Истина, телесного здоровья, духовного мира, да наставит Вас Духом Святым на всякую Истину, и Истина да руководит Вас в устроении церковной жизни у себя и у нас, где новый раскол церковный, требующий мудрого лечения.

Свой подробный отчет о результате исполненной мною Вами возложенной на меня миссии, с различными положениями, среди которых — фотографическая копия с подлинного томоса Константинопольского Патриарха, я отослал Вашему Высокопреосвященству 19 марта/1 апреля.

Жизнь Патриаршей Церкви в Париже развивается, хотя и медленно, но нормально, в добром и бодром духовном настроении. Митрополит Евлогий последним своим неканоническим актом оставшихся верными Патриархии священнослужителей отрешил от мест и запретил им священнослужение «в пределах своей епархии». Где же «его епархия»? И где «пределы ее»? Этим актом он еще раз доказывает неискренность своих раннейших отношений к Патриаршей Церкви. Буду ожидать Ваших действий на все эти бесчиния. В своем Епархиальном «Церковном вестнике» они напечатали Ваше письмо к нему от 28/X.30 и два своих к Вам — предшествующее и последующее Вашему письму. Все это для того, чтобы показать народу, что я-де не скрываю актов, и это после того, как мы размножили и распространили в народе Ваше письмо к нему. Мне было бы нужным иметь копии его ответов на Ваши запросы по поводу нарушения им своей известной подписки. Я намерен выступить в печати с опровержением всех его обвинений против действий Патриархии.

Прошу Вас, Милостивейший Архипастырь, засвидетельствовать мой братский сердечный пасхальный привет всем святителям — членам Патриаршего Синода, с пожеланием здоровья и мира душевного и просьбу о святых молитвах их за нас, грешных.

Да хранит Вас Господь в добром здравии и благополучии. Испрашивая Ваших святых молитв, честь имею пребывать Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник

Митрополит Елевферий.

Р. С. На просьбу нашей Патриархии помочь ей прекратить новый раскол (Указ 24/ХП.1931) Болгарский Синод (единственный, удостоивший ответом) уведомил меня, что он «доселе не находил возможным вмешиваться в дела Русской Церкви заграницею, боясь стать на сторону той или другой из спорящих между собой сторон... и теперь находит для Себя неудобным и неуместным вмешиваться во внутренние дела Сестры Русской Православной Церкви». Таково Вселенское Каноническое Сознание.

М. Е.

**Письмо митрополита Елевферия
митрополиту Сергию**

от 14/27 апреля 1932 года,
г. Ковно.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Владыко и Милостивейший Архипастырь.

С живейшею радостью получил теплое приветствие и добрые пожелания Вашего Высокопреосвященства к близящемуся Светлому Празднику Воскресения Христова.

Свидетельствуя Вам свою глубокую признательность за этот трогательнейший и ценнейший для меня и всех патриархистов акт существующего между нами тесного духовного общения, со своей стороны вседушно приветствую святыню Вашу с величайшим всерадостнейшим Христианским Праздником и молитвенно желаю, да дарует Вам Воскресший — Христос Жизнодавец

благодатный мир свой, который Он благоволил преподать Апостолам в день Своего Воскресения, и да укрепит Он Ваши душевные и телесные силы для неослабевающего любовью и ревностью служения Святой Его Церкви.

Испрашивая Ваших Святых молитв, с чувством глубокой преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства смиреннейшим послушником,

*Елевферий,
Митрополит Литовский и Виленский.*

85

**Письмо архиепископа Вениамина
митрополиту Сергию**

от 14/27 апреля 1932 года,
г. Париж.

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреосвященство, милостивый мой владыка, возлюбленный архипастырь! Вчера получил Ваш указ¹⁵ о возведении меня, недостойного, в сан архиепископа. Что скажу? Буду ли смиряться — но это лучше делать в клетях сердца пред Отцом Небесным. Напишу ли о тихой радости — она и без того понятна. Упомяну ли об искушении тщеславием, — увы, не избег и этого «рога» (Иоанн Лествичник).

Но зато ощутил и иное: узрел в сем — знамение милости Божией ко мне, недостойному служителю Церкви Его. Почему так? Верую и исповедую, что Церковь Русская, возглавляемая Вами и всей православной Иерархией, есть истинная Церковь Христова, т.е. руководимая Самим Господом, Духом Святым. А посему и Ваше награждение меня приемлю как одобрение моей худости Главою Церкви, Господом Иисусом Христом.

Это меня и утешает, и ободряет и укрепляет. Слава Господу! Радует меня и то, что в этом выразился первый по отношению ко мне акт со стороны сосредоточия Русской Православной Церкви, Московской Патриархии: возведенным в начале 1919 года в сан епископа, по постановлению Украинского Церковного Собора и Церковного Управления, с предварительного одобрения блаженно почившего Святейшего Патриарха Тихона (как сказано в указе о моей хиротонии), я отныне включен в состав

братии — иерархов Российской Патриархии возведением меня в сан архиепископа. Радуюсь всему этому я, однако, не могу скрыть ни от себя, ни от Вас дорогой Владыка, знающего меня более, чем другие, что все же чувствую себя недостойным столь высокого сана, который носили люди досточтимейшие, выдающиеся деятели Церкви, руководители епархий. Я же, хотя и начал сесть (52-й год мне), но «младенствую» духом.

Однако, не желая огорчать ни Вас, Владыка Святый, ни святых Святителей Священного Синода, почтивших меня саном архиепископа, от всей души благодарю Ваше Высокопреосвященство и членов Священного Синода за награждение меня.

В этом и вся паства наша увидит знак Вашего благоволения к нам, верным чадам Московской Патриархии, сынам родной Русской Церкви.

Приходили мысли и о будущем, в частности о Японии¹⁶, о чем я писал, уже больше года назад, Вам, — но решил теперь — не думать, а во всем положиться на Волю Божию и на веления канонической церковной власти.

Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα!

Испрашивая Ваших архипастырских молитв и Святительских благословений, радость имею быть и впервые подписаться Вашего Высокопреосвященства нижайшим послушником

(Г. Б!) Архиепископ Вениамин.

Р. С. Думаю и о смерти: уже не придется умирать епископом. Это прошло... Кануло в вечность!

Примечания

¹ «Дело о Кишиневцах». Оно является частью истории Православия в Бессарабии. Бухарестский мирный договор, подписанный 16 (28) мая 1812 года, провозгласил освобождение Бессарабии от Оттоманского владычества и включение ее в состав Российской империи. 21 августа ст. ст. 1813 года была учреждена Кишиневская и Хотинская епархия Русской Православной Церкви. В январе 1918 года Бессарабия подверглась оккупации со стороны Румынии. В апреле 1918 года митрополит Молдовы и Сучевы Пимен (Джорджеску), возглавлявший тогда Румынскую Православную Церковь, телеграфно уведомил Святейшего Патриарха Тихона о включении Кишиневской и Хотинской епархий в юрисдикцию Румынской Православной Церкви. В своем беспромеделительном ответе Святейший Патриарх Тихон предложил Священному Синоду Румынской Православной Цер-

кви начать двустороннее обсуждение возникшего вопроса надлежащим каноническим путем, при участии клира и церковного народа самой епархии. Румынская сторона с этим не согласилась, и сношения между двумя Церквями приостановились. Архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский) в то время находился в Москве на Поместном Соборе 1917/18 годов. Два его викария — епископ Аккерманский Гавриил (Чепура) и епископ Измаильский Дионисий (Сосновский) — были высланы из пределов Бессарабии, а в Кишинев назначен епископ Хушский Никодим (Николеску). Последнее обстоятельство побудило Святейшего Патриарха Тихона в октябре 1918 года направить Румынскому Священному Синоду второе послание с новым призывом к переговорам в целях восстановления канонической справедливости и с предупреждением, что в ином случае Русская Православная Церковь будет вынуждена прервать братское общение со Священным Синодом Румынской Православной Церкви и перенести настоящее дело на суд других Поместных Православных Церквей. В условиях жесточайшего гонения, какому Русская Православная Церковь подвергалась до конца 30-х годов, вопрос о положении Кишиневской епархии оставался открытым. В июне 1940 года Бессарабия была возвращена Советскому Союзу и Кишиневская епархия Русской Православной Церкви восстановлена. По ее возрождению первым архипастырем стал управляющий ею епископ Тульский и Одоевский Алексей (Сергеев), возведенный в начале 1941 года в сан архиепископа Кишиневского и Бессарабского.

Двадцатидвухлетний период пребывания Кишиневской епархии в юрисдикции Румынской Православной Церкви был отмечен большими трудностями в жизни ее прихода, возникшими в связи с многочисленными, подчас глубокими различиями в приходской практике и дисциплине Русской и Румынской Православных Церквей; не говоря уже об острейшей проблеме, создавшейся в результате насильственного введения в этой епархии ранее принятого Румынской Православной Церковью нового стиля.

Недовольство и брожение внутри приходов, конфликтные ситуации, возникавшие между отдельными клириками епархии и правящими ею архипастырями Румынской Православной Церкви, подчас выливаясь в прещения канонического характера, и были сутью упоминаемого Владыкой Елевферием «дела о Кишиневцах», которое продолжалось весь период пребывания епархии в юрисдикции Румынской Православной Церкви. Само собой разумеется, что непосредственной канонической инстанцией Русской Православной Церкви, к какой обращались в тот период клирики и миряне Кишиневской епархии, когда этого настоятельно требовали складывающиеся обстоятельства их приходской жизни, был Высокопреосвященный митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский), Управляющий западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви. Всестороннее раскрытие «дела о Кишиневцах» можно получить, обратив-

шись к изданной в 2003 году Издательским Советом Русской Православной Церкви книге «Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы», содержащей полный объем материалов, опубликованных в этом журнале. На стр. 107-109 помещен текст обсуждения Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Нижегородским Сергием и Временным при нем Патриаршим Синодом 1 февраля 1932 года вопроса «О священнике Кишиневской епархии В. Бинецком» и решение по этому делу.

Следует иметь в виду, что упомянутые далее Владыкой митрополитом Елевферием «дело об о. Сергии Соколовском» и дело отца Владимира Зноско также были Синодально рассмотрены и опубликованы в материалах упомянутой книги, соответственно на стр. 105-107 и 109-112.

² Протоирей Дмитрий Николаевич Соболев, родился 12 августа ст. ст. 1888 года в Москве. Окончил 2-ю Московскую гимназию. Вступил в брак в Москве. Имел дочь. Эмигрировал в Германию. Окончил Берлинский Университет вольнослушателем. Сдал экзамены в объеме семинарского курса Архиерейской Комиссии Высшего Русского Церковного Управления Заграницей в г. Сремские Карловцы, Сербия. Епископом, бывшим Курским и Обоянским Феофаном (Гавриловым) 9 мая 1922 года рукоположен в сан диакона. По благословению Святейшего Патриарха Сербского Дмитрия (1920-1930 гг.) 9 июля 1923 года рукоположен в сан пресвитера епископом бывшим Севастопольским Вениамином (Федченковым). В 1923 году отец Дмитрий был назначен священником Сводного Кубанского Казачьего полка в Старой Сербии. Указом Святейшего Патриарха Дмитрия отец Дмитрий был принят в юрисдикцию Сербской Православной Церкви и определен приходским священником в Славковце. Затем, по своему прошению, был переведен в Хорватию в Словонскую епархию на пост настоятеля прихода г. Слатин.

В 1926 году, по просьбе епископа бывшего Севастопольского Вениамина (Федченкова) митрополит Евлогий (Георгиевский), Управляющий Русскими западноевропейскими приходами, пригласил отца Дмитрия во Францию и назначил его сначала настоятелем прихода в г. Лилль, затем перевел его в приход г. Южин и далее — в Риуперу.

В 1929 году отец Дмитрий был назначен в приход г. Ромба. В феврале 1931 года после разрыва митрополитом Евлогием канонических отношений с священноначалием Русской Православной Церкви отец Дмитрий был принят митрополитом Елевферием (Богоявленским) в Патриаршую юрисдикцию и определен в клир Трехсвятительского подворья в Париже. В 1937 году отец Дмитрий стал настоятелем храма в Бийанкуре, а затем замещал во время болезни настоятеля греческого храма свв. равноапостольных Константина и Елены в Париже. В 1942 году отец Дмитрий был арестован немецкими оккупационными властями и до окончания Второй мировой

войны находился в концентрационном лагере в Германии. После разгрома фашистской Германии был вновь назначен в клир Трехсвятительского подворья.

В 1947 году Экзархом митрополитом Серафимом (Лукьяновым) отец Димитрий был переведен в храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», также в Париже. С сентября 1952 по март 1953 годов являлся настоятелем храма Воскресения Господня в Виши. По возвращении в храм Божией Матери «Всех скорбящих Радость», к празднику Рождества Христова 1953 года и.о. Патриаршего Экзарха в Западной Европе архиепископом Берлинским и Германским Борисом (Вик) отец Димитрий был возведен в сан протоиерея. Скончался отец Димитрий в 1961 году. Погребен на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа близ Парижа.

³ Послание Патриарху Константинопольскому Фотию II от 15 октября 1931 года, № 7623. Опубликовано в журнале «Церковь и время», № 2 (19), 2002. С. 253-256.

⁴ Милюков Павел Николаевич (1859-1943), российский политический деятель; историк, публицист. Один из создателей (1905), теоретик и лидер Конституционно-демократической партии. В 1917 году — министр иностранных дел во Временном Правительстве первого состава. После октября 1917 года — в эмиграции.

⁵ Митрополит Елевферий имеет в виду совершавшиеся митрополитом Евлогием (Георгиевским) в Александро-Невском соборе в Париже панихиды по убиенным в Екатеринбурге 16 июля 1918 года императоре Николае II, его семье и нескольким близким союзникам.

⁶ «Поездка в Лондон». Здесь речь идет о посещении митрополитом Евлогием в начале Великого поста 1930 года Лондона по приглашению Архиепископа Кентерберийского Космы Лонга (1928-1942) для участия в Вестминстерском аббатстве в однодневном молебствии о страждущей Русской Православной Церкви.

⁷ Иеромонах Стефан (Светозаров). Биографические сведения о нем см. в журнале «Церковь и время», № 3 (12), 2000. С. 330.

⁸ Протоиерей Михаил Андреевич Бельский, родился 13/26 ноября 1884 г. в г. Великие Луки, Псковской губернии. Окончил реальное училище. В 1904 году поступил в Александровское военное училище. По его окончании проходил службу в армии, завершив ее чином полковника. Был женат.

Находясь в армии Латвийской республики, в 1920 году был взят в плен поляками и препровожден в Германию. В ноябре 1923 года получил возможность переехать во Францию.

Будучи глубоко религиозным человеком тяжело переживал трагическое положение Русской Православной Церкви в Советской России и церковную смуту за рубежом. Дезинформированный о крахе церковной жизни в СССР, в апреле 1927 года принял унию. Прошел богословскую подготовку и в сентябре 1930 года был рукоположен в сан диакона. В ноябре 1931 года принес покаяние митрополиту

Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому), Управляющему западноевропейскими приходами Русской Православной Церкви, и 17 декабря того же года был зачислен в клир Трехсвятительского подворья в Париже. 20 февраля 1933 года архиепископом Вениамином (Федченковым), бывшим Севастопольским, был рукоположен в сан пресвитера. С апреля по октябрь 1934 года отец Михаил исполнял обязанности настоятеля церкви во имя Державной иконы Божией Матери в Ницце и святителя Николая в Клуазоне. В Париже отец Михаил основал франко-русский приход в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», настоятелем которого он оставался до конца жизни. Одновременно он был настоятелем храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Гросруворе. В августе 1936 года митрополитом Елевферием назначен членом Комиссии по делам Западного Православия, а с августа 1937 года — благочинным-администратором западно-православных приходов. Во время германской оккупации Франции 26 августа 1942 года отец Михаил был арестован Гестапо по обвинению в оказании помощи «элементам враждебным Германскому Рейху» и заключен на девять месяцев в форт Романвиль.

25 августа 1945 года Святейший Патриарх Алексий I возвел отца Михаила в сан протоиерея, а к празднику Рождества Христова 1953 года наградил правом ношения митры. Тяжелая болезнь привела отца Михаила к кончине 14 марта 1963 года. Его погребение было совершено на русском кладбище Сен Женеьев де Буа близ Парижа.

⁹ Иеромонах Афанасий (Нечаев). Биографические сведения о нем см. в журнале «Церковь и время», №3 (12), 2000. С. 330.

¹⁰ Иеромонах Феодор (Текучев). Биографические сведения о нем см. в журнале «Церковь и время», №3 (12), 2000. С. 330.

¹¹ Фотиевское Братство. См. в журнале «Церковь и время», № 1 (8), 1999. С.261.

¹² М. А. Каллаш. См. в журнале «Церковь и время», № (19), 2002. С. 257.

¹³ Архимандрит Сергей (Шевич), в миру Кирилл Георгиевич. Родился 21 июля/3 августа 1903 года в Гааге, Нидерланды. Получил аттестат зрелости при русской экзаменационной комиссии в Женеве в 1921 году. 14 мая 1931 года первым Приходским собранием Трехсвятительского прихода (Подворья) К. Г. Шевич был избран членом Приходского совета. 5/18 ноября 1941 года игуменом Стефаном (Светозаровым), благочинным округа приходов Русской Православной Церкви во Франции, пострижен в мантию с именем Сергей. 29 августа/11 сентября 1945 года архиепископом Владимиром (Тихоницким) был рукоположен в сан иеродиакона, а 30 августа/12 сентября 1945 г. им же рукоположен в сан иеромонаха. В том же году отец Сергей был назначен настоятелем Свято-Троицкого храма в Ванв, под Парижем, и в нем проходил свое пастырское служение. В 1947 году награжден набедренником и наперсным крестом. В 1949

году возведен в сан игумена и награжден палицей. 16 ноября 1949 года назначен членом Совета при Экзархе Патриарха Московского в Западной Европе. Определением Святейшего Патриарха Алексия I в январе 1954 года возведен в сан архимандрита. Скончался в июле 1987 года.

¹⁴ Пьянов Федор Тимофеевич (19 сентября 1889 года — 13 июля 1969 года). В 30-е годы жил во Франции. Был Председателем Ревизионной Комиссии Трехсвятительского Подворья со времени его создания, а также секретарем Русского студенческого христианского движения, начало которому было положено первым съездом русских студентов в Европе, проходившем в октябре 1923 года в г. Пшерове, Чехословакия, в котором участвовали священник Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, В. В. Зеньковский, П. И. Новгородцев и др. В 30-е годы секретарем РСХД была мать Мария Скобцова (1891-1945), основательница в 1935 году объединения «Православное дело», занимавшегося помощью русским изгнанникам, оказывавшимся в самых, казалось бы, безнадежных обстоятельствах своей жизни. Ее энергичным помощником и верным сотрудником был Ф. Т. Пьянов, секретарь, впоследствии Председатель «Православного дела». В 1938 году Ф. Т. Пьянов вместе с матерью Марией арендовали в Париже дом, в котором были устроены столовая и общежитие для бедных русских людей, зал для лекций и домовый храм, который был расписан матерью Марией. Под Парижем в Нуази ле Гран, ими был приобретен большой дом с усадьбой, ставший старческим домом. Всем этим практически управлял Ф. Т. Пьянов, бывший, кстати, одним из ближайших друзей Н. А. Бердяева. Во время оккупации Франции нацистской Германией Ф. Т. Пьянов был заключен в концлагерь, по возвращении из которого в 1945 году после поражения нацистов, он продолжил свои труды в «Православном деле».

¹⁵ Указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и временного Патриаршего Священного Синода от 19 апреля 1932 года.

¹⁶ Архиепископ Вениамин имеет в виду два своих доклада (Постановления) Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию от 9 марта/24 февраля 1931 года, опубликованные в журнале «Церковь и время», № 1 (10), 2000. С. 307-313.

